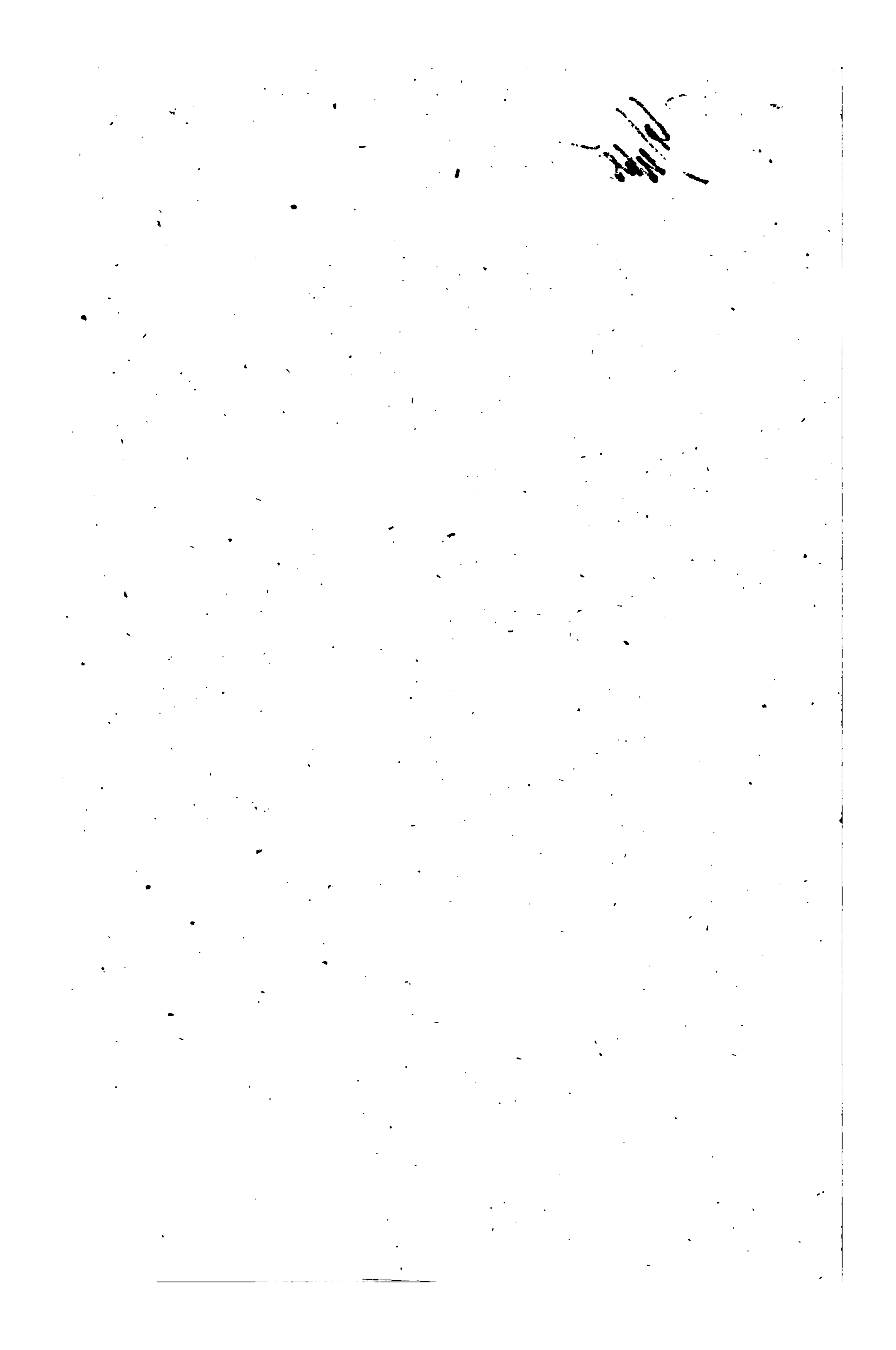

YTA.

8 ~~60/6~~ 95e/1414 2e

ОЧЕРКИ
РОССІИ
Издаваемые
Вадимомъ Пассекомъ
КНИГА II.
1840.

Passek, V.V.

ОЧЕРКИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Вадимомъ Пассекомъ.

КНИГА II.

МОСКВА.
въ типографіи Н. Степанова.
1840.

TK

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книжки. Декабря 8 дня 1839 года.

Ценсоръ, *М. Каченовскій.*

О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ
Тебя багословляя?

Жуковскій.

ПОРТФЕЛЬ

СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ЛОМОНОСОВА.

Почти до настоящаго времени мы гордились только литтературной славой Ломоносова, и смотрѣли на него какъ на геніальнаго поэта, который далъ новое изящное направленіе Русскому языку. Этотъ плодъ генія его, хотя второстепенный въ сущности, былъ ближе къ сердцу нашему, и мы мало или совсѣмъ не обращали вниманія на его ученыя творенія, по которымъ онъ имѣетъ право стать на ряду съ великими геніями Европейскими.

Удивительно ли, что въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, отечество обращало вниманіе только на поэта Ломоносова. Россія тогда еще не нуждалась въ его открытіяхъ по части химіи и физики: прежде всего ей нужна была наука и образцы изящнаго выраженія мыслей; за геніемъ не могли успѣвать слѣдовать общія способности, — кто же могъ оцѣнить его въ то время, кромѣ Европейскихъ ученыхъ: (Ейлера, Фарнея, Генсіуса, Вергентина, Занотти, Нол-

лета, Кондамина, Бернуллія), съ которыми, какъ видно изъ его памятныхъ отмѣтокъ *, онъ велъ переписку, и которымъ, вѣроятно, сообщалъ свои открытія. Но его переписка съ учеными иностранцами не сохранилась; въ его бумагахъ найдено только прилагаемое здѣсь письмо къ Ейлеру **, и отзывъ Ейлера по случаю посланныхъ къ нему Академіей диссертацій Ломоносова на разсмотрѣніе. Этого отрывка однако же достаточно, чтобы убѣдиться, какъ высоко цѣнилъ Европейскій ученый, ученаго Русскаго. Вотъ что пишетъ Ейлеръ объ Ломоносовѣ:

MEMOIRES DE MONSIEUR LOMONOSOFF.

Toutes ses pieces sont non seulement bonnes, mais très excellentes, car il traite les matieres de la phisique et de la chimie les plus interessantes, et qui sont tout à fait inconnues et inexplicables *aux plus grands genies*, avec tant de solidité que je suis tout à fait convaincu de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à monsienr Lomonosoff qu'il possede le plus heureux genie pour decouvrir les phenomenes de la phisique et de la chimie; et il seroit a souhaiter que toutes les autres academies fussent en état de produire des decouvertes semblables à celles que monsieur Lomonosoff vient de faire. т: е: «Всѣ записки Г. Ломоносова, по части физики и химіи, не только хороши, но превосходны; ибо онъ съ такою основательностію излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно

* Смотр. приложенія N 7.
** Смотр. приложенія.

неизвѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ истиннѣ его объясненій; по сему случаю я долженъ отдать справедливость Г. Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій феноменовъ физики и химіи; и желательно бы было, чтобъ всѣ прочія Академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ Г. Ломоносовъ.»

Изъ Русскихъ ученыхъ, преимущественно постигнувшихъ достоинство открытій Ломоносова по части химіи и физики, былъ профессоръ Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ. Въ торжественной рѣчи своей онъ первый объяснилъ, что Ломоносовъ предсказалъ всѣ тѣ истины и открытія, которыя совершены Европейскими учеными нашего вѣка, и слѣдовательно про Ломоносова можно сказать тоже, что Мишеле сказалъ про *Вико:* «Его открытія не были оцѣнены прошедшимъ вѣкомъ потому, что они относились къ нашему вѣку.»

Но постигая уже Ломоносова, какъ поэта и ученаго, мы не знаемъ служебной дѣятельности Ломоносова и вліяній его ума и свѣденій на возникавшія учрежденія по части просвѣщенія Россіи; между тѣмъ, какъ служебная дѣятельность на пользу отечества своими способностями, составляетъ обязанность каждаго сына отечества. Намъ неизвѣстны также отношенія, въ которыхъ находился Ломоносовъ. Довѣренный мнѣ Екатериною Николаевной Орловой *,

* Единственная дочь Михаила Васильевича Ломоносова была за мужемъ за бывшимъ библіотекаремъ при Императрицѣ Екатеринѣ,

урожденной Раевской, портфель служебныхъ его бумагъ, сохранившихся въ семействѣ Раевскихъ, даетъ удовлетворительное понятіе, какъ объ отношеніяхъ, такъ и о пользѣ, которую принесъ этотъ человѣкъ своимъ присутствіемъ посреди разсадника просвѣщенія отечественнаго. Его мысль проникала въ учрежденія, боролась съ мнѣніями противными духу Россіи и завѣщаніямъ Петра Великаго, отстаивала Русскій умъ и честь отъ униженія, и, казалось, что самолюбіе его страдало до слезъ, повсюду, гдѣ не было вѣры въ способность Русскую. «Не употребляйте Божіяго дѣла для своихъ пристрастій, пишетъ онъ къ Теплову,—*дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго.*» — «Что для меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старости не покину.» Явленіе подобнаго человѣка въ эпоху начинаній доказываетъ, что инстинктуальный умъ Русскихъ давно уже образовался: ему стоило только перенять новыя Европейскія формы, и онъ готовъ былъ состязаться съ учителями своими, и отразить вліяніе всего, что было не свойственно или вредно народу.

Едва Ломоносовъ вступилъ въ Академію наукъ, и его духъ преслѣдованія безпорядковъ и злоупотре-

Статскимъ Совѣтникомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Константиновымъ, который имѣлъ двухъ дочерей: Екатерину Алексѣевну и Софью Алексѣевну—нынѣ вдову покойнаго Генерала отъ кавалеріи Николая Николаевича Раевскаго. Такимъ образомъ бумаги Михаила Васильевича составляли родовое наслѣдіе по женской линіи.

бленій является уже въ донесеніи Сенату совѣтника Академіи Нартова отъ 22 Января 1742 года.

«Понеже всему свѣту извѣстно, какое неусыпное попеченіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, по своей высочайшей къ подданнымъ своимъ благосклонности и милостивой любви, имѣлъ между прочими знатными и славными дѣлами, о произведеніи въ Россійской Имперіи наукъ; чего ради всемилостивѣйше повелѣлъ учредить Академію наукъ и художествъ, не для однихъ чужестранныхъ; но паче для своихъ подданныхъ, и при первомъ случаѣ не умедлилъ потребныхъ и искуснѣйшихъ профессоровъ и учителей выписать, регламентъ выдать, и оное основаніе при себѣ завесть, и въ дѣйство произвесть при себѣ соизволилъ. По кончинѣ же его Императорскаго Величества, ревнуя тому Его Величества Высочайшему намѣренію, и Ея Императорское Величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, профессоровъ и учителей умножить и къ лутчему произведенію наукъ милостивое стараніе прилагать не оставила; и сіе-то нужное дѣло намѣреніо Его Императорскаго Величества до единой протекціи токмо Ихъ Величества принадлежало; почему и состояніе онаго по начатіи порядочно происходило и дѣйствіе имѣло. Когда же по волѣ всемогущаго Бога Ихъ Императорскихъ Величествъ жизнь прекратилась, то оная Академія отъ времени до времени будучи въ правленіи однихъ опредѣленныхъ членовъ (между

которыми бывшій и нынѣ находящійся совѣтникъ Шумахеръ, по всемъ правленіи властнымъ учинился) въ такое несостояніе приведена, что никакого плода Россіи не приноситъ, кромѣ единаго поврежденія противными преднимъ Государя Императора Петра Великаго учрежденіямъ поступками и государственной казнѣ убытка, что видя я всеподданнѣйшій, нижайшій Ея Императорскаго Величества рабъ и предохраняя Высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ по должности своей, яко членъ того правительства и сынъ отечества, не могъ умолчать, чтобъ о томъ Правительстующему Сенату не представить:

1.

О учрежденіи той Академіи Государя Императора Петра Великаго регламентъ, который надлежало не только служителямъ академіи вѣдать, и каждому должность свою знать, но и для другихъ въ печать предать, онъ Шумахеръ скрылъ и никому не объявилъ и понынѣ. Чего ради прежніе учители не видя его Императорскаго Величества намѣренія и усмотря происходимыя притомъ непорядки, принуждены были безъ показанія Россіи плода въ свои отечества возвратиться.

2.

Онъ Шумахеръ вмѣсто тѣхъ, другихъ безъ указу собою выписывалъ и принималъ; жалованье и пенсіи опредѣлялъ не малыя суммы, не по достоинству, и потомъ паки изъ службы отпускалъ безъ всякаго показанія плода, чего ему собою чинить не надлежало.

3.

Штаты сочинялъ и подавалъ положа и требуя великія суммы денегъ, и писалъ чего не подлежало къ немалому казенному убытку, безъ чего весьма обойтиться и прежде опредѣленною суммою, ежелибъ съ добрымъ осмотрѣніемъ расходъ содержанъ былъ, исправиться было можно.

4.

Приходы и расходы денежные держитъ подъ единою своею дирекціею и дѣлаетъ что хочетъ, тая протчихъ, а щетовъ правильныхъ и обстоятельныхъ и донынѣ въ ревизію не даетъ.

5.

Въ бывшее правительство для показанія себя въ свѣтѣ, вымыслилъ за должное явить описаніе академическаго установленія; яко бы то все его трудами произошло, что и въ дѣйство произвелъ, бывшей Правительницѣ Принцессѣ Аннѣ представилъ, а потомъ и въ печать предалъ, подъ единымъ своимъ именемъ, неосновательнымъ и фальшивымъ показаніемъ закрывая дѣла и труды Высокаго и въ свѣтѣ славнаго Монарха. 1) Написалъ будто Государя Императора Петра Великаго намѣреніе было Академію художествъ и рукодѣлій подчинить Академіи наукъ, чего не бывало, и тому во обличеніе свидѣтельствуетъ своеручное росписаніе собственно Его Императорскаго Величества руки, имѣющееся у меня, на что и сумма особливая была опредѣлена, а онъ Шумахеръ оную на другое употребленіе въ

Академію наукъ безъ указу взялъ. 2) Въ той же книгѣ включилъ почетныхъ членовъ 23 человѣка, а въ поданномъ штатѣ написалъ четырнадцать. 3) Будто гражданская типографія, словолитная, и протчая произведены стараніемъ его, а оныя еще при жизни Государя Императора Петра Великаго, чрезъ многотрудныя Его Величества изобрѣтенія дѣйствительно имѣлись. 4) Я по Высочайшей Ихъ Императорскаго Величества милости въ той Академіи нахожусь членомъ; а онъ злости ради съ прочими и не включилъ.

6.

Выписанные имъ Шумахеромъ профессоры какое въ собраніяхъ имѣютъ разсужденіе, то все выдаютъ въ печать на чужестранныхъ діалектахъ, а прежде выдавали на Россійскомъ діалектѣ, что и Россійскій народъ зналъ и чрезъ то любопытные люди пользовались; а нынѣ оное закрыто, и обученіе Россійскаго народу молодыхъ людей оставлено. А производятъ въ наукахъ чужестранныхъ, въ которыхъ Россійской Имперіи ни сколько пользы быть не можетъ, кромѣ единаго казеннаго убытка, который притомъ исходитъ на жалованье и прочее, съ чѣмъ оные по времени имѣютъ бѣжать въ свои отечества, а Россійскаго народа люди въ чужихъ краяхъ обучаютъ всегда на своемъ, или на казенномъ же коштѣ; хотя же для лучшаго произведенія наукъ Россійскихъ людей, можнобъ изыскать ученыхъ нѣсколько человѣкъ изъ Россіянъ; но того ему Шумахеру въ память не приходитъ и слышать

не хочетъ, ни для чего инаго, токмо чтобъ въ его своевольныхъ и непорядочныхъ поступкахъ къ сисканiю своего интереса никто не мѣшалъ, и чрезъ такiе непорядки и нераденiе, ни кто изъ Россiйскихъ людей въ наукахъ ни въ какихъ въ профессоры съ начала Академiи наукъ и понынѣ не произведенъ.»

Остальные 7, 8 и 9 параграфы объясняютъ денежныя злоупотребленiя и особенно опасенiе на счетъ библiотеки и кунсткамеры, состоящихъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ Шумахера.

Это донесенiе, писанное въ Январѣ (22) мѣсяцѣ 1742 года, имѣло свое влiянiе, и по указу отъ 30 Сентября того же года поручена канцелярiя Академiи наукъ совѣтнику Нартову въ смотрѣнiе, со Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества повелѣнiемъ, что ему на мѣсто Шумахера въ оной Академiи быть до указу и во всемъ по регламентамъ и указамъ Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго поступать, и проч.

Въ донесенiи Нартова въ Сенатъ въ Ноябрѣ 1743 года, приложена вѣдомость отрѣшающихся и увольняющихся членовъ за излишествомъ и негодностiю; причины отрѣшенiя и увольненiя нѣкоторыхъ замѣчательны, напримѣръ:

ПРИ ГИМНАЗИИ УЧИТЕЛИ.

Миллеръ } Оные Германъ и Миллеръ обучали въ оной
Германъ } Латинскому и Нѣмецкому языкамъ; а Россiйскаго языка ничего не знаютъ, а дол-

жность для лучшаго понятія Россійскому народу въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ могутъ исправить переводчики или студенты, которые Нѣмецкой, Французской и Латинской языкъ знаютъ, *что и прожектъ Государя Императора Петра Великаго объ Академіи наукъ повелѣваетъ.*

Фишеръ. Оный Фишеръ опредѣленъ въ 741 году; Россійскаго языка, также какъ и помянутые учители, весьма мало знаетъ и для того къ обученію Россійскихъ учениковъ неспособенъ, да и къ тому же глухъ и мало видитъ.

Танцмейстеръ Басенкуръ. Опредѣленъ въ 740 году, обучаетъ танцованію дважды въ недѣлю по четыре часа; а по прожекту Государя Императора Петра Великаго танцмейстера при Академіи не положено. И проч.

Сохранившійся между бумагами листъ черновой бумаги, писанный рукою Ломоносова, объясняетъ болѣе тогдашнее состояніе Академіи наукъ. Это вѣроятно отрывокъ изъ проэкта о исправленіи Академіи и составляетъ начало первой части.

ГЛАВА I.

О СОСТОЯНІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРЕЖДЕ НОВАГО РЕГЛАМЕНТА.

«Хотя академическое состояніе прежде новаго штата было по большей части въ мою при Акаде-

міи небытность; однако имѣю объ ономъ не малое знаніе, которое отчасти чрезъ достовѣрныя извѣстія, отчасти по пріѣздѣ изъ заморя въ немалое время собственнымъ искуствомъ сдѣлалъ. Всѣхъ безпорядковъ ни моя памать обнять можетъ, ниже ихъ множество представить позволяетъ обстоятельно. Для того знатнѣйшіе кратко упоминаю:

1. Члены Академіи наукъ, Петромъ Великимъ выписанные, славные люди: Германъ, Бернулій, Бильфингеръ, Беккенъ, Штейнъ и другіе (для неудовольствія и обидъ отъ бывшаго тогда Академіи Президента Блументроста и отъ библіотекаря Шумахера) * принуждены были выѣхать, и Россія лишилась великой отъ нихъ чаемой пользы.

2. Ссоры Шумахеровы съ оставшимися старыми профессорами, а особливо съ Делилемъ и Дювернoемъ, много приращенію наукъ препятства учинили.

3. Великое воспященіе и помѣшательство чинили частыя неудачливыя челобитныя на Шумахера:

1) Самыхъ первыхъ выше упомянутыхъ профессоровъ безполезныя жалобы, для незнанія Россійскаго языка.

2) Пріѣхавшихъ изъ Москвы въ 1736 году студентовъ (прошеніе въ Правительствующемъ Сенатѣ), ** для того, что ихъ почти голодомъ морили.

3) Доносительство многихъ академическихъ служителей разныхъ званій (съ Совѣтникомъ Нартовымъ), *** для чего учреждена была Коммиссія 1742

* Строки въ скобкахъ зачеркнуты.

** На боку въ выноскѣ.

*** Въ выноскѣ.

года, и по нѣкоторымъ пунктамъ Шумахеръ приличился (обличился); но, знатнымъ предстательствомъ прикрытъ, спасся. 4) Всѣмъ профессорскимъ собраніемъ подаваны были въ Правительствующій Сенатъ на него письменныя жалобы.

1. Съ начала Академіи наукъ отъ 1725 года по 1733 годъ ни единаго Россійскаго студента при ней не было, который бы лекціи у профессоровъ слушалъ. А пріѣхавшіе изъ Москвы тогда 12 человѣкъ, изъ Спасскихъ школъ, лучшіе посланы въ Камчатскую экспедицію, и тамъ, кромѣ Крашенинникова, стали негодными, будучи безъ всякаго призрѣнія; оставшіеся въ Санктпетербургѣ, скитавшись нѣсколько времени въ бѣдности, для худаго содержанія опредѣлились по художествамъ и въ канцелярію.

2. Взяты изъ Москвы въ Академію изъ Спасскихъ школъ въ 1736 году 12 человѣкъ, изъ которыхъ Ломоносовъ и Виноградовъ посланы для наукъ за море. Оставшіеся принуждены были немалое время терпѣть крайнюю нужду, и не имѣть долгое время въ наукахъ наставленія. Затѣмъ просили о томъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, и библіотекарю Шумахеру учиненъ былъ строгій выговоръ. Послѣ того лекціи начались студентамъ и деньги кормовыя въ маломъ числѣ выдавались. По окончаніи лекцій нѣкоторые опредѣлены въ переводчики, прочіе остались студентами, и по большей части безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія, будучи въ уничтоженіи, отъ унынія и отчаянія опустились въ подлость и

тѣмъ потеряны. (Мы двое) Ломоносовъ и Виноградовъ съ третьимъ Рейзеромъ опредѣлены были кабинетскимъ указомъ, 1736 года Марта 18 дня, учиться за моремъ на суммѣ особливо изъ статской конторы сверхъ академической. Однако получивъ оную, употребила на другіе расходы канцелярія академическая; а оные три студента принуждены были жить въ Санктпетербургѣ съ 19 Марта до половины Сентября мѣсяца, затѣмъ что денегъ на дорогу долго ждали *. За моремъ будучи претерпѣвали великую нужду за удержкою жалованья, и живучи въ долгъ и *беручи* деньги въ процентъ великіе понесли убытки. Наконецъ, какъ они во Фрейбергѣ горнымъ дѣламъ училисъ, и совѣтникъ Генкель не получалъ напередъ шести сотъ рублевъ обѣщанныхъ, половину своей за нихъ платы, также и къ студентамъ весьма скудно деньги, и то чрезъ него Генкеля присылались, которыя онъ у себя сталъ удерживать, и не надѣясь отъ Академіи себѣ награжденія, по прошествіи десяти *мѣсяцей*, при окончаніи химическаго курса совсѣмъ онымъ студентамъ отказалъ въ деньгахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ принужденъ былъ Ломоносовъ искать случая въ Россію возвратиться и по прошенію онаго, а по ордеру Академіи президента фонъ Бреверна въ С. Петербургъ пріѣхалъ. Оставшіе послѣ его товарищи близко три года не могли для долговъ въ отечество возвратиться, пока ихъ Горная Коллегія по представ-

* Прибавлено на сторонѣ: и въ осень глухую на морѣ едва не потонули.

ленію вице-президента Рейзера выкупила. Хотя между тѣмъ въ Академіи сумма на троихъ оныхъ студентовъ каждый годъ напередъ отпускалась. (И уже въ мою бытность здѣсь въ адьюнктахъ четыреста рублевъ на мою часть якобы для посылки мнѣ за море изъ статсъ-конторы принимались въ Академіи. Чудное дѣло! я былъ *въ одно время три года здѣсь* и за моремъ вдругъ.)»

(Окончанія нѣтъ).

Нельзя оспоривать, что при началѣ учрежденія Академіи наукъ, въ Россіи необходимо было дать ученымъ людямъ, выписаннымъ изъ-за границы, преимущества, выгоды и даже право распорядительности. Петръ Великій основалъ дѣятельность Академіи на людяхъ, которыхъ память чтитъ Россія, но послѣ Петра Великаго, новый комплектъ, кажется, занялъ Академію, точно также какъ Дидона землю туземцевъ Африканскихъ, и сталъ истреблять насажденія великаго образователя; слѣдовательно постоянныя негодованія и жалобы Ломоносова на злоупотребленіе справедливы, и мы можемъ считать его Русскимъ отводомъ противъ тогдашнихъ иноземныхъ тучь. За него, какъ за человѣка съ сильной душою, готовой къ самопожертвованію, загородились многіе; одаренный могучею умственною дѣятельностію и проникнутый любовью къ отечеству, онъ уважалъ всѣхъ истинно просвѣщенныхъ; но ненавидѣлъ ученыхъ педантовъ и арендаторовъ науки и ученаго званія, сталъ невольнымъ представителемъ борьбы за завѣтъ Петра и за самостоятельность Русскую, и

слѣдовательно имѣлъ враговъ, невольно становился жалобникомъ, потому что въ этой тяжбѣ терпѣла и личность его. Явный врагъ его былъ Таубертъ; Ломоносовъ преслѣдуетъ его неутомимо за злоупотребленія и несправедливости; но повсюду видна главная цѣль: возстановленіе Академіи *для пользы отечества и Русскаго юношества, которую предназначилъ Петръ Великій.* Всѣ предложенія о новыхъ учрежденіяхъ писаны его рукою, и во всѣхъ черновыхъ бумагахъ видны родныя заботы объ успѣхахъ Русскаго просвѣщенія.

Между бумагами находятся собственноручныя черновыя:

1. Краткій способъ приведенія Академіи наукъ въ доброе состояніе.

2. Всенижайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ.

3. Новое примѣрное распоряженіе и учрежденіе Санктпетербургской Академіи наукъ, на Высочайшее разсмотрѣніе и апробацію Ея Императорскаго Величества сочиненное.

4. Разсужденіе о академическомъ регламентѣ и штатѣ.

5. Idea status et legum academiae Petropolitanae (черновая, также собственноручная).

6. Примѣрная инструкція морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ посканію пути на востокъ сѣвернымъ Сибирскимъ Океаномъ.

И много другихъ, касающихся до Университета и Гимназіи.

Выпишемъ: Краткій способъ приведенія Академіи наукъ въ доброе состояніе.

1.

«Учинить надобно въ голосахъ равновѣсія между Россійскими и иноземцами, и для того прибавить въ канцелярію члена Россійскаго. По моему мнѣнію весьма къ тому способенъ господинъ профессоръ Кательниковъ: человѣкъ ученый, порядочной, смышленой и трезвой.

2.

«Для извѣстныхъ противоборствъ и препятствій къ приращенію наукъ не имѣть никакого дѣла до наукъ Г-ну Тауберту, а стараться ему привести въ добрый порядокъ библіотеку и кунсткамеру и книжную лавку, и больше попеченіе имѣть о надлежащемъ числѣ и расположеніи нужныхъ книгъ, какъ изъ нихъ многихъ нѣтъ, нежели о внѣшнемъ видѣ, чтобъ только въ глаза бросалось. Порученные мнѣ единственно Департаменты, Университетъ и Гимназія, не взирая на великія соперниковъ противленія и хулу, состоятъ въ хорошемъ порядкѣ. А гдѣ Г. Таубертъ голосъ имѣетъ, тутъ ужасныя остановки. Я думаю, что можно науки повѣрить лучше двумъ Россіанамъ, мнѣ и господину Кательникову: довольно и такъ иноземцы Россійскому юношеству недоброхотствомъ въ происхожденіи препятствовали.

3.

«А для лучшаго удовольствія и покоя отдѣлить опредѣленную сумму на науки въ особливое коми-

сарство, и учредить особливое повытье; ибо съ самаго начала Академіи, науки претерпѣвали нужду, будучи главное дѣло, а деньги исходили на перестройки, починки, ненужныя покупки и прочіе, — и такъ нынѣ академическое комисарство должно наукамъ около семидесяти тысячь рублевъ.

4.

«Секретарь конференціи въ тѣхъ Академіяхъ надобенъ, гдѣ нѣтъ Канцеляріи; а у насъ онъ совсѣмъ излишенъ и сверхъ того нынѣшній недобрый человѣкъ, сначала Академіи возмутитель и недоброхотъ Россіи *. Безъ него и безъ всякаго, протоколы конференціи, какъ и прежде было, можетъ вести актуаріусъ и всѣ члены подписывать. Переписку съ иностранными имѣть долженъ каждый академикъ по своей профессіи; равно какъ каждый сочинить на свою диссертацію сокращеніе въ комментаріи, что не токмо Миллеру невѣждѣ, но и Полигистору трудно исполнить; довольно ему работъ, чтобъ вѣрно и безъ шиканювъ писать исторію Сибирскую и ежемѣсячныя сочиненія.

* Секретаремъ былъ Миллеръ. Его диссертація, о происхожденіи Руссовъ отъ Скандинавовъ, возстановила противъ него всѣхъ Русскихъ ученыхъ тогдашняго времени. Въ то время это казалось злоумышленіемъ противъ самобытности народа Славянскаго племени, и иначе не могло казаться; раздражительный Ломоносовъ возненавидѣлъ Миллера за несправедливость историческую. Послѣ этого неудивительны отзывы его о человѣкѣ, котораго считалъ врагомъ самобытности своего отечества, и независимости происхожденія отъ опасныхъ въ то время сосѣдей. — Смотри ниже: Высочайшій указъ о предосудительности диссертаціи Миллера для Россіи. 1750 года Сент. 24 дня. Прим. издателя.

5.

«Инструментальное художество заведено при Академіи, для дѣланія инструментовъ по профессорскимъ изобрѣтеніямъ; а нынѣ въ рукахъ у Г. Тауберта. Съ нужею и я для опытовъ достаю позволеніе; то подумать можно чего надѣяться могутъ прочіе академики. Для того весьма надобно опредѣлить нѣкоторыхъ инструментальщиковъ, кои бы единственно работали изобрѣтенія профессорскія и принадлежали департаменту наукъ; тогда и лѣнивые не могутъ отговориться, что по ихъ идеямъ ничего не дѣлаютъ, и должны будутъ дать отвѣтъ, ради чего не трудятся. И словомъ, будетъ можно ихъ заставить думать, чтобъ напрасно не брали денегъ.

Такимъ образомъ несомнѣнно уповаю, что Академія придетъ въ цвѣтущее состояніе, застарѣлое зло искоренится и оная будетъ не смѣхъ, но примѣръ другимъ командамъ.»

—

Въ доказательство непоколебимой настойчивости для достиженія своей благонамѣренной цѣли можетъ служить *приступленіе* (вѣроятно къ прожекту исправленія Академіи).

«Въ благословенное время государствованія Всемилостивѣйшія Самодержицы нашея, наслаждаясь многочисленными ея къ намъ подданнымъ благодѣяніями, съ радостною надеждою ожидаемъ полнаго благополучія, то есть всесовершеннаго установленія непоколебимыхъ и ясныхъ законовъ, которыми

отвратятся всѣ вредительные въ судахъ безпорядки и пагубныя ухищренія.

«Высочайшее повелѣніе Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената, о разсмотрѣніи и исправленіи всѣхъ Россійскихъ законовъ по справедливости касается и до Императорской Академіи наукъ. Того ради высокопомянутый Правительствующій Сенатъ повелѣлъ учинить академическаго регламента разсмотрѣніе. Всевожделѣнный случай къ исправленію бѣднаго состоянія Академіи! Однако вкоренившееся и застарѣлое въ ней злочастіе чинитъ препоны и сему великому матернему и божественному попеченію и желанію всемилостивѣйшія Монархини нашея. Ибо все оное разсмотрѣніе пресѣклось коварными происками и наглыми поступками, которымъ самозванно сочинитель, а слѣдовательно и защититель онаго регламента старался отъ него отвести Высочайшій указъ Ея Величества, данный изъ Правительствующаго Сената о исправленіи законовъ. Стоя за пользу и важность высокопомянутаго указа, принужденъ я былъ претерпѣть неправедное и несносное огорченіе; однако какъ протчихъ поношеній и гоненій мною претерпѣнныхъ, такъ и сего не упоминаю обстоятельно. Нынѣ въ разсужденіи Академіи предпріялъ я отдать отечеству послѣднюю должность. Ибо ежели симъ ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что нѣтъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и щедролюбія Великія нашея Государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали въ отечествѣ.

«Симъ предпріятіемъ побуждая на себя безъ сомнѣнія нѣкоторыхъ негодованія, которыхъ по силѣ доброжелательство прежнее чувствительно; однако совѣсть и должность онаго несравненно сильнѣе. Чѣмъ могу я предъ правосудіемъ извиниться? Оно уже заблаговременно мнѣ предвѣщаетъ и въ сердцѣ говоритъ, что имѣя во многихъ наукахъ знаніе, вѣдая другихъ Академій поведеніе, видя великій упадокъ и бѣдное состояніе здѣшней Академіи, многіе недостатки и неисправности въ Регламентѣ и безполезную трату толикой казны Ея Величества, не представлять по своей должности. Что отвѣтсвовать? Развѣ что я боялся руки сильныхъ? Но я и живота своего не жалѣть въ случаѣ клятвою предъ Богомъ обѣщался. И такъ ежели симъ истинной своей ревности не удовольствую, и можетъ быть себя опасности подвергну, однако присяжную должность исполню.

«Для лучшаго изысканія способовъ, какъ исправить Академію Наукъ, должно вопервыхъ предложить ея состояніе, потомъ показать причины таковаго оныя упадку; наконецъ объявить способъ къ исправленію и приведенію въ цвѣтущее состояніе.»

—

Въ 1758 году раздѣлены Академическіе Департаменты, и Ломоносову поручены ученые, а именно: Академическое профессорское собраніе, Университетъ, Гимназія и Географическій департаментъ. Знаніе дѣла по части послѣдняго извѣстны намъ изъ изданныхъ сочиненій Ломоносова; дѣятельность же его и распорядительность въ управленіи, и всѣ помѣ-

шательства, которыя дѣлали ему къ исполненію его полезныхъ и обширныхъ предположеній, можно видѣть изъ прилагаемыхъ выписокъ.

Первой заботой его было исправить старый атласъ Россіи, который, какъ видно изъ донесенія его президенту Академіи, Графу Разумовскому, исполненъ былъ погрѣшностями и недостатками до того, что «многія имена и положенія мѣстъ ложно были означены, значительныя урочища пропущены, и цѣлые уѣзды, многолюдными волостями населенные, были на картѣ пусты, и сверхъ того Санктпетербургская губернія съ завоеванными провинціями вмѣщены въ одну карту.»

«По порученіи отъ Вашего Сіятельства мнѣ особливаго смотрѣнія надъ Географическимъ Департаментомъ, — доносилъ Ломоносовъ, — вопервыхъ я старался какъ бы сей недостатокъ отвратить и тѣмъ показать въ другихъ государствахъ, что наше отечество не такъ пусто и безнародно, какъ на атласѣ нашемъ поставлено; къ сему концу 1. сочиняются въ Географическомъ Департаментѣ новыя карты въ большой форматъ. Первая, особливо, карта С. Петербургской губерніи, потомъ Лифляндіи, Эстляндіи, также и Новгородской губерніи, что производится изъ имѣющихся въ географическомъ архивѣ документовъ. 2. Для лучшаго и нынѣшняго исправленія погрѣшностей и для исполненія недостатковъ по моему представленію подано отъ Академической канцеляріи въ Правительствующій Сенатъ доношеніе, дабы повелѣно было собрать географическія извѣстія со всего Россійскаго Государства для исправленія Рос-

сійскаго атласа, на что полученъ отъ Правительствующаго Сената повелительный указъ, чтобъ географическіе запросы, въ Академіи сочинивъ и напечатавъ, представить высокопомянутому Сенату для разсылки по Государству при указахъ, и оные запросы сочинены и къ поданію отпечатываются. 3. Подобное доношеніе подано и въ Святѣйшій Синодъ для географическаго знанія синодальныхъ строеній, откуда также не безнадежно о полученіи удовольствія....»

Для большей исправности Россійскаго атласа неотмѣнно должно знать долготы и широты знатнѣйшихъ мѣстъ Россійскаго Государства, о чемъ неоднократно отъ профессоровъ представляемо было и должно быть исполнено, а особливо нынѣ при сочиненіи новаго атласа.....»

—

Представленіе Ломоносова Президентъ Академіи предписалъ исполнить, и вѣроятно въ слѣдъ за симъ представлены были Ломоносовымъ мнѣнія: 1, мнѣніе о посылкѣ астрономовъ и геодезистовъ въ нужнѣйшія мѣста въ Россіи, для опредѣленія долготы и широты.

2, Мнѣніе о употребленіи нынѣшней ревизіи въ пользу Географіи Россійской и сочиняющагося атласа.

Содержаніе перваго, исключая вступленіе, въ которомъ повторяется вышесказанное, слѣдующее:

« 1, Раздѣлить великую Россію (Сибирь послѣ слѣдовать имѣетъ) на три экспедиціи, которыя бы всѣ въ полтора, а по большей мѣрѣ въ два года могли быть окончены: ибо всего путешествія по

моему исчисленію будетъ около 18 тысячь верстъ, что раздѣливъ на трое, достанется на каждую экспедицію по 6000 верстъ. Положивъ, что въ ѣздѣ надобно по 3 недѣли на 1000 верстъ, пойдетъ на оную 13 недѣль; для обсерваціи всѣхъ пунктовъ 50, считая на каждый по три недѣли; будетъ 150, и на одну экспедицію 50 недѣль; всего годъ и 16 недѣль.

« 5, Первая экспедиція должна опредѣлить астрономическое положеніе городовъ: Нарвы, Пскова, Великихъ Лукъ, Смоленска, Тулы, Глухова, Кіева, Запорожской Сѣчи, Бахмута, Бѣла города, Воронежа, Верхняго Ламова, Касимова, Владиміра, Москвы, Твери, Новагорода.

« 6, Въ сію экспедицію употребленъ быть можетъ адьюнктъ Красильниковъ съ однимъ геодезистомъ и съ приданнымъ ему морскимъ или сухопутнымъ кадетомъ, которыхъ истребовать должно.

« 7, Вторая экспедиція назначить имѣетъ по астрономіи положеніе мѣстъ: Казани, Хлынова, Кай городка, Соли Камской, Екатеринбурга, Уфы, Оренбурга, Яика, Гурьева, Астрахани, Царицына, Черкасска или Азова, устья рѣки Медвѣдицы, Борисоглѣбска, Пензы.

« 8, Въ сію экспедицію употребленъ быть можетъ адьюнктъ Шмидъ, съ вспоможеніемъ геодезиста, или кадетовъ, о чемъ должно послать въ оные корпуса промеморіи. Но ежели Г. профессоръ Гришовъ пожелаетъ въ сію экспедицію, то бы могъ онъ измѣрить сверхъ того 47 градусъ и учинить нивелла-

цію между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ. Что Академіи въ славу, и ему бы въ похвалу послужило.

«9, Третья экспедиція определить имѣетъ астрономическое положеніе мѣстъ: Ладоги, Тихвина, Ярославля, Нижняго Новгорода, Козмодемьянска, верховья рѣки Ветлуги, Галича, Вологды, Устюга, устья рѣки Выми, Усть-Елмской слободы, Пустозерскаго острога, Мезени, города Архангельскаго, Кеми, Кандалакши, Колъ, Каргополя.

«10, Къ сему опредѣлить Г. Попова, съ надлежащимъ вспоможеніемъ геодезистовъ, и кадетовъ, которыхъ ради великаго разстоянія мѣстъ и разности мѣстъ, должно усугубить.

«11, Всѣмъ въ инструкціяхъ изобразить, и отъ Сената для всѣхъ указы испросить, чтобъ гдѣ въ городахъ есть геодезисты или инженеры, даваны бъ были безъ отговорки въ ихъ команду, для вспоможенія въ тѣхъ самыхъ провинціяхъ.

«12, Средства къ исполненію сего предпріятія, при искусныхъ людяхъ суть инструменты, изъ которыхъ нѣкоторые должно взять изъ принадлежащихъ къ обсерваторіи. Впрочемъ употребить другіе краткіе способы, которые служатъ для обрѣтенія долготы на морѣ; ибо они на сухомъ пути много удобнѣе и съ довольною точностію для Географіи употребляемы быть могутъ, въ чемъ, по согласію съ господами астрономами, могу рекомендовать мои изобрѣтенія.

«13, Впротчемъ солнечное сего года затмѣніе и два лунныхъ не безполезны въ семъ предпріятіи будутъ.

«14, Наконецъ въ инструкціяхъ, которыя симъ экспедиціямъ дадутся, все нужное и полезное обстоятельно изображено быть имѣетъ.

«15, И такъ ежели сіе дѣло съ надлежащимъ раченіемъ и безъзавистно предпріято и продолжаемо будетъ, (въ чемъ я крайнія мои силы употреблять намѣренъ) то, весьма не сомнѣваюсь, что чрезъ три года будемъ за Божіею помощію имѣть несравненно исправнѣйшій передъ прежнимъ Россійскій атласъ въ шестидесяти или осьмидесяти спеціальныхъ картахъ, съ отмѣнными украшеніями и съ политическимъ и экономическимъ обстоятельнымъ описаніемъ всея Имперіи, включая Сибирь, на которую еще сверхъ того два, или три года употребить должно будетъ.»

—

Предполагаемое мнѣніе Ломоносова о командированіи трехъ астрономическихъ экспедицій однако же измѣнено имъ на двѣ. Мы выпишемъ любопытныя «подписки академическихъ членовъ и адьюнктовъ для апробаціи пути посылающихся въ экспедиціи обсерваторовъ.»

— «Подъ сими подписать свое мнѣніе господамъ профессорамъ Миллеру, Брауну, Попову, Котельникову, Епинусу, господамъ адьюнктамъ Красильникову, Трускоту, Румовскому, Шмиту, о расположеніи пути двухъ астрономическихъ экспедицій. Первый путь и обсерваціи: Нарва, Псковъ, Великіе Луки, Смоленскъ, Тула, Глуховъ, Кіевъ, Сѣчь Запорожская, Бахмутъ, Бѣлгородъ, Воронежъ, Верхній Ло-

мовъ, Переяславль Рязанскій, Володимеръ, Москва, Тферь, Ярославль, Нижній Новгородъ, Кузьмодемьянскъ, верховье рѣки Ветлуги, Вологда, Устюгъ, городъ Архангельской, Кѣмь, Кандалакша, Кола, три острова, Каргополь, Ладога. Второй путь и обсерваціи: Новгородъ, Тихвинской монастырь, Бѣло озеро, Кострома, Казань, Хлыновъ, Яренскъ, верховье рѣки Выми, Пустозерской острогъ, верховье большой Печоры рѣки, Солькамская, Екатеринбургъ, Уфа, Оренбургъ, главный изгибъ рѣки Яика, Гурьевъ, Астрахань, Царицынъ, Черкаскъ, устье рѣки Медвѣдицы, Саратовъ, Пенза, Самара.

На подлин: Секретарь Михайло Гурьевъ.
Сентября 24 дня 1760 года.

Подписки:

«Прежде какъ учредить такія важныя экспедиціи, которыя не малой суммы требовать будутъ, надлежитъ знать, кто такіе въ каждый путь отправлены быть имѣютъ, что имъ на оныхъ путяхъ дѣлать, можетъ ли каждый изъ нихъ потому исполненія чинить, и есть ли на то довольное число надлежащихъ инструментовъ въ готовности. О чемъ яко о главномъ дѣлѣ надлежитъ довольное разсмотрѣніе имѣть въ академическомъ собраніи, дабы требуемое на то иждивеніе не употреблено было въ тунѣ. А что касается до опредѣленія дорогъ, сіе дѣло маловажное, можно такъ, можно и инымъ образомъ; однако сіе притомъ наблюдать надобно, чтобъ дороги были способны, по коимъ либо на телегахъ, или на саняхъ, или водянымъ путемъ на судахъ проѣхать

можно было жильми мѣстами, и никакое бы знатное мѣсто, поколику положеніе ихъ допуститъ, пропущено не было. О семъ я впредь свое мнѣніе дать буду.»

Сентября 24 дня 1760 года.

Подписано: Г. Ф. Миллеръ.

«Духъ празднословія не даждь ми.»

Н. Поповъ.

«Es liegt nichts daran, ob diese 2 Expeditiones von Norden oder Süden anfangen wenn nur bey solchen der Endzweck erhalten wird, ich denke und werde auch ganz gewiß behaupten, daß man viele von denen vorgeschriebenen Orten, wird veglassen Können wenn man sich derer Hülfs-Mittel so noch beym Departament vorhanden bedienen will.»

Schmidt.

Переводъ помѣщенъ въ экстрактѣ географической экспедиціи:

«Въ томъ нужды нѣтъ, хотя сіи двѣ экспедиціи отъ сѣвера и юга начать, когда только ими намѣреніе исполнится, я думаю и заподлинно утверждаю, что многіе изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ выключить можно, ежели употребятся тѣ средства, которыя въ департаментѣ находятся. Шмидъ.

«О показанной экспедиціи я нижеподписавшійся согласенъ.»

Андрей Красильниковъ.

«О вышеобъявленномъ расположенiи двухъ астрономическихъ экспедицiй я согласенъ.»

Иванъ Трускотъ.

«Согласенъ.» Степанъ Румовскiй.

«О семъ расположенiи пути я согласенъ.

Семенъ Котельниковъ.

Nihil habeo quod moneam.

Braun.

Meiner Meinung wird man wenn die Lage der in der beyligenden Charte angegebenen Orte, durch Astronomische Observationen berichtigt ist, im Stande seyn, eine sehr richtige Charte des Russischen Reichs zu verfertigen. Es ist also allerdings zu wünschen daß die angegebenen Expeditionen vollführet werden mögen.

Aepinus *.

Для совершенiя этихъ экспедицiй назначены были въ первую профессоръ Поповъ и Адьюнктъ Шмитъ, въ другую въ званiи адьюнкта капитанъ Геодезiи Красильниковъ и присланный по требованiю Академической канцелярiи изъ Государственной Коллегiи математическихъ и *навигатскихъ* наукъ подма-

* Фамилiя вѣроятно принятая отъ Греческаго слова αἀπεινὸς — hochfahrend; tiefsinnig.

стерье ранга *порутчискаго* Николай Кургановъ, и сверхъ того при каждой экспедиціи по одному геодезисту.

Экспедиціи готовы были уже отправиться; но, къ несчастію, погнались за Венерой, которая проходила чрезъ солнце, и оставили полезное предпріятіе. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Надворный Совѣтникъ Профессоръ Поповъ и адьютантъ Степанъ Румовскій отправлены были для наблюденія прохожденія Венеры, и почти всѣ астрономическіе инструменты взяты этими двумя обсерваторами. Это первая остановка экспедиціямъ. Рѣшились за нужное выписать инструменты изъ-за моря. За комиссію взялся сначала Статскій Совѣтникъ Таубертъ, но чрезъ нѣсколько дней отказался; потомъ взялся выписать инструменты Статскій Совѣтникъ Штелинъ, и получены эти инструменты 1763 года Апрѣля 1 числа, ровно черезъ два года. 17-же Апрѣля 1763 года господинъ Президентъ за благо почелъ оныя экспедиціи приостановить; а между тѣмъ «господамъ Статскимъ Совѣтникамъ Тауберту и Ломоносову прислать каждому особое свое мнѣніе, и *ежели оба на одномъ согласятся*, тогда учредить экспедиціи, чтобъ напрасно коштъ не былъ потерянъ, такъ и честь Академіи была сохранена.»

Уничтоженіе этого предпріятія было уже признакомъ, что Таубертъ, Миллеръ, Шлецеръ и словомъ всѣ иноземные ученые Академіи подавили Ломоносова. Письмо къ Теплову есть уже голосъ отчаянія.

Копія съ письма Г. Теплову, писаннаго на Украйну въ 1761 году:

«Неоднократно писалъ я къ Его Сіятельству и къ Вашему Высокородію отъ истиннаго усердія къ расширенію наукъ въ отечествѣ, въ Москву и на Украйну, и представляясь здѣсь, словесно и письменно о исправленіи застарѣлыхъ непорядковъ. Однако не по мѣрѣ Монаршей къ наукамъ щедротѣ, воспослѣдовали рѣшенія и успѣхи; затѣмъ что не отнято прежнее самовольство недоброхотамъ приращенію наукъ въ Россіи; а когда злодѣи ободрятся, а добрые умножаются, то всегда добру вредъ чинится. Кромѣ многихъ недавнѣйшій примѣръ сами довольно помните, и въ совѣсти своей представить можете; что вы осердясь на меня по безсовѣстнымъ и ложнымъ жалобамъ двухъ студентовъ, кои отнюдь требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами отъ университета вовсе отстали, и изъ коихъ, какъ я послѣ увѣдомился, одинъ вамъ сватъ, здѣлали неправое дѣло. Не спрося отъ меня отвѣту и оправданія присовѣтовали, да и по штилю видно, сами сочинили мнѣ публичный выговоръ, человѣку, которой больше достоинствъ и услугъ имѣетъ, нежели за такую мѣлочь передъ командою былъ обруганъ. И того еще вамъ было мало; вдосаду мнѣ, прибавили Миллеру жалованья, чтобъ онъ отправлялъ три дѣла исправно. А именно за то, что онъ будучи професоръ тридцать лѣтъ никогда лекцій не читывалъ и не сочинялъ ничего, чтобъ професора было достойно. 2) Что онъ будучи конференцъ-секретаремъ задерживаетъ намъ ме-

моріи неисправностію въ сочиненіи сокращеній, ведетъ тайную, непозволительную и подозрительную съ иностранцами переписку. 3) Что въ ежемѣсячныя сочиненія вноситъ не только вещи, какія студентъ можетъ и кадетъ, съ похвалою исправляютъ; но и вездѣ, гдѣ только можно предосудительныя нашему отечеству мысли вноситъ.

Все сіе показалось вамъ заслугами; а мое представленіе, что черезъ шестнадцать лѣтъ одами, рѣчьми, химіею, физикою, исторіею дѣлаю честь отечеству, и всегда о добрѣ Академіи и о праведной, а не подложной чести Его Сіятельства усердствую, вы пріяли за погрѣшность, для того, что я не удовольствовалъ безстыдныхъ требованій вашего свата. Повѣрьте, Ваше Высокородіе, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть; она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, которой не лишилъ меня дарованія и прилѣжанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.

Нѣкогда отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу писали вы къ нему: L'academie sans academiciens, la chancelerie sans membres, l'université sans étudiens, les regles sans

autorité, et au reste une confusion jusque à present sans remede. Кто въ томъ виноватъ, кромѣ васъ, и вашего непостоянства? Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту, Миллеру, и, что удивительно, мнѣ? Въ томъ больше вы слѣдовали стремленію своей страсти, нежели общей академической пользы; и чрезъ таковыя повседневныя перемѣны колебали какъ трость все академическое зданіе. Тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позорѣ и въ упадкѣ. Тотъ кто выслан съ безчестіемъ, съ честію назадъ призванъ; изъ многихъ примѣровъ нѣтъ Миллерова чуднѣе. Для него положили вы въ регламентѣ быть всегда ректоромъ въ университетѣ исторіографу, сирѣчь Миллеру. Послѣ осердясь на него сдѣлали ректоромъ Крашенинникова; послѣ примиренія опять произвели надъ нимъ коммиссію за слово academie phanatique; потомъ не столько за дурную диссертацію, какъ за свою обиду низвергнули вы его въ адьюнкты, и тотчасъ возвели опять въ секратери Конференціи съ прибавкою вдругъ великаго жалованья; представили его въ Коллежскіе Совѣтники, въ канцелярскіе члены; и опять мнѣніе отмѣнили; потомъ прибавили 200 рублевъ жалованья и еще съ похвалами; въ ту самую пору, когда его должно было послать на соболиную ловлю. Все сіе происходили вы по большей части подъ именемъ охраненія президентской чести, которая однако не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать вышеупомянутые перевороты; но чтобъ производить дѣло Божіе и Государево постоянно и непревратно, приносить обществу безпрепятственную,

истинную пользу, и содержать порученное правленіе въ непоколебимомъ состояніи, и въ неразвратномъ и безпрерывномъ теченіи. Представте себѣ, что знающіе думаютъ, а знаютъ всѣ; представте, что говорятъ? Миллеръ штрафованный за вздорную диссертацію о Россійскомъ народѣ и оному предосудительную, и за то въ опредѣленіи подозрительнымъ признанный, имѣетъ уже позволеніе писать и печатать на нѣмецкомъ языкѣ Россійскія извѣстія безъ всякой опасности. Изобличенный въ непозволенной перепискѣ и за то арестованный, учиненъ секретаремъ конференціи и пишетъ что хочетъ безъ ея вѣдома! Всѣватель недоброхотныхъ и занозливыхъ мыслей въ мѣсячныя сочиненія получаетъ за то похвалы и награжденія. Все сіе происходитъ чьимъ стараніемъ? Вашего Высокородія. Надѣясь на васъ не хочетъ и не думаетъ отстать отъ своихъ наглыхъ глупостей, и презираетъ указы, посылаемые изъ канцеляріи.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько разъ вы мнѣ на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и Россійскому народу предосудительное Сибирской исторіи предисловіе, которое вы сами опровергли; представте его споры о коммиссіяхъ съ Шумахеромъ, со всѣми профессорами, съ вами, съ президентомъ; вспомните съ другой стороны ваши споры съ Шумахеромъ, между тѣмъ письма о моемъ уничтоженіи къ Ейлеру, и отвѣтъ, что вы мнѣ сообщили. Вспомните сто рублевъ передъ вашею первою свадьбою; и между множествомъ подобныхъ дѣлъ; вспомните,

что вамъ благоразумный мужъ, вашъ благодѣтель Князь Алексѣй Михайловичь Черкасскій говаривалъ о Сапожникѣ. Не бывать де добру, пока онъ .... А нынѣ его наслѣдникъ и подражатель тожъ и еще дерзновеннѣе дѣлаетъ. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обезславленную Академію вывесть изъ нареканія отпущенъ былъ Бургавъ въ чужіе краи и нарочный пунктъ о томъ написанъ въ его инструкціи.

Но все не смотря еще есть вамъ время обратиться на правую сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ и добрыя о пользѣ Россійскихъ наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ Россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я симъ ничего инаго не ищу, какъ только чтобъ закоренѣлое несчастіе Академіи пресѣклось. Будежъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднова возстать за грѣхъ не ставлю. И такъ нынѣ изберите любое. Или одобряйте явныхъ недоброхотовъ не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги. Одобряйте, чтобъ Академіи чрезъ ихъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то

ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія; или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте лщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ Россійскихъ, не употребляйте Божіяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству.

Чтожъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину.

Зачеркнутый постскриптумъ:

P. S. Вчерашняго числа Клейнфельдъ удавился. Таубертъ отозвавъ меня къ сторонѣ просилъ никому того не сказывать ради чести Академіи. А про Софронова дурную смерть ходитъ вездѣ сказывать, что Русскіе такіе-то, сякіе, не думалъ про честь Академіи. «

—

Здѣсь слѣдуетъ приложить записку на клочкѣ бумаги собственно для напоминанія самому себѣ Ломоносовымъ написанную; это набросанныя мысли, которыя лучше всего подтвердятъ чистоту его намѣреній, хотя въ борьбѣ и нельзя избѣжать пристрастія:

1. Видѣть Г.

2. Показывать свой трудъ.

3. Можетъ быть понадоблюсь.

4. Беречь нечево. Въ Россійской библіотекѣ есть больше секретовъ. Все открыто Шлецеру, ввѣрили такому сумазбродному человѣку, у коего нѣтъ ни ума, ни совѣсти, рекомендованному отъ моихъ злодѣевъ.

5. Приносить Его Вы.... дедикаціи. Да все! и мѣста нѣтъ.

6 Нѣтъ нигдѣ мѣста и въ чужихъ краяхъ.

7. Всѣ любятъ да Шумахершина.

8. Multa tacui multa pertuli multa concessi.

9. За то терплю, что стараюсь защитить трудъ П. В., * чтобъ выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство pro aris etc.

10. Я не тужу о смерти, пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ.

11. Ежели не пресѣчете — великая буря возстанетъ.

Мы никакъ не можемъ сказать, чтобъ польза, принесенная академиками времени Ломоносова, собственно для исторіи была особенно значительна; но это доказываетъ, что и они посреди борьбы не въ состояніи были сдѣлать того, что могли. Вражды, несогласія, взаимныя противорѣчія были ужасны. Призванные ученые Германцы хотѣли все зданіе построить сами по своей мысли; а ученые Русскіе ло-

* Петра Великаго.

мали ихъ начала и говорили: «не вамъ здѣсь жить, а намъ; учите насъ, какъ чертить планъ, какъ выбирать и какъ употреблять матерьялы, а строить мы будемъ сами, по своей мысли.» Это требованіе было истинно; а между тѣмъ иностранцы не могли ни постигать быстрыхъ Русскихъ понятій, ни вѣрить способности Русской учиться всему со взгляду; они считали это невѣжественной самонадѣянностью; а потому удивительно ли пристрастіе и со стороны Ломоносова, который, какъ часовой, требовалъ отъ каждаго иностранца, вступающаго въ врата Академіи, Русскаго пароля. Тогда еще самопознаніе Русское только что возникало, и его легко было извести односторонними доказательствами, что Руссы отрасль Нѣмцевъ, а Русскій языкъ одно изъ нарѣчій Германскихъ.

Положить въ основаніе неосновательное было противно истиннѣ. Русскіе въ то время могли только чувствовать всю ложь этого мнѣнія, и опровергать его однимъ ропотомъ на предосудительность его для Россіи.

Послѣ этого будетъ понятно возстаніе на диссертацію Миллера о началѣ Россійскаго народа. Выписываемъ указъ, послѣдовавшій на счетъ ея, отъ Сентября 24 дня 1750 года, за N 1587:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ канцеляріи Академіи Наукъ въ профессорское собраніе. Канцелярія Академіи наукъ слушавъ поданныхъ мнѣній отъ Гг. профессоровъ и адьюнктовъ на сочиненную диссертацію Г. Профессора Миллера, о началѣ Россійскаго наро-

да, въ коихъ значитъ, что нѣкоторые Гг. Пофессоры изъ иностранныхъ совсѣмъ разсуждать о томъ за незнаніемъ ихъ Россійскаго языка и за невѣденіемъ подлинно Россійской Исторіи, отказались; а другіе изъ нихъ же отдаютъ оное на разсужденіе природныхъ Россіанъ; а иные объявляютъ, чтобъ нѣкоторыя мѣста въ той диссертаціи выпустить, а напротивъ того касающіися до важности въ семъ дѣлѣ пункты обстоятельнѣе описать; а изъ Россійскихъ Гг. Профессоровъ Ломоносовъ, Крашенинниковъ и адъюнктъ Поповъ оную рѣчь къ напечатанію и публикѣ весьма не апробовали и совсѣмъ предосудительною для Россіи признали; Профессоръ же Тредіаковскій во мнѣніи своемъ между прочимъ написалъ, что оная диссертація есть вѣроятная и возможно ей быть напечатанной, токмо же есть что надлежитъ въ ней перемѣнить и исправить; слѣдовательно ни одинъ профессоръ такъ не опробовали, чтобъ какъ та диссертація сочинена, такъ бы ее и напечатать, а Россійскихъ профессоровъ двое и одинъ адъюнктъ, кромѣ профессора Тредіаковскаго, совсѣмъ ее предосудительною для Россіи нашли, и совершенно доказали, какъ то и присутствующіе канцеляріи Академіи наукъ члены за справедливое почитаютъ, больше полагаться въ такомъ дѣлѣ на Россійскихъ ученыхъ людей, нежели на иностранныхъ; профессоръ же Тредіаковскій одинъ хотя ту диссертацію и за вѣроятную признаваетъ, толькобъ ее исправить, однако же сего мнѣнія въ силу именнаго указу вѣчной славы достойныя памяти Его Императорскаго Величества Государя Петра Вели-

каго, состоявшагось въ 714 году Апрѣля 4 числа, въ дѣйствіе не принимается, ибо въономъ Его Императорскаго Величества указѣ между прочимъ написано: «куда въ какомъ дѣлѣ болѣе голосовъ явится, такъ и вершить,» того ради основываясь на объявленномъ Его Императорскаго Величества указѣ, и что оная диссертація отъ троихъ Россійскихъ не опробована, да и отъ иностранныхъ ни отъ кого, и отъ профессора Тредіаковскаго за прямо основательную не признана, опредѣлено: оную диссертацію совсѣмъ уничтожить, и что оная диссертація по мнѣнію Гг. Профессоровъ и по разсужденію канцеляріи Академіи наукъ, такъ какъ она предосудительная Россіи, въ свѣтъ не выдана и совсѣмъ уничтожена, о томъ професорскому собранію вѣдать. Сентября 24 дня 1750 года.

Подписано: Григорей Тепловъ.

Секретарь Петръ Ханинъ.

Отношенія Миллера къ Ломоносову и мнѣніе послѣдняго о Шлецерѣ можно видѣть изъ слѣдующихъ бумагъ.

Собственноручное:

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе.

1.

Съ начала учрежденія историческаго собранія, по опредѣленію Сіятельнѣйшаго Академіи Президента велѣно было мнѣ съ протчими профессорами присуд-

ствовать въ историческомъ собраніи, что я и исполнилъ по самое тое время, пока помянутыя собранія бывшими въ 1749 году слѣдствіями диссертаціи профессора Миллера не прекратились;

2.

И какъ канцеляріи Академіи наукъ извѣстно, коль много принужденъ я былъ отъ помянутаго профессора Миллера ругательствъ и обиды терпѣть напрасно *. А въ нынѣшнихъ историческихъ собраніяхъ читается его жъ Миллерова Сибирская Исторія. И для того опасаясь, чтобъ обыкновенныхъ его досадительныхъ рѣчей не претерпѣть напрасно, и безпокойствуясь принятою отъ того досадою, въ другихъ моихъ дѣлахъ не имѣть остановки.

3.

Ибо кромѣ тѣхъ упражненій, которыя въ лабораторіи почти всегда моего присудствія требуютъ, и кромѣ академическихъ конференцій положена почти на меня одного должность профессора поэзіи и краснорѣчія Россійскаго, къ чему я всегда готовъ быть долженъ. И сверхъ сего другія начатыя мною части словесныхъ наукъ на Россійскомъ языкѣ привести къ концу надобно, что все особливаго времени требуетъ. А особливо что трагедія, которую Ея Императорское Величество указали мнѣ сочинить, три раза въ недѣлю въ собранія ходить никакъ не позволяютъ.

* Зачеркнуто: и за то не получалъ довольной сатисфакціи.

Того ради канцелярію Академіи наукъ прошу, дабы Его Сіятельству Академіи Президенту представила о моемъ увольненіи отъ историческихъ собраній и только позволить сочиненія профессора Миллера читать на дому, и съ примѣчаніями моими отсылать въ помянутое собраніе на разсужденіе.

Сентября 4 дня 1751 года.

Подписано: Совѣтникъ и Профессоръ
Михайло Ломоносовъ.

Собственноручная черновая:

О издавающейся въ печать Шлецкровой грамматикѣ Россійской.

1. Хотя всякъ Россійскому языку искусной легко усмотрѣть можетъ, коль много нестерпимыхъ погрѣшностей въ сей печатающейся безпорядочной грамматикѣ находится, показующихъ сочинителевы великія недостатки въ таковомъ дѣлѣ; но больше удивится его неразсудной наглости, что зная свою слабость и вѣдая искуство, труды и успѣхи въ словесныхъ наукахъ природныхъ Россіянъ, необинулся приступить къ оному, и какъ бы нѣкоторой пигмей поднялъ Алпійскія горы.

2. Но больше всего оказывается не токмо незнаніе, но и сумазбродство въ произведеніи словъ Россійскихъ. Кромѣ многаго, что развратно и здравому разсудку противно, внесены еще ругательныя чести и святости разсужденія, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Стр. 58. Бояринъ, производится 1) отъ дурака, 2) отъ барана.

Стр. 82. Слово *Дѣва* производитъ Шлецеръ отъ Нѣмецкаго слова Dieb (воръ), отъ Голландскаго teef (непотребная д....) отъ нижняго Саксонскаго слова Tiffe (сука). Диво, что сумозброду не пришло въ голову слово Teufel, оно ближе будетъ по его мечтаніямъ къ дѣвѣ, нежели Dieb и протчія.

Стр. 83. Слово *Король* производитъ отъ слова Kerl.

Стр. 89. Напечатано ругательнымъ образомъ высочайшій степень Россійскаго дворянства *, кажется быть тоже что по нѣмецки Knecht (холопъ).

3. Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина.

Слѣдствія отъ принятія Шлецерова Ординарнымъ Профессоромъ Исторіи **

1. Роптаніе, что онъ принятъ не по справедливости, то есть излишней, недостойной, незаслужившей, въ обиду старшимъ, противъ согласія общаго, въ нареканіе природнымъ Россіянамъ, въ утвержденіе старыхъ академическихъ непорядковъ.

2. Поводъ и дорога къ прикрытію худыхъ поступковъ. Ибо симъ успѣхомъ Таубертъ покрываетъ непозволенную дерзость допущенія совсѣмъ чужаго и ненадежнаго человѣка въ библіотеку Рос-

* Князь.
** Писано не извѣстно чьей рукою.

сійскихъ манускриптовъ, которую не меньше архивовъ въ сохранности содержать должно. Что многими примѣрами доказать нетрудно.

3. Шлецеръ не имѣя такой, какъ нынѣ, привилегіи, обращалъ уже въ шутки, что у насъ въ Россіи почтительно. Нынѣжъ получивъ толь высокую протекцію поступитъ еще дерзновеннѣе.

4. Какое разсужденіе произойдетъ между учеными и всѣми знающими, что выше всякаго примѣра на свѣтѣ. Шлецеровы сочиненія выключены и освобождены отъ общаго академическаго разсужденія и рассмотрѣнія, отъ чего нигдѣ ни единый академикъ, ни самой ученой и славной не бывалъ свободенъ. Правда, что для Шлецера то надобно; за тѣмъ, что опасается отдать на рассмотрѣніе иноземецъ природнымъ; учинить, учителямъ начавшей многотрудившимся.

5. Всѣ удивляются, что профессоръ Миллеръ за диссертацію, въ которой нашлись сатирическія нѣкоторыя выраженія, штрафованъ былъ не токмо уничтоженіемъ оныя; но и пониженіемъ чина и убавкой жалованья и публично тѣмъ обруганъ, не смотря на его долговременную службу. Нынѣ Шлецеръ новопріѣжжей еще за большія наглости вдругъ награжденъ чиномъ и жалованьемъ ординарнаго профессора съ преимуществами, каковыхъ никогда славнѣйшіе на свѣтѣ профессоры не имѣли.

6. Таубертъ и его креатуръ разносятъ по городу копіи безсовѣстной Шлецеровой на Ломоносова жалобы, и тѣмъ разсѣваютъ на него гнѣвъ Государской, дабы отвратить отъ него его доброжела-

телей и пріятелей; а особливо уничтожить г
шаніе его подчиненныхъ, которые уже д
стращаны Таубертомъ боятся Ломоносо
вать исполненіе дѣлъ законныхъ по ко

—

Помѣщаемъ здѣсь еще нѣсколь
шихъ собственноручныхъ бумагъ
Ломоносова.

I.

Всенижайшее мнѣніе о исправлен
Императорской Академіи.

1.

Ея Императорскаго Величества Всеми
Государыни нашея о благополучіи наслѣдн
дарства попеченіе и великодушная щедрота
стирается какъ всеобще чрезъ цѣлое отече
равнымъ образомъ и на каждое изъ государствен-
ныхъ дѣлъ отправленію учрежденное мѣсто. Кромѣ
многихъ другихъ свидѣтельствуетъ Императорская
Академія Наукъ, которую дабы востановить отъ
прежняго испорченнаго состоянія и мало полезнаго
поведенія, матернимъ милосердіемъ и щедролюбіемъ
движима, прибавленіемъ великой суммы оную снаб-
дѣть, и регламентомъ утвердить всемилостивѣйшее
попеченіе возъимѣть благоволила.

Успѣхи толь великодушнаго и безпримѣрнаго
снабдѣнія весьма бы должны быть черезъ семь
лѣтъ чувствительны и очевидны. Правда, что нѣко-
торые въ началѣ стали было оказываться; однако
такъ малы, что не токмо толь великой суммѣ не

довольны, и утверждены толь неподвиж-
ихъ никто не могъ перемѣнить или тол-
ему произволенію.

Академической регламентъ опробо-
ь Высочайшею Ея Императорскаго
. и ради того почитать должно
ѣхъ Академическихъ поведеніяхъ
1-е, многіе примѣры не ток-
Россіи имѣемъ, что премудрые
лутчее, узаконенія свои отмѣ-
мъ пунктѣ Академическаго
Президенту чинить отмѣны;
ной регламентъ за совер-
что въ ономъ о учреж-
мента и Гимназіи ничего
мо нужно и медленія
въ минаю, что онъ безъ
есть д а Ея Императорска-
ни единъ всѣ протчіе регла-
доучился. А: его доказываютъ
латинскаго языка зъ въ разныхъ
лекціи ходить и ст о толикое мно-
на экзаменѣ въ собрани лаемаго успѣ-

2. Набранные изъ синодаль благоволеніе
ской, Новогородской и Невской жащему не
ни единаго не чинятъ Академіи пр должности
набранными прежде новаго штата въ 1 о дерзно-
годѣхъ. Для всѣхъ лекціи только на каго ре-
чинались, и безъ продолженія прекратил ебуемое
происхожденіе и произведеніе есть равно

3. Академическія собранія были полнѣе и порядочнѣе. Нынѣ для недостатка нужныхъ профессоровъ весьма неполны и безпорядочны. Ибо нѣтъ вышшаго математика, географа, физика, ботаника, механика.

4. Печатаніе книжное и торгъ едва можетъ ли съ прежнимъ худымъ сравниться.

5. Старыхъ долговъ не токмо многіе тысячи не заплачены, но и въ новь беспрестанно прирастаютъ. А особливо неплаченіемъ обѣщаннаго награжденія чужестраннымъ членамъ, что имяннымъ Ея Величества указомъ особливо повелѣно было.

6. Библіотека и кунсткамера имѣетъ расположеніе такъ же худо, какъ и прежде. Не упоминаю о недостаткахъ, которые воспослѣдовали отъ пожара, крайнимъ небреженіемъ воспослѣдовавшаго.

7. Художества, а особливо грыдированіе не малое имѣетъ приращеніе. Однако не токмо приложенная на то въ регламентѣ чрезвычайно великая сумма исходитъ, но и сверхъ оной вся прибыль, что отъ художествъ собирается, употреблена бываетъ. Что по разсужденіи несравненной пользы отъ Академіи и отъ Университета ожидаемой весьма непропорціонально.

Сіи недостатки никогдабъ не были столь велики, и никакимъ бы партикулярнымъ пристрастіемъ или интересамъ желанное приращеніе наукъ не моглобъ пресѣкаться и приходить въ непорядокъ, когда бы въ Академическомъ регламентѣ узаконенія были на

всѣ случаи довольны, и утверждены толь неподвижно, чтобы ихъ никто не могъ перемѣнить или толковать по своему произволенію.

Правда, что Академической регламентъ опробованъ и подписанъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества рукою, и ради того почитать должно оной свято, и во всѣхъ Академическихъ поведеніяхъ ему согласоваться; но 1-е, многіе примѣры не токмо внѣ, но и внутрь Россіи имѣемъ, что премудрые Государи усмотрѣвъ лутчее, узаконенія свои отмѣняли; 2-е, въ послѣднемъ пунктѣ Академическаго регламента позволяется Президенту чинить отмѣны; изъ чего явствуетъ, что оной регламентъ за совершенной не признается; 3-е, что въ ономъ о учрежденіи Университетскаго регламента и Гимназіи ничего не содержится, что необходимо нужно и медленія не отнюдь не терпитъ; не упоминаю, что онъ безъ предписанія Высочайшаго титула Ея Императорскаго Величества на переди, какъ всѣ протчіе регламенты и узаконенія; 4-е, яснѣе всего доказываютъ сіе многія важныя отмѣны пунктовъ въ разныхъ случаяхъ. Сіе разсуждая, и видя, что толикое множество казны Ея Величества, безъ желаемаго успѣха исходитъ, а паче всего Высочайшее благоволеніе и матернее намѣреніе и желаніе по надлежащему не исполняется по всеподданнической моей должности и по усердной любви къ отечеству пріемлю дерзновеніе предложить: 1) недостатки Академическаго регламента, 2) какъ онъ исправленъ и въ требуемое совершенство приведенъ быть можетъ.

2.

Для всякаго предпріемлемаго важнаго дѣла должно полагать напередъ непоколебимыя основанія и предписывать неложныя правила, дабы въ произведеніи оныхъ не подвергнуться какимъ предкновеніямъ, не просмотрѣть ничего нужнаго и не употребить безполезнаго. Учрежденіе Императорской Академіи наукъ простирается не токмо къ пріумноженію пользы и славы цѣлаго Государства; но и къ приращенію благополучія всего человѣческаго рода, которое отъ новыхъ изобрѣтеній происходитъ и по всему свѣту расширяется, о чемъ внѣшнія Академіи довольно свидѣтельствуютъ. Того ради приступая къ оному, должно положить въ началѣ общія основанія, на которыхъ утвердить и расположить всю сего великаго государственнаго и полезнаго учрежденія систему. Ибо безъ оныхъ все должно быть зыблемо и къ скорому паденію и разрушенію склонно.

Оныя основанія въ слѣдующихъ пунктахъ кратко предлагаются.

(отмѣтки на полѣ). 1. Регламентъ академической такимъ образомъ сочиненъ и расположенъ быть долженъ, чтобы онъ всегда имѣлъ свою силу и всякому будущему времени былъ приличенъ и согласенъ и вездѣ полезенъ. Того ради не должно смотрѣть на лицо, заслуги и недостатки тѣхъ, которые находятся въ Академіи, при нынѣш-

(Margin: 1. 3. 46. 12. 20. 26. 27. 48. *Дивлюсь что и студентовъ изъ заморя не велѣно выписывать.*)

немъ состояніи, ниже на поведенія и поступки, или обстоятельства.

16. 19. 2. Дабы Академія не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оныхъ и распространять по всему государству.

Россійское собраніе... 18. 23. 24, 36. 3. При сочиненіи регламента должно прилежно смотрѣть на учрежденія славныхъ Академій въ другихъ государствахъ изъ древнихъ временъ процвѣтающихъ, какъ добрыя примѣры, выключая то, что съ протчими узаконеніями Россійскаго государства не согласуется.

(4-й и 5-й зачеркнуты).

1. *Чиновъ нѣтъ.* 2. *Запрещ.* 9. 6. Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласіе. Отъ нижнихъ къ вышнимъ пристойное почтеніе, отъ подчиненныхъ къ начальникамъ законное послушаніе. Все сіе къ беспрепятственному приращенію наукъ и къ пріобрѣтенію отъ народа къ нимъ почтенія и любленія необходимо нужно.

14. *О награжденіяхъ и штрафахъ ничего не положено, дѣлаютъ какъ хотятъ.* 7. Дабы добрые имѣли одобреніе, а злые страхъ, должно опредѣлить по мѣрѣ заслугъ награжденіе, по мѣрѣ преступленія наказанія; но такъ чтобы излишествомъ воздаяній не привести къ высокоумію и лѣности, без-

2.

Для всякаго предпріемлемаго важнаго дѣла должно полагать напередъ непоколебимыя основанія и предписывать неложныя правила, дабы въ произведеніи оныхъ не подвергнуться какимъ предкновеніямъ, не просмотрѣть ничего нужнаго и не употребить безполезнаго. Учрежденіе Императорской Академіи наукъ простирается не токмо къ пріумноженію пользы и славы цѣлаго Государства; но и къ приращенію благополучія всего человѣческаго рода, которое отъ новыхъ изобрѣтеній происходитъ и по всему свѣту расширяется, о чемъ внѣшнія Академіи довольно свидѣтельствуютъ. Того ради приступая къ оному, должно положить въ началѣ общія основанія, на которыхъ утвердить и расположить всю сего великаго государственнаго и полезнаго учрежденія систему. Ибо безъ оныхъ все должно быть зыблемо и къ скорому паденію и разрушенію склонно.

Оныя основанія въ слѣдующихъ пунктахъ кратко предлагаются.

(*отмѣтки на полѣ*). 1. Регламентъ академической такимъ образомъ сочиненъ и расположенъ быть долженъ, чтобы онъ всегда имѣлъ свою силу и всякому будущему времени былъ приличенъ и согласенъ и вездѣ полезенъ. Того ради не должно смотрѣть на лицо, заслуги и недостатки тѣхъ, которые находятся въ Академіи, при нынѣш-

1. 3. 46. 12. 20. 26. 27. 48.

Дивлюсь что и студентовъ изъ заморя не велѣ но выписывать.

нем состояніи, ниже на поведенія и поступки, или обстоятельства.

16. 19.

2. Дабы Академія не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оныхъ и распространять по всему государству.

Россійское собраніе...
18. 23. 24, 36.

3. При сочиненіи регламента должно прилежно смотрѣть на учрежденія славныхъ Академій въ другихъ государствахъ изъ древнихъ временъ процвѣтающихъ, какъ добрыя примѣры, выключая то, что съ протчими узаконеніями Россійскаго государства не согласуется.

(4-й и 5-й *зачеркнуты*).

1. *Чиновъ нѣтъ.*
2. *Запрещ.* 9.

6. Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласіе. Отъ нижнихъ къ вышнимъ пристойное почтеніе, отъ подчиненныхъ къ начальникамъ законное послушаніе. Все сіе къ беспрепятственному приращенію наукъ и къ пріобрѣтенію отъ народа къ нимъ почтенія и любленія необходимо нужно.

14.
О награжденіяхъ и штрафахъ ничего не положено, дѣлаютъ какъ хотятъ.

7. Дабы добрые имѣли одобреніе, а злые страхъ, должно опредѣлить по мѣрѣ заслугъ награжденіе, по мѣрѣ преступленія наказанія; но такъ чтобы излишествомъ воздаяній не привести къ высокоумію и лѣности, без-

Штрафуютъ студентовъ подло. Примѣры эдпшніе, примѣры иностранные; мой примѣръ въ студентахъ, въ совѣтникахъ штрафофанъ.

мѣрнымъ изтязаніемъ къ подлости и отчаянію.

(3. зачеркнуть).

9. Дабы Академической регламентъ былъ наблюдаемъ строго и порядочно, для того положить учрежденія никогда и никѣмъ неотмѣняемыя, безъ Высочайшаго Монаршескаго повелѣнія, по примѣру другихъ командъ, и предписать точно предѣлы, до которыхъ главные командиры въ потребныхъ обстоятельствахъ отмѣну учинить могутъ, и что съ общаго членовъ согласія, что сами собою.

Профессоровъ, студентовъ и школьниковъ мало.

10. Дабы въ произведеніи и содержаніи разныхъ Академическихъ департаментовъ и наукъ было полагаемо равномѣрное попеченіе и наблюдалась бы надлежащая пропорція. Въ противномъ случаѣ будетъ Академія подобна нѣкоторому безобразному тѣлу, которое отъ болѣзни, неровное питаніе въ членахъ производящей, имѣетъ тѣ части больше и тучнѣе, которыя въ здравомъ состояніи должны быть равны или еще и меньше.

3.

Сочинитель апробованнаго Академическаго регламента, о которомъ профессоры не знали, при начина-

ніи онаго не имѣлъ предъ собою таковыхъ необходимо нужныхъ основаній, что изъ слѣдующихъ ясно усмотрѣть можно.

I. Большая часть штата расположена по бывшему прежде въ Академіи до прибавленія суммы по большей части испорченному состоянію. Напримѣръ:

въ департаментахъ.

1. Канцелярія вовсе излишня. Въ другихъ государствахъ отнюдь ихъ нѣтъ при таковыхъ корпусахъ. Однако была и затѣмъ не токмо оставлена, но и больше власти получила, къ уничтоженію профессорскаго достоинства.

2. Россійскаго собранія, нужнаго весьма учрежденія, тогда не было; слѣдовательно въ регламентѣ и не упомянуто.

въ персонахъ.

1. Въ астрономическомъ классѣ положенъ калкулаторъ только для того, что былъ тогда профессоръ Вингеймъ, которой только къ тому и способенъ. Въ другихъ Академіяхъ и имени того нѣтъ.

2. Ректоромъ университета положенъ исторіографъ, то есть профессоръ Миллеръ, затѣмъ что онъ тогда былъ старшей. И естьли бы Миллеръ былъ юристъ, или стихотворецъ, то конечно и въ штатѣ ректоромъ былъ бы положенъ юристь или стихотворецъ. Послѣ перемѣненъ и сдѣланъ ботаникъ.

3. Исторіографу приданъ переводчикъ Китайскаго и Манжурскаго языка; то есть переводчикъ Рос-

сохинъ; но естьли бы онъ зналъ вмѣсто Китайскаго и Манжурскаго языка на пр. Персидской и Татарской; то бы конечно положенъ былъ въ штатѣ переводчикъ Персидскаго и Татарскаго языковъ.

4. Въ канцеляріи члены положены совѣтникъ и ассесоръ, которые въ наукахъ и языкахъ нѣкоторое понятіе имѣютъ, то есть Шумахеръ и Тепловъ. Но естьли бъ оба они были люди великаго ученія, и Тепловъ бы былъ уже тогда совѣтникомъ; тобъ конечно въ статѣ положены были въ канцеляріи два совѣтника, въ высокихъ наукахъ весьма искусные.

5. Въ Европейскихъ государствахъ, которыя ради отдаленія меньшее сообщеніе съ Азіатическими народами имѣютъ нежели мы по сосѣдству, содержатся при университетахъ профессоры оріентальныхъ языковъ. Но въ академическомъ статѣ оной не положенъ: затѣмъ что тогда его въ Академіи не было.

ВЪ ЖАЛОВАНЬѢ.

1. Каждая наука въ Академіи имѣетъ равное достоинство; и въ каждой можетъ быть равенство знанія и неравенство. И такъ вообще разсуждая: должно всѣмъ положить въ штатѣ равное жалованье. Ибо для неравности положеннаго жалованья студенты больше будутъ стараться о тѣхъ наукахъ, гдѣ профессору больше жалованья положено. Что уже и примѣромъ оказалось. Ибо вѣдая что и вышшему математику жалованья положено 1800 рублевъ, а химику 860; и притомъ алгебраистъ сидя въ своей

камерѣ или въ саду можетъ свое дѣло исправлять; а химикъ напротивъ того долженъ въ дыму, въ пыли и вредныхъ парахъ обращаться, всѣ лутчія студенты къ математикѣ прилагаютъ стараніе, отъ химіи удаляясь. Причина сего что сочинитель въ опредѣленіи жалованья положеннаго въ штатѣ смотрѣлъ на тогдашныя обстоятельства. И алгебраисту положено жалованья 1800 рублевъ для Ейлера или Бернуллія; астроному 1200, чтобъ славнаго Емса приласкать въ Россію; анатомику 1000 рублевъ для Бургава; протчимъ по 860, и по 660 рублевъ, не по достоинству и трудности самой науки; но по обстоятельствамъ особъ, которые тогда оные профессіи имѣли. Однако естьли бы Ейлеръ (или Бернулій) былъ таковъ химикъ, каковъ онъ математикъ; то бессомнѣнія былобъ химику положено жалованья въ штатѣ 1800 рублевъ.

Изъ сихъ примѣровъ явствуетъ, что Академической штатъ сочиненъ по большей части взирая на персоны и обстоятельства тогдашняго времени. Слѣдовательно во всѣ будущія времена служить не можетъ, что весьма противно первому основанію.

въ поведеніяхъ.

1. Объ отсудствіи президентскомъ многократно при всякомъ случаѣ упоминается. Якобы то нужное и узаконенное было дѣло во всѣ будущія времена, чтобъ президенту въ Академіи рѣдко присудствовать.

2. Такимъ же образомъ о выписаніи профессоровъ и о контрактахъ наблюденіи узаконеніе положено, яко-

бы то всегда впредь будетъ и надежды нѣтъ, чтобъ мы могли довольствоваться своими. Временныхъ дѣлъ въ неподвижныя государственныя узаконенія вносить не должно; но на то дѣлать особливыя опредѣленія.

II. Основаніе о произведеніи и размноженіи ученыхъ людей въ Россіи не токмо весьма мало наблюдаемо было; но и совсѣмъ оному впротивность поступано быть кажется. На примѣръ:

1. Во всѣхъ Европейскихъ государствахъ позволено въ Академіяхъ обучаться на своемъ коштѣ, а иногда и на жалованьѣ, всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи при самомъ наукъ начинаніи уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ Университетъ принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго Россіянина, и лутче выписывать. Довольнобъ и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ.

2. Профессоры въ другихъ государствахъ, не взирая на ихъ великое довольство, имѣютъ во первыхъ чины знатные и всегда выше или по послѣдней мѣрѣ равно коллежскимъ ассесорамъ считаются; второе, ободряются къ прилежному ученію не токмо произведеніемъ въ чины, но и возвышеніемъ въ знатное дворянство; такъ что нерѣдко бываютъ за особливое достоинство произведены по первому въ тайные совѣтники, по второму въ фрейгеры или въ бароны.

Здѣсь правда что ободреніе отъ произведенія, по Высочайшей милости Ея Величества съ радостію видимъ. Однако что до перваго надлежитъ, капитанскія чины профессорамъ малы, а адьюнктамъ и никакихъ нѣтъ. О семъ въ регламентѣ и въ штатѣ не токмо по прежнему оставлено; но и почти вся надежда отнята къ ихъ происхожденію въ высшіе чины по 10 пункту. Напротивъ того канцелярскимъ членамъ и другимъ чинамъ положены пристойные ранги къ униженію профессорскаго достоинства, и слѣдовательно и къ помѣшательству въ размноженіи ученія. Сіе такъ же не мало препятствуетъ, что дворяне больше записываютъ дѣтей своихъ въ кадеты, нежели въ Академію; ибо положивъ многіе труды и годы на ученіе, не имѣютъ почти никакой надежды произойти какъ только до капитана; да и то струдомъ, есть велик....

(не кончено).

3. Каждому Академику положено упражняться въ своей профессіи, а въ чужую не вступаться (16). Сіе ограничено весьма тѣсно. Ибо иногда бываетъ, что одинъ академикъ знаетъ твердо двѣ или три науки, и можетъ чинить въ нихъ новыя изобрѣтенія. И такъ весьма неправильно будетъ, ежели когда астроному впадетъ на мысль новая физическая махина, или химику труба астрономическая; а о приведеніи оной въ совершенство и описаніи стараться ему не позволяется: и для того о томъ молчать или другому той профессіи уступить, и слѣдовательно чести отъ своего изобрѣтенія лишиться принужденъ будетъ. Сіе немало распространенію знаній можетъ препятствовать,

и для того нѣкоторыми правилами изъяснено быть должно.

4. Больше всего препятствуетъ приращенію наукъ и размноженію людей ученыхъ весьма малое число студентовъ и школьниковъ, въ разсужденіи такъ великой суммы, на Академію положенной, и безпропорціональное раздѣленіе студентовъ и школьниковъ. Ибо всѣхъ ихъ только 50 человѣкъ, которыхъ число по примѣру кадетскихъ корпусовъ много больше быть должно. Сверхъ сего школьниковъ много меньше нежели студентовъ; что совсѣмъ противнымъ образомъ быть должно: затѣмъ что не всякой школьникъ произойти можетъ въ студенты, какъ не всякой студентъ въ профессоры. Посторонніе вольные школьники тому не замѣна, затѣмъ что должны быть и студенты вольные и посторонніе, безжалованные.

5. Таковые студенты числятся по Университетамъ въ другихъ государствахъ не токмо стами, но и тысячами изъ разныхъ городовъ и земель. Напротивъ того здѣсь почти никого не бываетъ. Причина сего весьма видна и явственна. Ибо здѣшней Университетъ не токмо дѣйствія, но и имени не имѣетъ. Но когда бы здѣшнему Университету учинена была инавгурація, то есть торжественное учрежденіе, какъ то въ другихъ государствахъ видится, и на ономъ бы программою всему свѣту объявлены были вольности и привилегіи, которыми Университетъ пожалованъ; въ рассужденіи профессоровъ, какую имѣютъ честь, преимущество и власть, и какія нужныя науки преподавать, и въ какія градусы атте-

стовать и производить имѣютъ; въ разсужденiи студентовъ, какiя имѣютъ увольненiя, по какимъ должны поступать законамъ. Какъ могутъ происходить въ градусы, и какiя преимущества обученiя въ Университетѣ передъ неучеными въ произвожденiи имѣть будутъ; все сiе когдабъ учинено было; то конечно Университетъ Санктпетербургской былъ бы доволенъ и вольными студентами. Которые купно съ содержащимися на жалованьѣ могли вскорѣ не токмо Академiю удовольствовать, но и по другимъ командамъ распространяться.

III. Хотя изъ вышеписанныхъ уже ясно видѣть можно, что при сочиненiи Академическаго регламента и стата мало смотрѣно на достохвальныя учрежденiя Академiй и Университетовъ въ чужестранныхъ государствахъ; однако еще не мало другихъ есть сего доказательствъ.

1. Въ Европейскихъ государствахъ Университеты раздѣляются на 4 факультета: на богословской, юридической, медицынской, философской. Здѣсь хотя богословской оставляется святѣйшему Синоду; однако прочихъ трехъ порядочное учрежденiе необходимо нужно: 1), для обученiя студентовъ праву вообще, такъ же Европейскихъ и Россiйскихъ, для умноженiя въ Россiи Россiйскихъ докторовъ и хирурговъ, которыхъ очень мало. Для прiумноженiя прочихъ ученыхъ, которые въ философскомъ факультетѣ заключаются. Для порядочнаго произведенiя въ градусы, чтобы произведенной въ Санкпетербургскомъ Университетѣ порядочнымъ и обыкновеннымъ у другихъ образомъ (на примѣръ) док-

въ Гимназіи школъ и классовъ. Довольное и порядочное число учителей и множество школьниковъ; частые екзамены. Въ университетѣ на всякую полгода профессорскія лекціи печатнымъ листомъ объявлять, и оныя предлагать дѣйствительно; студентамъ имѣть на каждой мѣсяцъ публичный диспутъ, и протч. по примѣру Европейскихъ гимназій и университетовъ.

1. Но при Академіи наукъ, въ Гимназіи верхнихъ классовъ учителей уже много лѣтъ не было, а когда и были, то почти недостойные.

2. Напротивъ того въ нижнихъ классахъ учители за излишкомъ; а почти всѣ негодные, у которыхъ школьники время теряютъ.

3. Нѣкоторые учители приняты изъ милости, и получая не малое жалованье, никого въ Гимназіи не обучаютъ; а живутъ при дѣтяхъ у знатныхъ господъ.

4. Многіе учители были и нынѣ есть, въ латинской школѣ, которые Россійскаго языка не искусны, и учатъ школьниковъ по латинѣ съ нѣмецкаго. Для того принуждены они прежде учиться по нѣмецки. Въ чемъ ради безпорядка потерявъ много лѣтъ къ латинскому языку уже устарѣвъ приступаютъ, и затѣмъ онаго не выучаются.

5. Всего недостатка причина въ томъ состоитъ, что въ Академическомъ регламентѣ о гимназическомъ учрежденіи и поведеніяхъ ничего не упомянуто.

6. Университетской регламентъ не сочиненъ; хотя много на то трудовъ профессорскихъ и времени положено.

Противъ 6 основанія.

Для дружбы, для повелительства, для послушанія, долженъ служить 1) всегда взаимно соотвѣтствующія и общими силами производимыя труды; 2) извѣстныя каждому ранги и команды; 3) члены и другіе служители всякъ въ своемъ дѣлѣ искусные.

Въ академическомъ регламентѣ положено, что профессору одной профессіи нѣтъ дѣла до другой. Сей пунктъ разрушаетъ общество академическихъ конференцій: 1) въ совѣтахъ и разсужденіяхъ; 2) въ трудахъ тѣхъ профессоровъ, которые больше нежели одну науку знаютъ. Ибо ежели астрономъ знаетъ физику или химію или ботанику, не долженъ сочинять диссертацій физическихъ, химическихъ или ботаническихъ, хотя что новое найдетъ: затѣмъ что по сему пункту могутъ по зависти тѣхъ наукъ профессоры спорить. Отъ чего ссоры и препятствія въ распространеніи наукъ. 3) Малое число профессоровъ по одной наукѣ. Что скажетъ то и ладно, какъ бы худо ни было.

—

II.

(Переписанная, но переправленная собственною рукою).

Въ канцелярію академіи наукъ представленіе.

По примѣру другихъ государствъ весьма полезно быть разсуждаю, чтобы учредить при Академіи наукъ печатаніе внутреннихъ Россійскихъ вѣдомостей, которыя бы въ государственной экономіи и приватныхъ людей, а особливо въ купечествѣ, приносили

пользу отечеству сообщеніемъ знанія о внутреннемъ состояніи государства, въ чемъ гдѣ избытокъ или недостатокъ: напримѣръ плодородія хлѣба или недороду, вывозъ товаровъ или припасовъ и о многихъ другихъ вещахъ подобныхъ, какъ для извѣстія во всѣхъ въ государствѣ въ присудственныхъ мѣстахъ и для знанія приватнымъ людямъ, торгами и промыслами пропитаніе себѣ имѣющимъ; того ради канцеляріи Академіи наукъ представляю, чтобы о учрежденіи таковыхъ вѣдомостей учинить опредѣленіе къ опробаціи Его Сіятельству Академіи господину Президенту, въ чемъ особливо означить: 1) чтобы сіи вѣдомости печатать на одномъ Россійскомъ языкѣ; 2) къ онымъ бы припечатывать все, что къ обыкновеннымъ вѣдомостямъ припечатывается для извѣстія; 3) вмѣсто того припечатывать къ политическимъ вѣдомостямъ, о ученыхъ дѣлахъ сокращенія новыхъ книгъ и проч.; 5) представить доношеніемъ Правительствующему Сенату о присылкѣ изъ губерній и городовъ потребныхъ къ тому извѣстій, которымъ сдѣлать въ Академіи проектъ для поданія Правительствующему Сенату.

III.

(Собственноручная черновая).

О мозаикѣ (1764 года).

1757 года Февраля 11 дня, изъ Правительствующаго Сената посланъ былъ въ Академію наукъ указъ, коимъ повелѣно освидѣтельствовать мозаическія картины, составленныя на моей фабрикѣ, дѣланія раз-

ноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисеру, стеклярусу и протчаго. Которыя картины весьма одобрены и ко всякимъ украшеніямъ рекомендованы съ похвалою, что-де оное искуство приведено здѣсь въ краткое время до столь хорошево состоянія, до котораго въ Римѣ едва въ нѣсколько сотъ лѣтъ достигло. И посему повелѣно мнѣ отъ онаго Правительствующаго Сената о пріобрѣтеніи въ томъ вящаго искусства и обученіи учениковъ всячески стараться, о чемъ я всевозможное употребилъ попеченіе и произвелъ до совершенства, а потому пришолъ въ долги около четырнадцати тысячь, затѣмъ что прочія фабричныя дѣла и модели оставилъ для приведенія мозаичнаго художества въ надлежащее состояніе.

А 1758 года Генваря 14 дня, въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣлено соорудить монументъ съ мозаичными украшеніями въ славу блаженныя памяти Государя Императора Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ, по моему изобрѣтенію и оное строеніе и сумму на то опредѣленную ввѣрить въ мое расположеніе, о чемъ и поданъ докладъ блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Потомъ 1760 года отъ 26 Октября, на оной докладъ воспослѣдовало именное повелѣнія Ея Императорскаго Величества о строеніи помянутаго монумента съ мозаикою, которое и производиться мною началось по первой выдачѣ назначенной суммы по 13,460 рублевъ въ годъ, учиненной 1761 Марта 29 дня.

Сколькожъ мозаическаго строенія произведено и что употреблено на оное суммы и по указу Прави-

тельствующаго Сената на плату долговъ, взятыхъ взайму изъ казенныхъ мѣстъ на строеніе помянутой фабрики и на приведеніе къ совершенству мозаичнаго дѣла, то все явствуетъ изъ поданныхъ мною въ Правительствующій Сенатъ доношеній.

Нынѣ же всепокорнѣйше прошу выдать мнѣ на произведеніе и строеніе протчихъ картинъ сего строенія опредѣленную годовую сумму 13,460 рублевъ, чему уже за три мѣсяца срокъ минулъ. А нынѣ мастеровые и работные люди платы неотступно требуютъ; безъ чего неотмѣнно воспослѣдуетъ остановка.

—

IV.

(СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЧЕРНОВАЯ).

Въ Правительствующій Сенатъ всепокорнѣйшее прошеніе.

1.

Ежели Божескою судьбою отъ настоящей болѣзни жизнь моя пресѣчется, то приношу оному высокому Сенату всенижайшее прошеніе о нижеслѣдующемъ:

2.

Понеже производимое мною великое * мозаичное дѣло въ самомъ своемъ лутчемъ теченіи какимъ образомъ производится и Правительствующій Сенатъ

* Было написано *славное*; но зачеркнуто.

въ сомнѣніи состоять будетъ, продолжать ли оное или нѣтъ, на то оному слѣдующее представляю.

3.

Дѣланіе мозаичныхъ составовъ не можетъ отнюдь быть остановкою долговременнымъ искусствомъ....

4.

Шуринъ мой регистраторъ Ив. Цилихъ дошелъ въ семъ искусствѣ толь довольнаго совершенства, что никто въ Европѣ лучшихъ успѣховъ показать не можетъ; имѣетъ учениковъ уже далече знающихъ. Еще большее число придано быть можетъ. Сіе пріуготовленіе инструменты и другія надобности изготовлены и * къ тому работники; всѣ цвѣты безъ меня произведены быть могутъ, ибо уже года съ три въ составленіи оныхъ мозаичныхъ цвѣтовъ я головою не вступался, а производилъ все оной мой шуринъ Ц. **

—

V.

ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО КЪ КЙЛЕРУ.

Ich habe mich höchst verwundert, daß E. H. als ein großer gelehrter, und schon betagter Mann, über dieß ein großer Rechenmeister in Ansehung ihrer letzten Aufführung gar zu sehr verrechtet haben. Man siehet

* Въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

** Не кончено.

erbaueten, mit einem Garten und Laboratorio versehene schon acht Jahr wohne, und allerhand Instrumente und Experimente nach meiner Willkühr mache. 4) Da ich schon auch acht Jahr in der Cantzeley sitze (nicht um zu commandiren, sondern unter Taubertischen comando nicht zu stechen) So suchen.... hat doch das gedachte Gesiedel mich immer davon zu bringen....

(не кончено).

VI.

(собственноручная записка).

Грыдорованіе и печатаніе сочиненныхъ картъ къ Россійскому атласу стоитъ уже два года, только за одною апробаціею конференціи. А оная тянется безъ всякой причины. Къ поправленію Россійскаго атласа больше ничево не требуется, какъ первое, чтобъ сочинитель показалъ оригиналы, изъ которыхъ онъ собралъ сочиненную имъ карту, что они самыя въ нынѣшнее время лутчіе и что положены на новую карту исправно и вѣрно. 2) Что имена были, сколько изъ имѣющихся извѣстій возможно, исправны. 3) Чтобъ расположеніе было по принятой заблаго Газовой проекціи. 4) Чтобы все въ сочиненіи и изданіи употребительные знаки городовъ, деревень, дорогъ и протчаго были исправны.

Когда сочиненныя въ географическомъ департаментѣ карты имѣютъ все помянутыя достатки; то должно ихъ неукоснительно отдать въ дѣло, для на-

родной пользы и для чести Академіи; будежъ явятся недостатки немедленно велѣть поправить, и отдать въ дѣло. А долѣе не коснѣть и тѣмъ не чинить ущербу казнѣ и чести академической. Августа 27 дня 1762 года. Михайло Ломоносовъ.

7.

(собст. руч. записка).

Писать 1) къ Ейлеру и къ Фармею.
2) къ Генсіусу и къ Володимеру Григорьевичу.
3) къ Вергентину.
4) къ Занотти.
5) къ Ноллету и Кондамину.
6) NB. Ишпанія.
7) Лондонъ.
8) къ Бернуллію и ко всѣмъ почетнымъ членамъ иностр. Парижской Академіи.

N. Фабрики объѣздить и мастеровыхъ и мастерства при командахъ осмотрѣть. Въ Адмиралтействѣ, въ канц. отстр....

Рѣчь 1 и 2 для Академіи художествъ.

8.

(Переписанная; поправки рукою Ломоносова).

Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ.

I.

1. Господинъ Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложъ и общество обманываетъ, на пр. Рычкова представлялъ почетнымъ членомъ. А какъ

его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно коль неправедны бываютъ протоколы конференцскіе, кои онъ одинъ подписываетъ.

2. Господина Брауна не токмо въ конференціи осмѣхалъ, ни вочто вмѣняя изобрѣтеніе замороженія ртути; но и согласясь съ господиномъ Епинусомъ писалъ за море отводя отъ Брауна оное изобрѣтеніе и начало онаго приписывать хотя Цейгеру, что все и напечатано въ Лейпцигѣ, яко бы то сообщено отъ здѣшней Академіи; однако ни канцелярія, ни конференція того не вѣдала.

3. Комментаріи не выходятъ повсягодно по большей части за тѣмъ, что Миллеръ не зная своей должности дѣлать на диссертаціи сокращеній не въ состояніи и принужденъ другихъ просить.

4. Какъ извѣстно, что Миллеръ выписалъ Салкова для того, чтобы меня изъ готовой квартиры вытѣснить. Но нынѣшняго лѣта подалъ въ канцелярію доношеніе, чтобъ у Салхова отнять диплому при его отпускѣ безъ моего вѣдома. И Господиномъ Таубертомъ послана въ Адмиралтейскую коллегію однѣмъ безъ общаго согласія промеморія, чтобы въ Кронштатѣ удержавъ Салхова дипломъ отнять. Сіе столько шуму, негодованія и смѣху въ городѣ сдѣлало, сколько съ начала не бывало, и Салховъ не преминетъ уповательно отмщать свою обиду ругательными сочиненіями о Академическомъ правленіи.

5. Что непозволенныя переписки Миллеръ производитъ съ чужестранными, то довольно утверждаетъ бывшая надъ нимъ вторая коммиссія для слова *phanatique*. И многія причины къ подозрѣнію имѣю, что по его отпискамъ внесены обо мнѣ неправедныя разсужденія въ ученыхъ вѣдомостяхъ; студента Арнолда старался сюда выписать академикомъ, чтобы мнѣ и здѣсь былъ соперникомъ; за тѣмъ что онъ писалъ противъ моей теоріи о теплотѣ и стужѣ.

6. Безъ вѣдома канцеляріи и конференціи выписалъ Француза для обсерваціи Венеры въ Сибирѣ, чѣмъ и при Дворѣ и въ Сенатѣ не очень довольны, разсуждая чтобы Французъ выѣхавъ не издалъ безславнаго журнала, какъ прежде бывало.

7. Посылающіеся указы въ конференцію, кои по моему особливо представленію бываютъ, отнюдь не старается исполнить, напр. уже тому больше двухъ лѣтъ, какъ требуется отъ каждаго профессора сократительное понятіе его науки, для того, чтобы выходящимъ изъ Гимназіи студентамъ имѣть о наукахъ ясное воображеніе; но оное понынѣ не исполнено. Такъ же и требуемыхъ канцеляріею ежемѣсячныхъ сочиненій никогда не сообщаетъ напередъ канцеляріи для вѣдома.

8. Семь лѣтъ имѣвъ Географической Департаментъ въ своемъ смотрѣніи, ниже начало положилъ къ сочиненію настоящаго Россійскаго атласа. А дѣлалъ по большей части карты для приватныхъ въ угожденіе, какъ и прежде сего вмѣсто Россійской Исторіи знатнымъ особамъ генеалогическія таблицы.

А какъ увидѣлъ мои труды и успѣхи, сперва все купно съ господиномъ Таубертомъ не токмо по городу ходя уничижалъ, но и въ глаза мнѣ говаривалъ, сперва что никакихъ географическихъ отвѣтовъ изъ городовъ не будетъ; а какъ стали приходить; то онъ нѣкоторымъ присовѣтывалъ, чтобы оныя извѣстія требовалъ отъ насъ сухопутной кадетской корпусъ. По справедливомъ въ томъ оному отказѣ по его жъ совѣту и какъ слышу по обѣщанію, чтобы сочинить для корпуса географію его стараніемъ, кадетской корпусъ истребовалъ по нашему примѣру, отъ Правительствующаго Сената такъ же во всѣ городы указы, и откинутые въ Академіи Миллерскіе трудные или и невозможные къ отвѣтствованію запросы прибавлены. Не явной ли подкопъ добрымъ академическимъ успѣхамъ!

9. Близъ тридцати лѣтъ будучи профессоромъ ни единой не читалъ лекціи, и надъ чтеніемъ другихъ смѣялся, а Гмелину въ Сибирѣ и заказывалъ, какъ я многократно слыхалъ отъ Крашенинникова. И тому нынѣ послѣдуя всякими ложными словами и пророчествами по городу разноситъ и порочитъ полезныя новыя учрежденія Университета и Гимназіи.

10. Ни единаго не выпустилъ въ свѣтъ сочиненія, гдѣ бы не было великаго множества пустоши и нерѣдко досадительной и для Россіи предосудительной.

11. И хотя за негодную диссертацію о произхожденіи Россійскаго народа былъ штрафованъ лишеніемъ чина; однако не отстаетъ прежнихъ своихъ

поступковъ, доказательства тому изъ слѣдующихъ ясны.

12. Мѣсячныя сочиненія содержать въ себѣ толь важныя политическія ошибки, ежели ошибками назвать можно, что Миллеръ призыванъ былъ въ придворную конференцію и сильно репримендованъ не задолго предъ полученіемъ прибавки жалованья. Дѣло было о Запорожцахъ въ мѣсяцѣ (Августѣ *) листъ перепечатанъ и слѣдующіе слова выкинуты **. Иностранная коллегія и безъ того затрудненіе имѣетъ отвѣтствовать о набѣгахъ изъ Запорожья.

13. На все не смотря и по сіе время не токмо словесныхъ отъ канцеляріи требованій, но ниже указовъ исполняетъ, и не объявляетъ матерій вносимыхъ въ сочиненія.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ сочиненій прошлаго 1760 году стр. въ примѣчаніи Андреевскихъ казаковъ Персіи присвояетъ, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ.

14. Самовольство Миллерово такъ далече произошло, особливожъ въ печатаніи сочиненій, что недавно Епинусъ подалъ на меня и при мнѣ въ собраніе поносительное письмо и говорилъ, что оное Миллеръ можетъ въ сочиненіяхъ напечатать. Въ ономъ письмѣ жалуется, яко бы я по городу бѣгалъ и поносилъ его книжку о прохожденіи Венеры по солнцу. Погрѣшность въ показаніи пути примѣтилъ

* Замарано.

** Точки.

господинъ Поповъ, а я прежде отъ знатныхъ людей услышалъ, нежели отъ Попова и только въ канцеляріи напоминалъ о томъ моимъ товарищамъ.

15. Жалуется не рѣдко, что ему въ сочиненіяхъ помогать не кому; хотя ему двое даны студентовъ и переводчики его жъ помощники. Не смотря на то Канцелярія опредѣлила къ нему для вспоможенія адьюнкта Мотониса, которой изъ награжденія ста рублевъ и принялся добровольно; однако вскорѣ прошеніемъ письменнымъ отъ того дѣла и отъ ста рублевъ отказался, не терпя Миллерова повелительства.

16. Не токмо въ ежемѣсячныхъ, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ всѣваетъ по обычаю своему занозливыя рѣчи, напр. описывая Чувашу, не могъ протти, что бы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть Россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ Россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія.

17. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на Нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годуновы и Растригины, самую мрачную часть Россійской Исторіи; изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ Россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?

18. Всего доказательнѣе его злоба, что онъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ вмѣщаетъ свою ска-

редную диссертацію о Россійскомъ народѣ по частямъ; и забывъ свое наказаніе, хвастаетъ, что онъ ту диссертацію, за кою штрафованъ, напечатаетъ золотыми литерами. Причемъ хвалитъ превеликаго педанта Бейера превеликія въ комментаріяхъ и намъ прикрытыя ошибки; для того что Миллеръ въ помянутую заклятую диссертацію все выкралъ изъ Бейера; и ту ложъ, что за много лѣтъ напечатана въ комментаріяхъ, хотѣлъ возобновить въ учономъ свѣтѣ.

II.

1. Изъ Правительствующаго Сената указомъ требовано, чтобы перевесть Лифляндскія права. Подлинно что у насъ такихъ людей нѣтъ, да и я въ томъ не виноватъ; однако чтобы Правительствующему Сенату не показать никакой прикрости, совѣтовалъ я моимъ таварищамъ, чтобы по возможности что нибудь въ послушаніе сдѣлать. Но господинъ Таубертъ ускоривъ пошолъ въ оной въ Сенатъ съ отказомъ, гдѣ ему по справедливости учиненъ твердой выговоръ въ чувствительное нареканіе всей команды.

2. Всегда требуетъ росчоту о росходахъ Гимназическихъ и съ трудомъ получаю умѣренное число денегъ на Гимназію и Университетъ, не смотря на то, что подаются всегда исправные счоты въ надлежащее время и деньги употребляются съ бережью. А напротивъ того отъ новой типографіи, отъ библіотеки и отъ переплетной нѣтъ ни какихъ репортовъ для отчету и сколько я ихъ ни требовалъ,

ся въ тѣхъ съ нынѣшнимъ временемъ 1) На погорѣлыя палаты академическія по указу Правительствующаго Сената, чтобы ихъ починить, выдано отъ Статсъ-Конторы 23,089 руб. и сверхъ того изъ академической суммы употреблено около полутретьихъ тысячь. Однако и по сіе число съ лишкомъ въ полпята года оныя палаты несовершены за недостаткомъ денегъ, а имянно обсерваторія и шкапы для книгъ, о которыхъ должно упомянуть особливо. 2) Обсерваторію починкою достроить подрядились нѣмцы столяры Кинтъ и Бехеръ прошлаго 1759 года, обѣщаясь построить прежде позднаго осенняго времени. И хотя я противъ того въ Канцеляріи писменно протестовалъ 1) для излишней цѣны, 2) для позднаго времени, что лутче начать весною рано, а осеннее дѣло непрочно. Однако строеніе поздно начато и не совершено, не токмо той осени, но и въ цѣлое минувшее лѣто 1760 не поспѣло, такъ чтобы утвердить можно было инструменты для обсервацій. И все время тратится и деньги напрасно исходятъ на астрономовъ, на починки и на наемъ квартиръ. И какъ я подрядчика Кинта хотѣлъ за такую неисправность посадить подъ караулъ, то господинъ Таубертъ по знакомству съ ними исполнить того не велѣлъ 3) По моему представленію и проекту здѣланъ счотъ мною и архитекторомъ, во чтобы обошелся новой каменной корпусъ равной тому, въ которомъ теперь находится канцелярія и протчее. Сумма на то потребна до 17,000 рублевъ. И какъ то господинъ Таубертъ примѣтилъ, что починка погорѣвшаго корпуса многими тысячами дороже

обошлась, нежели на цѣлое строеніе немного меньшаго корпуса потребно. То онъ разсудилъ за благо не просить отъ Правительствующаго Сената прибавочной суммы на Библіотеку и Кунсткамеру, чтобы не потребовано было счоту о прежней суммѣ 23-хъ тысячь. И для того исходатайствовалъ себѣ ордеръ, чтобы положенную въ академическомъ штатѣ сумму на размноженіе Библіотеки и Кунсткамеры употребить на шкапы и протчее. И хотя я представлялъ, что и кромѣ того много употреблено суммы не на тѣ расходы, на которые опредѣлена Высочайшею Монаршескою милостію, и отъ того науки претерпѣваютъ упадокъ; однако не смотря на то чинитъ господинъ Таубертъ внѣ Канцеляріи подряды и выдаетъ на то деньги безъ общаго опредѣленія и ордеровъ. 4) На нововыстроенныхъ дворахъ Волкова и Лутковскаго дѣлаетъ оной Таубертъ всякія пристройки и перестройки безъ опредѣленія по своимъ прихотямъ и деньги выдаетъ казенныя безъ ордеровъ же канцелярскихъ.

7. При выдачѣ опредѣленныхъ на Гимназію денегъ всегда безъ притчины споритъ, только чтобы остановить какъ нибудь мои успѣхи, и не смотря иногда, что гимназисты обувью скудаются, опредѣленія подпискою продолжаетъ. Напротивъ того въ тоже время на другія совсемъ излишніе расходы выдаетъ деньги.

8. Стараясь всячески отвести отъ меня до наукъ принадлежащіе департаменты, нахально принялъ на себя дѣлать для Его Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича глобусъ и карты; и

чтобы себя рекомендовать, а мнѣ не дать въ смотрѣніи участія, далъ безъ вѣдома канцеляріи Трескоту готовую профессорскую квартѣру въ Боновскомъ домѣ, и не смотря на то, что жена и дѣти Трескотовы во фря...хъ, велѣлъ ему все на квартирѣ дѣлать. Однако оныя вещи ко Двору не приняты.

9. Мастеровыхъ людей господинъ Таубертъ заграбилъ подъ свое вѣденіе затѣмъ, чтобы дѣлать инструменты въ угожденіе нѣкоторымъ; а не для того чтобы профессоры могли пользоваться и дѣлать инструменты по своимъ изобрѣтеніямъ.

10. О профессорѣ Ботаники какихъ не дѣлалъ господинъ Таубертъ происковъ для своихъ прихотей. Спознавшись со студентомъ Кельрейтеромъ въ Тибингинѣ будучи и желая за него сестру свою выдать, призвалъ его Адьюнктомъ мимо Щепина, коего тогда нарочно перевели въ медицинскую канцелярію и чтобы Кельрейтеру дать не подостоинству профессорство ботаники, сперва присовѣтывалъ Гебенштрейту отправиться въ Германію для излеченія, а послѣ и остаться тамъ, истребовавъ отсюду абшидъ. Однако Кельрейтеръ еще сомнѣвается не лутчели домой ѣхать, нежели за себя взять дѣвку дурную, старую, безприданую.

11. Занявъ въ Академическомъ Волковскаго и Лутковскаго домѣ самъ лутчіе покои, на коштъ академической великолѣпно украшенные, роздалъ другіе по своему расположенію квартѣры; и переплетчикъ Розенбергъ имѣетъ столько простору, что мож-

но бы умѣстить хорошаго Профессора, которой терпитъ нужду переѣжжая по наемнымъ дорогимъ квартѣрамъ.

12. Въ реляціи о взятіи Берлина двѣ погрѣшности въ переводѣ на Нѣмецкомъ языкѣ съ Россійскаго, которыя его нерадѣніемъ здѣланы, касались до ущербу чести Россійскаго оружія, пропустилъ безъ слѣдованія, хотя при Дворѣ весьма негодовали и больше нежели за погрѣшность почитали. Напротивъ того Барсова арестовалъ Таубертъ за опечатку въ титулѣ нѣкотораго знатнаго господина.

Кромѣ этихъ избранныхъ изъ портфеля Ломоносова бумагъ, я надѣюсь издать и другія не менѣе любопытныя.

Всѣ эти бумаги, какъ черновыя и писанныя торопливо, заключаютъ въ себѣ неизбѣжно ошибки и описки; но я считалъ долгомъ не исправлять ничего, чтобъ не сдѣлать собственныхъ ошибокъ въ отношеніи правописанія времени Ломоносова.

А. Вельтманъ.

вступаетъ въ эту мертвую страну чуждый ей, изнѣженный природою своей родины иноземецъ; только обязанность гонитъ его впередъ и невольно возбуждаетъ ослабѣвшее мужество.» (5)

Это мертвыя степи. Онѣ лежатъ отъ Тихаго Океана, по всему протяженію Ледовитаго моря и Сѣвернаго Океана до Шведской Лапландіи, на шесть тысячь верстъ въ длину. Мѣстами перерѣзаны хребтами горъ мрачныхъ и разрушаемыхъ частыми непогодами и постоянно страшнымъ климатомъ. На западѣ, по сю сторону Урала, въ нихъ болѣе жизни: по нимъ кочуютъ бѣдныя бродячія племена, но тоска все еще подавляетъ не привыкшее чувство — и человѣкъ невольно сознается въ безсиліи оживить пустыни, нѣкогда цвѣтущія.

II.

СТЕПИ ОТЪ ДУНАЯ ДО ЗАБАЙКАЛЬЯ.

На противоположномъ рубежѣ Русскаго царства отъ Охотскаго моря до границъ съ Турціею, на протяженіи почти семи тысячь верстъ, другія степи прерываютъ хребты горъ Забайкальскаго края и стелются непрерывною широкою полосою отъ Енисея до береговъ Дуная.

Съ высотъ Алтая и Хамаръ-Дабана взоръ теряется въ пространствѣ Китайскихъ владѣній, въ глубинѣ степей средней Азіи, облегшихъ предѣлы Сибири.

Посреди горныхъ хребтовъ Забайкальскаго края, между рѣкъ Аргуна и Онона, лежатъ степи, обильныя пажитями. Зимою кочуютъ по нимъ Буряты и Тунгусы. Почва ихъ черноземная, плодоносная. Пашни неудобрены, но даютъ хлѣба иногда въ сорокъ разъ болѣе посѣва.

Отъ лѣваго берега Енисея до Иртыша идутъ степи Барабинскія, плодоносныя, богатыя водами и дичью, усѣянныя групами отдѣльныхъ деревъ — и страшныя трясинами, множествомъ комаровъ и мошекъ, отъ которыхъ привыкшіе жители тѣхъ мѣстъ ничѣмъ не могутъ спастися, кромѣ насмоленныхъ сѣтокъ, завѣшивая ими лица даже во время сельскихъ работъ.

Отъ лѣваго берега Иртыша по всей Омской линіи, чрезъ Тоболъ до горъ Уральскихъ, тянутся степи, которыя по рѣкѣ Ишиму называются Ишимскими. Онѣ плодоносны и богаты многими дарами природы.

На югъ отъ нихъ къ Каспійскому морю до р. Урала лежатъ обширныя равнины, изрытыя оврагами, ручьями и рѣчками, которыя, не протекая на далекое пространство, разливаются при своихъ устьяхъ озерами. Почва сихъ равнинъ плодородна, обильна сочными травами; мѣстами вздымаются по нимъ каменные холмы и горныя возвышености; мѣстами лежатъ пространства сыпучаго переноснаго песка. Это степи Киргизскія. Сотни тысячь народа, съ многочисленными стадами, находятъ здѣсь обильное продовольствіе; выгодное хлѣбопашество начинаетъ водво-

ряться; торговыя пути въ Хиву, Бухару, Коканъ и Индію лежатъ черезъ эти степи.

Отъ р. Урала чрезъ Волгу къ Дону стелются широкія степи Волжскія, Саратовскія, Астраханскія, Моздокскія, Терекскія и др. Сѣверная ихъ полоса занята селидьбами Уральскихъ Казаковъ, Русскими и Малороссійскими переселенцами, Нѣмецкими выходцами, частію поселеній войска Донскаго. По южной, вблизи устьевъ Волги, кочуютъ Калмыки, около Терека живутъ Русскіе и инородные поселенцы, а между Кубанью и Азовскимъ моремъ поселено войско Черноморское.

Отъ Дона къ берегамъ Дуная тянутся двѣ полосы степей: Сѣверная занята губерніею Полтавскою и частями Воронежской, Харьковской, Курской и Черниговской. Эта полоса составляетъ какъ-бы переходъ отъ внутреннихъ губерній Россіи къ чисто-степнымъ. Южная занята степями: Днѣпровскими, Херсонскими, Екатеринославскими, Азовскими, Крымскими, Ногайскими, Перекопскими и Буджакскими. Всѣ онѣ могутъ быть названы степями Южными или Новороссійскими.

Эти степи напояются рѣками, начавшими свою жизнь въ сердцѣ Россіи; прилегаютъ къ двумъ морямъ, оживляющимъ промышленность обширнаго края нашего отечества, быстро и сильно вызваны къ новой жизни, богаты воспоминаніями и памятниками, и могутъ быть для насъ знакомы скорѣе другихъ степей.

III.

южныя или новороссійскія степи.

Вѣрно понятія наши о степяхъ перешли съ Востока, вмѣстѣ съ фантастическими сказками, или переданы торговыми людьми, которымъ приводилось испытать бѣдствія пути по печальнымъ равнинамъ Азіи или Африки, гдѣ человѣкъ по цѣлымъ днямъ томится жаждою, гдѣ ураганъ, взметая волны песчанаго моря, топитъ въ нихъ караваны, и не рѣдко изъ нѣсколькихъ сотъ путешественниковъ не оставляетъ ни одного, который бы разсказалъ о гибели товарищей.

Нѣтъ, не таковы наши степи. Земля ихъ тучна, неистощима; живые пути торговли, величайшія рѣки Европы: Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ, Дунай, вмѣстѣ съ второстепенными рѣками и ручьями, напояютъ ихъ своими водами. Богатые лѣса идутъ по Самарѣ, Донцу, Днѣстру и по сѣверной полосѣ Херсонской Губерніи. Травы сочны, растительность богата и разнообразна; дичи и рыбы обиліе; климатъ благорастворенный; широкія равнины и луга, разнообразная ткань логовъ, скалистые овраги, гранитная полоса на протяженіи тысячи верстъ, два моря, сближающія насъ съ Европой и Азіей, обиліе каменнаго угля и алебастра, со всѣми сокровищами, перешедшими отъ великихъ переворотовъ земли, и, наконецъ памятники и прахъ народовъ, давно отжившихъ — вотъ достояніе Новороссійскихъ степей. (6)

Какъ часто среди степи, казалось, былъ я въ безпредѣльности неба и земли. Гляжу на небо—взоръ

тонетъ въ безконечной синѣвѣ: нѣтъ ни облака, только жаворонокъ распростерся въ воздухѣ и сыплетъ на землю звонкія пѣсни. Смотрю кругомъ себя, не на чемъ остановить взоры; развѣ на одинокомъ курганѣ, затаившемъ въ своемъ сердцѣ прахъ человѣка!...

Будто затихъ и не колыхнется цѣлый океанъ земли, и отливаетъ всѣми тѣнями цвѣтовъ и курится благоуханіемъ.... Но не вѣрьте тишинѣ этого океана: онъ кругомъ васъ колышется и, какъ волнами разбѣгается широкими логами и оврагами. Тамъ, по углубленіямъ, скалы выступаютъ изъ-за скалъ; тамъ бѣжитъ истомленный ручей, и по сторонамъ видны въ лѣсахъ остатки весенней воды; тамъ роскошно льется рѣка, дитя сѣвера, который питаетъ ее могучею грудью; тамъ обрывъ и поднялись уступомъ берега рѣкъ; тамъ раскидываются богатые луга и по островамъ синѣютъ лѣса.... Правда, не видно ни холма, ни пригорка, кромѣ могильныхъ насыпей; но возвышенности, которыя въ другихъ мѣстахъ разнообразятъ страну, какъ будто выступая изъ земли, замѣнены въ степяхъ разнообразіемъ углубленій. Виды другихъ странъ, какъ опрокинутые отражаются въ нихъ будто въ лонѣ водъ. Однѣ степи Перекопскія, Херсонскія и Буждакскія улеглись не колыхнувшись.

Человѣкъ не успѣлъ еще овладѣть степями. Обширныя пространства земли не воздѣланы, даже не заняты кочевыми стадами овецъ. Селенія тянутся болѣе по берегамъ большихъ рѣкъ, какъ по жизнен-

нымъ жиламъ страны; въ глубинѣ степей онѣ рѣдки и спустились въ удолья логовъ, къ ключамъ и колодцамъ.

Жилье человѣка сложено изъ камня, который былъ нѣкогда дномъ Океана, и слитъ изъ несмѣтнаго множества раковинъ, этихъ опустѣлыхъ жилищъ нѣкогда живаго міра; — теперь онъ скрытъ въ землѣ или выступаетъ скалами по глубокимъ оврагамъ. Заборы, около хатъ, сплетены изъ тростника или сложены изъ неровныхъ кусковъ того же сѣраго камня. На нихъ лежатъ клочки налетѣвшей соломы и сушатся груды сѣровато-чернаго кизяка. Подлѣ выступаетъ, спокойно — будто дома, дикій аистъ: гнѣздо его сплетено изъ прутьевъ и сухихъ травъ на кровлѣ хаты, и человѣкъ боится коснуться до него по какому-то необъяснимому повѣрью. * Такіе виды, поразительные для сѣвернаго жителя, своею дикостью и бѣдностію, почти нигдѣ не оживлены — ни садомъ, ни даже однимъ кустомъ зелени. Бѣдные начатки садовъ у колонистовъ и рѣдкихъ изъ нашихъ помѣщиковъ, грустно напоминаютъ пустыню. За то приднѣпровье и прибрежья другихъ большихъ рѣкъ обильны фруктовыми садами, оживлены зеленью дикихъ деревъ, и взоръ, утомленный однообразіемъ и пустынными видами степи, отрадно отдыхаетъ на темной зелени острововъ и на прохладной синѣвѣ Днѣпра, Дона, Буга, Днѣстра и Дуная.

* Его почитаютъ благодѣтельной для человѣка птицей; ибо аистъ истребляетъ змѣй и гадъ, употребляя ихъ въ пищу. Гнѣздо его на хатѣ предвѣщаетъ, по повѣрью, благополучіе.

Болѣе милліона людей живетъ на степяхъ отъ береговъ Дона до Дуная и пользуется ихъ дарами. Тяжелый плугъ силою осьми воловъ браздитъ нетронутыя равнины. Тысяча плотовъ и барокъ несутся по теченію рѣкъ съ избытками сѣвера и самихъ степей. Болѣе пятнадцати милліоновъ пудовъ хлѣба передается на чужеземные корабли за наличный капиталъ или за прозведенія ихъ земли. До двухъ милліоновъ тонкорунныхъ овецъ свободно бродятъ почти круглый годъ на равнинахъ, обильныхъ травами, и наводятъ мысль на огромные успѣхи и выводы промышленности. (7) Каждое мѣсто ожидаетъ человѣка, чтобъ вознаградить его трудъ, и вызываетъ къ смѣлости предпріятій. Пароходство по морямъ и рѣкамъ; разработка каменнаго угля и замѣнъ имъ дровъ въ безлѣсныхъ пустыняхъ; разведеніе лѣсовъ и садовъ; неисчерпаемые запасы соли; винодѣліе; обширныя рыбныя ловли; овцеводство; удобство заведенія лучшихъ лошадей и рогатаго скота; удобство и быстрота сообщеній; артезіанскіе колодцы — все это великія начала жизни степей, и все на первой ступени движенія, еще въ колыбели, еще далеко отъ прочнаго устройства и совершенствованія, еще далѣе отъ возможности правильной мануфактурной дѣятельности; но все преуспѣваетъ съ неимовѣрною быстротою, если только сообразить, что за сто лѣтъ среди этихъ пустынь, поросшихъ гагантскимъ бурьяномъ и застланныхъ ковылемъ, почти не было ни жилья, ни безопаснаго проѣзда; что даже въ царствованіе Анны Іоанновны онѣ назывались Татарскою стороною и наша порубежная оборони-

тельная линія шла къ Днѣпру чрезъ губерніи Харьковскую и Полтавскую. А теперь, въ вѣнцѣ городовъ, вспоенныхъ благомъ степей и моря, растутъ и красуются: Одесса, Таганрогъ, Керчь, Севастополь, и изъ рыбачьихъ лачугъ и сараевъ, въ три года возникъ Бердянксъ и выступилъ рядами каменныхъ зданій. [8] И не даромъ древніе народы приплывали къ этимъ пустынямъ, водворялись въ нихъ, и основанные ими города однимъ прахомъ возбуждаютъ въ насъ удивленіе и приковываютъ вниманіе.

Много приволья и простора жизни среди степей.

Я видѣлъ ихъ въ Мартѣ, предвозвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестію. Бѣлыя облака, какъ-то неспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись, то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснію. Рѣки въ разливѣ своемъ обхватили луга, до вершинъ деревъ залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновались по всѣмъ логамъ и оврагамъ Новая свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы, высокіе почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны.

Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался, смотря на Божій міръ, и радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланныя его трудомъ и богатыя будущею жатвою.

Я видѣлъ степи въ Маѣ. Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни цвѣтутъ и незримо выработываютъ зерно новой жизни, для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густотѣ травы. Природа погружена въ тайны жизни и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая.... Вѣрно въ это время поэтъ слышалъ, *какъ мотылекъ колыхался надъ травою, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы.*

Кажется, небо, упиваясь наслажденіемъ, едва переводитъ дыханіе, и цѣлый океанъ цвѣтовъ и зелени затихъ и курится благоуханіемъ.

Въ Сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили токи, и полное зерно обильно сыплется изъ-подъ цѣповъ и копытъ лошади. Увядающія травы желтѣютъ; однѣ бережно хранятъ сѣмя будущаго поколѣнія; другія открываютъ свои сокровищницы, и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія. Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травной глуши свою молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и слетаются въ стада.

Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ; утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ; день коротокъ; зари почти нѣтъ: близка южная осень.

По ноябрскому небу тяжело носятся сѣрыя облака. Земля смочена и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовію: едва проглянетъ и скроется на цѣлый день. Туманъ потопомъ разлился по окрестности. Травы увяли; новая зелень хлѣбовъ, среди угасающей жизни, наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; дрофы ходятъ огромными стадами; аисты сбираются на взморьѣ тысячами: одно стадо поджидаетъ другое, чтобъ было не такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину.

Жилье человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣе вьется сѣроватый дымъ; на токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ конскій; тяжелый плугъ снова бороздитъ ниву.

Генварь. Рѣки окованы уже льдомъ. Южныя степи забѣлѣлись какъ Сибирскія тундры. Съ Запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги; мятель бьетъ въ окно поселянина и, завывая, будто проситъ пріюта. Съ Востока набѣгаетъ ураганъ: съ свистомъ взметаетъ волны снѣга, своенравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметаетъ рвы и холмы. Вольный сынъ

степей—онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами Татаръ и Казаковъ; онъ хочетъ простора, а предъ нимъ жилье человѣка, запасы труда — и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собою, и утомленный бѣжитъ далѣе.... А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ.

Буря утихла; небо безоблочно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь миріады сверкающихъ пылинокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна, и подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другаго лѣта.

Я былъ въ степяхъ, и теперь онѣ будто передо мною. Душа полюбила ихъ безпредѣльность, ихъ равнины и лабиринтъ ихъ логовъ, и ребры рѣкъ-великановъ, и пустыню неба съ одинокимъ знойнымъ солнцемъ, и темную синеву неба среди ночи, съ яркими звѣздами; ихъ непробудную тишину, вихри, бури, миражи, ужасъ засухъ и метелей.

Какъ часто среди тишины нежданно, внезапно схватится вихрь и побѣжитъ по степи; то понесется прямо стрѣлою, то закрутится и обѣжитъ кругомъ васъ; сметаетъ сухія травы, срываетъ съ кровель тростникъ и солому, взвѣваетъ пыль; бѣжитъ, ростетъ, вздымается къ облакамъ—и вдругъ будто выбившись изъ силъ—роняетъ все, что захва-

тилъ на пути — и добыча безобразно сыплется на землю.

Бываетъ: въ ясный день, въ пустынной степи подымутся верхи церквей, колоколенъ, какихъ-то готическихъ зданій, окруженныя широкимъ разливомъ воды; тамъ озеро и по немъ острова, покрытые деревьями, тамъ бродятъ какія-то громадныя чудовища, тамъ море гонитъ свои синія волны.... приближаетесь, и все какъ очарованное удаляется отъ васъ; идете тихо—и зданія и воды отодвигаются медленно, скачете— и все бѣжитъ и измѣняется, а предъ вами таже пустыня неба и безводной степи и тѣже могильные курганы.

Не грядущую ли жизнь и благо степей прообразуютъ эти видѣнія?

Хорошъ видъ степныхъ пожаровъ; когда раннею весною выжигаютъ степи—огонь перебирается по травѣ, и сухой стебель то затлѣется, то вдругъ вспыхнетъ какъ свѣчка; пламя перебѣгаетъ, разливается; столбъ чернаго дыма встаетъ, ростетъ, и если огонь нашелъ преграду, отдѣлится отъ земли и свертываясь и развиваясь несется облакомъ. Опаленная земля, черна, какъ уголь; сухія травы сожжены; но не пройдетъ мѣсяца, и земля съ новою силою и свѣжестію убирается зеленью.

Напоминать ли о страшной годинѣ засухъ и голода? Какъ они были страшны въ степяхъ. Отъ невыносимыхъ жаровъ изсохли ручьи, изсякли источники; растресканная земля раскалилась; травы не доживши до лѣта засохли и помертвѣли; кругомъ

жилья не видно было запасовъ хлѣба; человѣкъ сталъ тихъ и унылъ; толпы работниковъ, зашедшихъ издалече, бѣжали на сѣверъ; стада овецъ и рогатаго скота блуждали и, не находя обычной пищи, ѣли камышъ и бурьянъ; даже соломенныя кровли хатъ служили для нихъ кормомъ, и въ ихъ ревѣ и мычаніи слышалось предчувствіе смерти.... Обезлюдѣло не одно селеніе, и теперь остатки разрушающихся домовъ въ опустѣлыхъ деревняхъ по Крымскимъ степямъ—тяжело напоминаютъ о страшной годинѣ.

Но какъ изобразить весь ужасъ и все очарованіе степей?

« Кто хочетъ понять поэта, пусть идетъ въ страну, гдѣ пѣлъ поэтъ. » *

Кто хочетъ постигнуть страну, пусть сживется съ природою страны.

Много было жизни среди этихъ степей, много приволья для кочевыхъ народовъ. Передвигавшись изъ одной части свѣта въ другую, они останавливались здѣсь; основывали свои кочевыя царства, вели тяжелыя войны съ Азіатскими и Европейскими Государствами; многіе занимались земледѣліемъ и сбывали избытокъ хлѣба Греческимъ торговцамъ; имѣли свои города и свои временныя и постояныя кладбища.

По взморью, чужеземцы устроивали города — и слава о нихъ доходила до отдаленныхъ странъ тогдашняго міра.

* Гете.

Но безпрерывныя войны, но враждебныя племена, выдвинутыя обстоятельствами или прихотью изъ степей средней Азіи, измѣняли или лучше устроивали обычный ходъ дѣлъ, заступали однѣ мѣсто другихъ, гнали побѣжденныхъ въ пустыни Сѣвера и въ ущелія сосѣднихъ горъ и въ даль Европы.

Такъ преходили племена, и измѣняя свое настоящее, измѣнялись сами, и шли по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія. Изъ праха ихъ жизни возникала жизнь новая, и посреди нашего настоящаго лежатъ грустные остатки ихъ городовъ; вездѣ видны слѣды жилья и повсюду разбросаны могильные курганы.

1838.

Вадимъ Пассекъ.

ПОѢЗДКА

ИЗЪ ИРКУТСКА ВЪ КЯХТУ

ЧРЕЗЪ БАЙКАЛЪ ИЛИ СВЯТОЕ МОРЕ. *

Путешественникъ, достигнувъ Иркутска, чувствуетъ непреодолимое желаніе посѣтить страны Далай-Ламы и Шамановъ, и ближе познакомиться съ Монгольскими кочующими племенами, столь страшными нѣкогда для Европы, и теперь такъ спокойно отправляющими обряды своего языческаго богослуженія, подъ скипетромъ Императора Всероссійскаго.

Отъ Иркутска до Кяхты считаютъ 550 верстъ. Лѣтомъ туда два пути: почтовою дорогою по теченію р. Ангары, вытекающей изъ Байкальскаго озера; отсюда на перевозномъ суднѣ черезъ Байкалъ, потомъ лѣвымъ берегомъ Селенги черезъ города Верхнеудинскъ и Селенгинскъ. Но должно замѣтить, что нерѣдко противные вѣтры затрудняютъ переѣздъ чрезъ озеро. ** Другая, транспортная дорога, окружая рукавъ Бай-

* Изъ книги: Wiedomosci o Syberyi ipodrroze wniej odbyte wlatach 1831, 1832, 1833, 1834. przez I. K. w. Warszawie 837.

** Устройство на Байкалѣ пароходовъ было бы по видимому выгодно для постояннаго перевоза Русскихъ и Китайскихъ товаровъ; потому что вѣтры здѣсь такъ сильны, что далеко загоняютъ суда

кала съ правой стороны, тянется черезъ хребетъ Хамаръ-Дабанъ. Правда, что она не ровна, но довольно выгодна и хорошо устроена. Въ Усть-Кяхтѣ, послѣдней станціи передъ Кяхтою, она соединяется съ первымъ трактомъ.

Зимою еще скорѣе можно проѣхать разстояніе отъ Иркутска до Кяхты, подвергаясь за то большимъ невыгодамъ и опасностямъ, отъ того что этотъ путь пролегаетъ по льдамъ быстрой Ангары, озера Байкальскаго, называемаго Св. Моремъ, и по р. Селенгѣ.

Отправившись по этой послѣдней дорогѣ, я выѣхалъ изъ Иркутска въ покойной повозкѣ 15 Генваря 1832 года въ 4 часа утра, при 27° мороза по Реомюрову термометру.

Блѣдный свѣтъ луны освѣщалъ дорогу. Въ небольшомъ разстояніи отъ города, мы спустились на Ангару, еще не вездѣ покрытую льдомъ. Теченія ея отсюда до Байкала будетъ верстъ шестьдесятъ. Она очень широка и такъ быстра, что покрываетъ своими струями ледъ, образующійся на ней; льдины кажутся выступающими изъ-подъ воды, и здѣшніе жители думаютъ, что ледъ подымается со дна рѣки. Вода въ ней чиста, но нездорова и безрыбна. Множество водопадовъ дѣлаютъ плаваніе по ней труднымъ и опаснымъ. Быстрота ея теченія 8 футовъ въ секунду.

Зная, что Ангара покрылась льдомъ только мѣстами, я находился съ безпрерывномъ опасеніи, тѣмъ бо-

отъ настоящаго направленія. Въ 1834 г. Генералъ-Губернаторъ Сулима во время поѣздки въ Забайкальскія страны, былъ занесенъ на перевозномъ суднѣ въ отдаленныя окрестности и много перенесъ трудовъ и опасностей прежде нежели доѣхалъ до Иркутска.

лѣе, что всѣ окружающіе предметы принимали ночью страшные, фантастическіе образы. Мнѣ хотѣлось разглядѣть дорогу въ окружавшемъ меня полусвѣтѣ и я безпрестанно протиралъ глаза, слипавшіеся отъ мороза́. Но знаніе дороги извощиками успокоиваетъ до такой степени, что путешественникъ перестаетъ бояться даже дѣйствительной опасности. Мой извощикъ, то придерживался одного берега, то въ мѣстахъ совершенно покрытыхъ льдомъ, переѣзжалъ на другую сторону, и такимъ образомъ выбиралъ лучшую и самую безопасную дорогу. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ озеру, тѣмъ болѣе тѣснились горы, оступившія Ангару, и поѣздка становилась все труднѣе и труднѣе. Сани едва помѣщались на замерзшемъ прибрежьи, опираясь о подножіе горъ и скалъ, которыхъ вершины висѣли надъ нашими головами, а съ другой стороны быстрыя клокочущія струи черной Ангары безпрестанно грозили намъ поглощеніемъ. За то какъ величественны были эти виды! Луна освѣщала снѣговыя горы и, отражая дрожащій свѣтъ о глыбы льда, повсюду выступающія изъ-подъ пѣнящихся водъ, производила на зрителя какое-то очаровательное впечатлѣніе; а противный берегъ, потонувшій въ сумракѣ, представлялъ зрѣнію черныя исполинскія массы горъ, которыя скрывали въ облакахъ свои бѣлыя снѣговыя вершины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога тянулась чрезъ просѣки акацій, которыя въ изобиліи растутъ по берегамъ Ангары. *

* Robinia Caragana, Сибирская акація — кустарникъ отъ 14—до 16 фут. вышины. Первобытное ея отечество есть Сибирь.

Оставивъ за собою нѣсколько станцій, мы проѣхали село Никольское, гдѣ устроенъ зимній портъ, для перевозныхъ Байкальскихъ судовъ, двухъ военныхъ и 23 купеческихъ, состоящій подъ вѣдомствомъ адмиралтейства, и наконецъ приблизились къ самому озеру, изливающему массы водъ Ангары. Видъ величественный, прелестный! Не смотря на рѣзкій вѣтеръ и жестокій морозъ, я съ любопытствомъ разсматривалъ окрестности. Изъ-подъ неподвижной плоскости замерзшаго Байкала, сквозь подножіе остроконечныхъ скалъ, упирающихся въ небо, прорывается черною, широкою лентою быстрая Ангара—и скрывается въ горахъ. Я сталъ на правомъ ея берегу, на самомъ поворотѣ высокой горы, гдѣ вода съ чрезвычайною силою вырывалась изъ-подъ гнетущихъ ее льдинъ моря. Пѣнящіяся струи ея разбивались о два огромныхъ гранита, выступившихъ со дна посреди ея русла; густой паръ подымался къ небу; милліоны дикихъ утокъ качались на опѣненныхъ волнахъ; Святое море, какъ огромное ледяное зеркало, отражало ослѣпительные лучи восходящаго солнца. Трудно было бы оторваться отъ этого зрѣлища, если бы климатъ не былъ такъ жестокъ.

Продолжая путь нашъ, мы ѣхали по берегу Байкала, перемѣнивъ лошадей на двухъ станціяхъ, устроенныхъ въ небольшихъ деревенькахъ, прелестныхъ по своему положенію у подноженія высокихъ горъ, обросшихъ густымъ ельникомъ. Здѣсь находится Тальзинская фаянсовая фабрика и стеклянный заводъ, основанный Профессоромъ Лакеманомъ въ 1784 году. Выдѣлываемыя на немъ зеркала и разная

стеклянная посуда отправляется въ Китай. Отъ послѣдней станціи, называемой Лиственичною, дорога перемѣнила направленіе и мы поѣхали поперегъ озера, которое здѣсь верстъ сорокъ въ ширину. Но не смотря на такое пространство, перспектива такъ обманчива, что возвышенности противоположнаго берега, казалось, были отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Я удивился, замѣтивъ, что въ сани положили желѣзный ломъ и нѣсколько дощечекъ; но эта предосторожность, какъ увидимъ, была необходима. На Байкалѣ господствуютъ два главные вѣтра: одинъ, какъ говорятъ, разламываетъ его льды, другой скрѣпляетъ; при вліяніи перваго ледъ часто трескается во всю длину озера и раскрываются большія разщелины: тогда путникъ полагается на одну расторопность и смѣлость извощика, и на быстроту его лошадей, которыя однимъ скачкомъ выносятъ изъ опасности. На наше несчастіе вѣтеръ былъ холодный и рѣзкій; отъ него не спасла меня ни теплая шуба, ни повозка со всѣми удобствами: меня какъ будто окунули въ холодную воду. Въ близи берега видны были гранитныя скалы, взгроможденныя надъ озеромъ и подъ ними въ полыньяхъ всплывали тюлени или такъ называемые Байкальскіе теленки; держась ластами о закраины льда, они дышали свѣжимъ воздухомъ. *

Ледъ на озерѣ отъ равнообразнаго замерзанія былъ гладокъ, какъ стекло, а сухой снѣгъ, взметаемый

* Байкальскіе теленки водятся здѣсь въ большомъ числѣ. Самка рождаетъ одного и кормитъ его грудью. Буряты убиваютъ ихъ стрѣлами съ берега. Они боязливы, скоры на бѣгу и спятъ крѣпко.

вѣтромъ, несся по его поверхности, представляя видъ песчаной степи. Бѣда путешественнику, или охотнику, который рѣшится въ такое время переходить черезъ Байкалъ: гонимый по льду ужасною мятелью, онъ съ величайшимъ усиліемъ достигаетъ береговъ озера. По этой причинѣ жители окрестныхъ странъ, отправляясь черезъ Байкалъ, не забываютъ запасаться топорами, и врубивши ихъ во время опасности въ ледъ, держутся за топорища, какъ за якорь спасенія.

Дорога наша была обсажена сосновыми вѣтками, воткнутыми въ ледъ. Тройка Бурятскихъ лошадей, заложенная въ сани, бѣжала скорою и ровною рысью, искры летѣли изъ-подъ копытъ и острая подкова не оставляла слѣда на льдахъ Байкала. Противоположный берегъ болѣе и болѣе приближался, и былъ такъ ясно видѣнъ, что можно было распознать деревню, монастырь, и за нимъ высокія горы и темныя лѣса. Выведенный изъ терпѣнія продолжительною и однообразною поѣздкой, и думая согрѣться ходьбою, я было хотѣлъ пройти пѣшкомъ это небольшое разстояніе; но отдаленность обманула меня, и извощикъ, улыбаясь, сказалъ: «еще 15 верстъ до берега, а этотъ вѣтеръ ничего добраго не предвѣщаетъ.» Дѣйствительно, слова его сбылись какъ предсказанія: не проѣхали мы и ста шаговъ, какъ вдругъ раздался громъ, длившійся нѣсколько секундъ подобно выстрѣлу съ сильной батареи и мы увидѣли передъ собою вдоль озера разщелины въ нѣсколько футовъ.... Казалось, гробъ отверзся передъ нами; но привыкнувшій къ подобнымъ явленіямъ ямщикъ, остановилъ по одаль лошадей, вынулъ желѣзный ломъ, сдвинулъ, гдѣ могъ,

глыбы льда, и положившись на быстроту лошадей, рѣшился, по обыкновенію, переѣхать черезъ разщелину: сѣлъ въ сани, перекрестился, пустилъ лошадей ровною рысью, потомъ вдругъ всталъ, крикнулъ, махнулъ плетью, какъ чародѣйскимъ жезломъ, и лошади, какъ пораженныя электрической искрой, понеслись во весь духъ, разомъ оперлись задними ногами о закраину и вмѣстѣ съ санями перенеслись чрезъ разщелину. Признаюсь, я закрылъ въ эту минуту глаза, затаилъ дыханіе и осмотрѣлся уже въ то время, когда лошади побѣжали ровною рысью, оставивъ далеко за собою опасную переправу.

Байкалъ на Бурятскомъ языкѣ означаетъ котловину огня. И въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣвъ внимательно окрестности, находимъ въ нихъ слѣды давняго землетресенія: вездѣ видны остывшіе волканы, гранитныя глыбы разорванныхъ скалъ окружаютъ озеро. Горы покрыты первобытнымъ снѣгомъ и среди ихъ лежитъ Байкалъ, какъ огромная котловина на тысячу верстъ въ длину и отъ сорока до полутороста въ ширину. Все это достаточно убѣждаетъ насъ въ причинѣ его образованія. Дно Святаго моря, чтимаго Бурятами, очень неровно: въ одномъ мѣстѣ недосягаемая глубина, и опущенный лотъ иногда въ 500 аршинахъ не находитъ земли, въ другихъ отмѣли препятствуютъ судоходству. Въ чистыхъ прѣсныхъ водахъ его видны здѣсь и тамъ затопленные лѣса, изъ которыхъ добываютъ множество окаменѣлостей; а туземные судовщики показываютъ источники горячихъ водъ и асфальта или жидовской смолы. Около двухъ сотъ большихъ и малыхъ рѣкъ несутъ дань

Святому морю. Главныя изъ нихъ: Селенга, Бургузинъ и верхняя Ангара. Изъ него вытекаетъ только одна собственно такъ называемая Ангара. При помощи этихъ рѣкъ легко бы можно устроить сообщенiе отъ Кяхты во всю длину Сибири.

Байкалъ обиленъ рыбою и довольствуетъ ею здѣшнихъ жителей. Въ Августѣ и Сентябрѣ ловятъ до десяти миллiоновъ штукъ разнаго рода: хайрузовъ, таймени, линей, ментусовъ, щукъ, окуней, сиговъ, осетровъ и стерлядей ловится до 1000 пудовъ.

Среди горъ, окружающихъ Байкалъ, высочайшая есть Хамаръ-Дабанъ, т. е. спино-ногъ.

На обширномъ озерѣ, или лучше на морѣ, находится множество островов. Изъ нихъ самый замѣчательный Ольхонъ, около 70 верстъ въ длину и слишкомъ 12 въ ширину. Здѣсь на песчаномъ грунтѣ растутъ роскошныя сосны, ели, лиственницы и березы. Сильные вѣтры, дующiе зимою, сносятъ снѣгъ съ песчаныхъ мѣстъ острова. Дикiе Буряты занимаются пастьбою скота, и подъ защитою скалистыхъ береговъ долго не знали власти чужеземцевъ; только въ 1646 году храбрый казацкiй пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ, съ ватагой изъ семидесяти пяти удальцовъ, пустился по Байкалу и покорилъ островитянъ. Но увѣнчанный здѣсь побѣдой, отважный Ивановъ былъ не столько счастливъ въ войнѣ съ туземцами, обитающими при верхней Ангарѣ, и съ большимъ урономъ скрылся на островѣ Верхнеленскомъ,

При сѣверномъ мысѣ Ольхона возвышается шаманскiй камень, которому островитяне приносятъ

жертву. Кажется, что одна только дикость мѣста могла побудить грубое понятіе къ созданію здѣсь храма божеству. На вершинѣ скалы видны развалины молельни; островитяне утверждаютъ, что здѣсь стоитъ желѣзный треножникъ, съ котломъ Чинхизхана, и въ немъ варится лошадиная голова. Теперь на этой скалѣ возносится знаменіе христіанской вѣры — крестъ Господень. Буряты язычники сносятъ къ шаманскому камню мѣдныя и серебряныя монеты, собольи и лисьи мѣха, и другія вещи. Сосновый лѣсъ вблизи кумирьни почитается священнымъ, и никто не смѣетъ коснуться сѣкирою до дерева, или убить водящихся здѣсь во множествѣ лосей, лисицъ и дикихъ утокъ, для которыхъ здѣсь много приволья и защиты отъ вѣтровъ. На этомъ святомъ камнѣ островитяне давали другъ другу важныя клятвы. Въ небольшомъ разстояніи отъ него находятся развалины крѣпости, разрушенной въ незапамятныя времена. Окрестные жители увѣряютъ, что въ ней имѣлъ пребываніе величайшій человѣкъ въ мірѣ: не Чингисъ-ханъ ли?

Проѣзжая далѣе, мы наконецъ остановились на второй станціи за Байкаломъ въ селѣ Посольскомъ, расположенномъ на берегу Селенги. Зная мѣсто это по исторіи, я посѣтилъ, во время перепряжки лошадей, могилы Россійскихъ пословъ, которые пали здѣсь жертвой вѣроломства Бурятовъ, и дали этому мѣсту настоящее его названіе.

Былъ я также въ древнемъ монастырѣ, выстроенномъ въ 1651 г. при Царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Кельи монаховъ клонятся къ разрушенію; часовня и цер-

ковь каменная; все окружено довольно высокою стѣною. Въ небольшомъ разстояніи отъ монастырской ограды, видны семь пригорковъ: это могилы убитыхъ пословъ.

Древняя исторія Забайкальскихъ народовъ, и начало ихъ, покрыты мракомъ неизвѣстности до XIV вѣка. Только въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Московскій уроженецъ, Похабовъ, отправился за Байкалъ, гдѣ въ то время владычествовалъ надъ этою страною, обильною драгоцѣнными металлами, Ханъ Цецини. Желаніе услужить своему Государю доставило отважному Россіянину средства къ сближенію съ ханомъ, который, бывши нѣсколько просвѣщеннѣе своихъ подданныхъ, гостепріимно принялъ промышленнаго чужеземца и замѣтивъ въ немъ высокое образованіе, довѣрялъ его совѣтамъ. Смѣтливый Похабовъ расчелъ, какъ могутъ быть выгодны для Россіи сношенія съ Бурятами, и постоянно стремясь къ предположенной цѣли, описывалъ хану силу, могущество, величіе и богатство своего Монарха, и наконецъ уговорилъ его отправить въ Москву пословъ, которые и прибыли туда въ 1648 году. Царь принялъ ихъ ласково, и въ доказательство своей пріязни отправилъ къ Монгольскому хану посольство подъ начальствомъ Іерофея Заболоцкаго, сына знатнаго Боярина. Послы, твердо увѣренные въ святости народнаго права и неприкосновенности ихъ сана, переправившись черезъ Байкалъ, остановились на скалѣ, называемой теперь Посольской, въ ожиданіи гостепріимнаго и торжественнаго пріема; но вмѣсто того, толпы дикихъ Бурятъ неожиданно напали на нихъ и умертвили всѣхъ

безъ исключенія. Трупы несчастныхъ долгое время лежали не погребенными на берегу Святаго моря. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь соорудилъ монастырь въ память своихъ вѣрныхъ подданныхъ и щедро надѣлилъ его рыбными ловлями, которыя составляютъ здѣсь величайшее богатство. Этотъ монастырь называется Посольскимъ.

Въ селѣ Посольскомъ при монастырѣ считается до 20 дворовъ. Прежде была здѣсь школа для обученія Бурятскому и Монгольскому языкамъ, устроенная въ монастырскихъ зданіяхъ; теперь она соединена съ главнымъ училищемъ въ Иркутскѣ.

Въ дальнемъ странствованіи до самой Кяхты запрягали намъ на каждой станціи тройку лошадей, которыми управлялъ Бурятъ—это дивное твореніе въ образѣ человѣка: изъ-подъ остроконечной шапки изъ волчьихъ шкуръ, спускается длинная черная коса; маленькіе черные глаза блестятъ какъ два горящіе въ темнотѣ угля; широкое плоское и отвратительно смуглое лице, обезображено рѣдкою бородою; рѣдкіе усы торчатъ во всѣ стороны. Одежда его таже, какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ: шуба вывернута шерстью вверхъ; у пояса ножъ и маленькая трубка страннаго вида. Погоняя лошадей, онъ безпрестанно кричитъ: чу! чу!...

Буряты смѣло управляютъ лошадьми; на всѣхъ станціяхъ ожидаютъ путешественниковъ и очень дешево берутъ за провозъ.

Выѣхавши изъ села Посольскаго, мы тотчасъ спустились на покрытую льдомъ Селенгу, и по ней, какъ по гладкому шоссе, будемъ продолжать нашъ

путь до самой Усть-Кяхты, слишкомъ четыреста верстъ. Эта рѣка вытекаетъ изъ Китайской Монголіи; вся судоходна; изобилуетъ рыбою, особенно омулями, которыхъ иногда въ одинъ разъ вытаскиваютъ до ста тысячь. Ширина и глубина рѣки значительны; вода чиста; берега и острова служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ Бурятъ и Монголовъ. Лѣтомъ, набережные луга наполнены безчисленнымъ множествомъ верблюдовъ, лошадей и овецъ. Здѣсь же встрѣчаете много старообрядческихъ селеній; въ нихъ учреждены почтовыя станціи. Путь рѣкою Селенгою занимателенъ и разнообразенъ. Лошади неслись съ чрезвычайною быстротою, такъ что едва можно было примѣтить мелькавшіе предметы. Въ одномъ мѣстѣ нависнувшія скалы, казалось, то грозили путнику неизбѣжною смертію, то защищали его отъ вліянія суровой атмосферы; въ другомъ были видны юрты Бурятовъ, раскинутыя по долинѣ, окруженной горами. У прибрежныхъ прорубей тѣснились стада овецъ и маленькихъ Бурятскихъ лошадей, отыскивая водопоя въ чистыхъ струяхъ Селенги; среди ихъ, подобно великанамъ, возвышались верблюды, прикрытые войлоками для защиты отъ непогодъ.

Проѣзжая мимо обитаемыхъ острововъ, слышенъ былъ далеко раздававшійся по ледяной равнинѣ лай большихъ черныхъ бурятскихъ собакъ, охранявшихъ входъ въ избы мирныхъ жителей. Природа скупая во многихъ мѣстахъ, щедро излила дары на страны зайбайкальскія. Горы покрыты величественными лѣсами кедра, лиственницы, сосны, ели и березы; въ ихъ нѣдрахъ сокрыты неизчерпаемыя богатства ме-

талловъ и драгоцѣнныхъ камней; не достаетъ только рукъ, чтобъ извлечь эти сокровища. Лѣса наполнены разнаго рода звѣрями: лосями, сернами, волками, лисицами, зайцами, медвѣдями и др. Обильная жатва хлѣба вознаграждаетъ труды земледѣльца, прелестная растительность украшаетъ луга — эти превосходныя пастьбища для многочисленныхъ стадъ, которыя составляютъ дѣйствительное богатство кочующихъ народовъ.

Ночь простерла свою завѣсу надъ берегами Селенги; наша повозка быстро неслась по ледяной дорогѣ; звонъ почтоваго колокольчика неумолкаемо раздавался въ ушахъ; вмѣсто унылой пѣсни русскаго извощика, слышался только тоскливый крикъ Бурята: чу! чу!... Дикость и угрюмость страны, ломка подъ копытами лошадей верхняго слоя льда, образовавшагося отъ разлива рѣки, темнота ночи — все это наводитъ на путешественника невольную, даже не неосновательную боязнь, потому что разливы простирались иногда на нѣсколько верстъ, полыньи шли по теченію рѣки и среди ихъ безднъ клокотали волны. Однѣ вѣхи, укрѣпленныя здѣсь и тамъ, предостерегали отъ опасностей; но Бурятъ, зная безошибочно дорогу, не смотря на мракъ ночи, искусно объѣзжаетъ опасныя мѣста, въ чемъ ему не мало пособляетъ инстинктъ лошадей. Впрочемъ такая увѣренность не избавляетъ путника отъ безпокойства, и я, проѣхавши 195 верстъ отъ Байкала, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился ночевать въ городѣ Верхнеудинскѣ. О, какъ сладко благословитъ гостепріимство послѣ утомительнвй и опасной поѣздки, и найти

удобный и теплый прiютъ: я испыталъ это! Одинъ изъ богатыхъ здѣшнихъ купцовъ сдѣлалъ мнѣ прiемъ выше моихъ ожиданiй. Каменный двухъэтажный домъ, выстроенный со вкусомъ и хорошо меблированный, былъ назначенъ къ моимъ услугамъ: почтенный хозяинъ не зналъ мѣры своему радушiю. Но не смотря на это, усталость, воспоминанiе о минувшихъ опасностяхъ, разливъ рѣки и прибрежныя скалы грезились мнѣ на яву, а голосъ Бурята и звонъ почтоваго колокольчика безпрестанно раздавались въ ушахъ и не давали покоя.

На другой день я осматривалъ городъ и, къ немалому удивленiю, нашелъ въ немъ зданiя красивыя и совсѣми удобствами, что придавало городу наружность европейскаго заселенiя, хотя онъ удаленъ отъ Урала слишкомъ на три съ половиною тысячи верстъ. Рѣка Уда впадаетъ здѣсь въ Селенгу, и вмѣстѣ съ нею окружаетъ городъ съ одной стороны, а съ другой возвышаются надъ нимъ горы, покрытыя лѣсами. Лѣтомъ мѣстоположенiе Верхнеудинска очаровательно. Окрестности его можно назвать забайкальскимъ раемъ: цвѣты испещряютъ луга и горы, нивы даютъ богатые плоды, множество дичины водится въ лѣсахъ, однимъ словомъ, все необходимое для жизни достается здѣсь почти даромъ. Пудъ лучшей говядины стоитъ не болѣе рубля; торговыя площади наполнены Бурятами и Тунгусами, которые приносятъ на продажу плоды своей промышленности; каменныя лавки, построенныя въ центрѣ города, завалены разными товарами, купцы богаты и ведутъ значительную торговлю съ Китаемъ

и забайкальскими народами. * Въ сорока пяти верстахъ отъ Верхнеудинска лежитъ колонія Торбагтай на очаровательномъ мѣстоположеніи; жители Русскіе,. переселенные старообрядцы, ** честные люди, живутъ въ изобиліи и отличаются необыкновенною опрятностію. Хозяйство ихъ можно сравнить только съ лучшимъ хозяйствомъ нѣмецкихъ поселянъ. Здѣсь считаютъ во сто десяти домахъ болѣе 700 душъ. Двѣ порядочныя часовни служатъ старовѣрамъ мѣстами ихъ богослуженія.

Продолжая путешествіе по Селенгѣ, мы проѣхали мимо такъ называемой Разбойничьей горы, потому, что въ ея окрестностяхъ, въ страшной густотѣ лѣса, скрывалась долгое время шайка разбойниковъ, которые грабили проѣзжихъ. Теперь, по истребленіи злодѣевъ, не только въ этихъ мѣстахъ, но и по всей вообще Сибири можно странствовать, не опасаясь никакихъ нападеній.

Чрезъ нѣсколько станцій остановились мы въ бѣдномъ городкѣ Селенгинскѣ, отстоящемъ отъ Верхне-

* Южная часть Иркутской Губерніи есть самая плодоносная страна. Во время неурожая доставляется сюда изъ Томской Губерніи до 200,000 четвертей хлѣба. Майоръ Селенгинскаго полка Чечулинъ первый засѣялъ здѣсь кавказскую пшеницу. Старанія его увѣнчались успѣхомъ и по прошествіи менѣе нежели десяти лѣтъ она такъ размножилась въ забайкальскомъ краѣ, что со 100 десятинъ, засѣваемыхъ тогда въ Верхнеудинскомъ округѣ, довольствовалась вся Иркутская Губернія.

** Въ 1765 г. 40,000 старообрядцевъ повелѣно выселить изъ Россіи въ Сибирь. Въ Тобольскѣ устроено изъ нихъ два полка: Томскій и Селенгинскій Оставшихся затѣмъ поселили одну половину на Иртышѣ, а другую за Байкаломъ.

удинска во сто верстахъ. Хотя онъ расположенъ по другую сторону главной дороги въ Кяхту, однако въ немъ не видно ни благоустройства, ни достатка: это, кажется, происходитъ отъ того, что городъ часто бываетъ опустошаемъ сильнымъ разлитіемъ рѣки Селенги. По этой причинѣ попечительное правительство предположило перенести Селенгинскъ на противоположный берегъ, по которому идетъ главная сухопутная дорога, и который гораздо выше и безопаснѣе противоположнаго.

Селенгинскій арсеналъ украшенъ нѣсколькими десятками знаменъ старинныхъ Сибирскихъ полковъ, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько орудій, примѣчательныхъ по своей древности и необыкновенному устройству, каковы напр. бронзовыя гаубицы, большаго калибра, называемыя скретными. Въ окрестностяхъ городка есть соловарни. Въ Селенгинскихъ озерахъ добываютъ глауберову соль (sal mirabilis glauberi). Озеръ считаютъ пять: четыре малыя, а пятое большое и самое прибыльное; поверхность его покрыта на 4—12 вершковъ горькою солью, которую Буряты называютъ *гунджиръ;* подъ нею лежитъ до 3 вершковъ толщины иловатая почва, а еще глубже находится еще слой сухой кристаллизованной чистой глауберовой соли, отъ двухъ до двѣнадцати вершковъ толщины.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Селенгинска на противоположномъ берегу рѣки, видны два обширные деревянные дома, обнесенные стѣною и застроенные разными службами. Кто бы угадалъ, что здѣсь, среди кочевья Бурятъ, живутъ два Англійскіе миссіонера и

проповѣдуютъ Евангеліе! Ни безмѣрная отдаленность отъ мѣста родины, ни малые успѣхи въ проповѣдываніи слова Божія не отвращаютъ отъ предположенной цѣли добродѣтельныхъ мужей, посвятившихъ себя на душевное спасеніе дикихъ Бурятъ. Миссіонеры, почтенные и ученые люди, кончившіе воспитаніе въ Эдимбургскомъ университетѣ, имѣютъ небольшую библіотеку, много медикаментовъ, которые раздаются равно и Русскимъ и Бурятамъ. За то эти люди пользуются у всѣхъ особеннымъ уваженіемъ. Одинъ изъ нихъ переводитъ псалмы Давида на Бурятскій языкъ. Иногда они оставляютъ свое жилище на долгое время, отправляясь въ самыя отдаленныя страны для проповѣдыванія Евангелія Харинскимъ племенамъ, кочующимъ за Яблоновыми горами. До двадцати Бурятскихъ дѣвушекъ учатся въ миссіонерскомъ домѣ у трудолюбивыхъ и добрыхъ Англичанъ искуству плести корзинки. Миссіонеры живутъ здѣсь съ своими семействами. Не смотря на ихъ старанія, на усердную заботливость Грекороссійскихъ пастырей и нѣсколько церквей, устроенныхъ въ городахъ и селеніяхъ, кочующіе Буряты, живя въ сосѣдствѣ съ Тунгузами и Монголами, охотнѣе предаются всѣмъ чародѣйскимъ суевѣріямъ шамановъ или вѣрѣ Ламайской, нежели откровенію, и только немногіе обратились въ Христіанскую вѣру. Подобно всѣмъ Азіатцамъ, они предпочитаютъ язычество, которое болѣе соотвѣтствуетъ ихъ кочевому образу жизни. Большая часть Бурятъ, особенно изъ числа племенъ обитающихъ на границахъ Китайской Монголіи, слѣдуютъ исповѣданію Далай-Ламы, имѣютъ своего *Хамбу* или начальника, и, по ихъ

словамъ, главу Ламъ, который живетъ въ храмѣ Гунъ-геляхъ; этотъ храмъ окруженъ главными кумирнями и лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Селенгинска, въ сторону. Дорога къ нему пролегаетъ по степи, обнаженной отъ снѣга, и очень дурна и утомительна, а природа наводитъ на путешественника грусть и уныніе. Только восемь верстъ по Гусиному озеру, названному такъ отъ многочисленныхъ стадъ гусей, можно ѣхать скоро. Близь озера много плетушекъ для ловли рыбы. Буряты называютъ ихъ *Морды*.

Отъ Гусинаго озера до жилья *Хамбы* считается только 5-ть верстъ. Не далеко отъ озера поставленъ сооруженный рукою человѣка гранитный столбъ, 14 футовъ вышиною, съ рѣзнымъ человѣческимъ изображеніемъ на верху, но безъ признаковъ пола. На бокахъ столба, кажется, были какія-то украшенія, но онѣ почти совсѣмъ изглажены давностію времени. Исторія и преданія не сообщаютъ намъ никакихъ извѣстій объ этомъ памятникѣ, который свидѣтельствуетъ о пребываніи здѣсь какого нибудь неизвѣстнаго и можетъ быть несуществующаго уже народа.

На разстояніи пяти верстъ отъ Гусинаго озера начинаютъ показываться юрты, а за ними у подножія высокихъ горъ расположены кумирни Бурятъ въ видѣ павильоновъ съ остроконечными крышами, на которыхъ вырѣзано неискусною рукою пламя въ чашахъ, называемыхъ *Ганджиръ*. Одна только главная кумирня покрыта бѣлою жестью, съ подобными же украшеніями. Вблизи этихъ святилищъ

разбросаны здѣсь и тамъ маленькіе домики, выкрашенные красною краскою; они назначены для помѣщенія Ламъ, которыхъ такъ много, что безъ сомнѣнія, на пять Бурятъ придется по одному Ламѣ. Кельи устроены безъ всякихъ удобствъ; вмѣсто стеколъ вставлены въ окна широкіе куски слюды. Каменный полъ нагрѣвается снизу; царствующая здѣсь темнота и уныніе могутъ быть дѣйствительнымъ изображеніемъ строгаго монашескаго образа жизни. Но домъ, предназначаемый для Хамбы, гораздо выгоднѣе: большую его часть занимаетъ домовая молельня, украшенная портретами Императорской Фамиліи, сдѣланными довольно неискусно. Настоящее жилище начальника религіи нѣсколько отдалено. Имя нынѣшняго Хамбы: Данзинъ-Кованъ-Ишимтямцуевъ; онъ находится подъ вѣдомствомъ Далай-Ламы Гингена, который живетъ въ Китайской Монголіи и, по мнѣнію суевѣрныхъ Бурятъ, безсмертенъ. Данзинъ-Кованъ-Ишимтямцуевъ гигантскаго роста и необыкновенно толстъ. Онъ былъ одѣтъ въ запачканный мѣховой халатъ, покрытый матеріею апельсиннаго цвѣта и опоясанъ по животу; голова была обрита; онъ сидѣлъ на землѣ поджавши ноги по Азіатскому обычаю и облокотясь на низменный диванъ, на которомъ лежали разной величины подушки; близь него были поставлены: тазъ и серебряная табакерка. Замѣтно, что онъ любилъ нюхать тобакъ, потому что очень часто открывалъ табакерку. Отъ ужасной толщины онъ сопѣлъ безъ милосердія. Ламы носятъ одежду краснаго цвѣта.

Всѣ Бурятскіе священнослужители, какъ начальники, такъ и Ламы, вообще не имѣютъ женъ, но для порядка въ хозяйствѣ держатъ ключницъ, которыя часто встрѣчаются съ связками ключей у пояса. Впрочемъ въ домѣ у Хамбы все было въ большомъ безпорядкѣ: шубы, войлоки, шапки, шляпы валялись въ разныхъ мѣстахъ, на оловянной тарелкѣ были огромныя кости; запачканный чайникъ лежалъ на боку; кое гдѣ валялись развернутыя, измятыя и истертыя книги; однимъ словомъ все говорило о кочевой жизни начальника Ламъ, даже въ собственныхъ его покояхъ. Однако домовая молельня заслуживаетъ особаго описанія. Г. Мартосъ, посѣтившій эти мѣста, разспрашивалъ черезъ переводчика отдѣльно о всякомъ предметѣ, и вотъ результатъ собранныхъ имъ свѣдѣній. Молельня имѣетъ въ длину около десяти футовъ и состоитъ изъ двухъ ярусовъ; въ верхнемъ поставлена предъ бурханомъ жертвенная посуда. Главный идолъ сдѣланъ изъ мѣди въ сидячемъ положеніи съ поджатыми ногами и держитъ въ рукахъ чашу: его называютъ *Шакья-муни*. Другая статуя одинаковой величины изображаетъ женщину и называется *Дарохе*: это мать всѣхъ боговъ, которыхъ, по словамъ верховнаго жреца, безчисленное множество. Идолы стоятъ въ деревянныхъ ящикахъ простой грубой работы. Богомольцы приносятъ имъ дары. *Яндарь* или жертвенникъ Бурятскихъ идоловъ стоитъ въ этой же молельнѣ; здѣсь же помѣщены небольшіе металлическіе сосуды; нѣкоторые изъ нихъ наполнены водою, другіе хлѣбными зернами, въ нѣкоторыхъ горитъ масло. Кромѣ того

зажигаютъ тонкія свѣчи, изъ Китайскаго пахучаго растенія *арци*. Воду въ сосудахъ перемѣняютъ ежедневно.

Буряты очень преданы своей религіи, охотно украшаютъ кумировъ разными добровольными дарами, плетеными сѣтками, особенно занавѣсками, развѣшенными на желѣзныхъ прутьяхъ и состоящими изъ разныхъ длинныхъ кусковъ шелковыхъ матерій, преимущественно полосатыхъ. За ними видны идолы. Желтая матерія, повѣшенная въ самой серединѣ, называется *Цалянъ хадахъ*, а другая близь нее, пестрая, называется *Кипъ*. Всѣ эти куски матерій или пояса, накатанные вмѣстѣ, составляютъ цилиндръ, который называютъ *Джань-цинь*.

Между завѣсою и идоломъ виситъ на черномъ снуркѣ круглое стекло въ полтора вершка въ поперечникѣ, подъ нимъ стеклянная банка: все это называется *таликъ* и служитъ для отраженія сіянія отъ горящихъ предъ идоломъ свѣчей. Въ нижней части жертвенника лежатъ кадильницы и мѣдныя тарелки—*сельнямъ;* въ нихъ ударяютъ во время моленія. Первое мѣсто между принадлежностями богослуженія занимаетъ *хурду*, т. е. хранилище, заключающее въ себѣ всѣ религіозныя пѣсни и молитвы, напечатанныя на длинной вершковъ въ 5 шириною бумагѣ, наверченной на цилиндрѣ. Хранилище это или ковчегъ имѣетъ видъ осмиугольнаго фонаря, вертится на желѣзномъ прутѣ, какъ на оси, и помѣщено по правую сторону молельни близь самыхъ подушекъ, на которыхъ сидитъ Хамба. Оно украшено зелеными и желтыми полосами съ рисованными изображе-

ніями разныхъ звѣрей, въ особенности слона и лошади; изображеніями костяныхъ трубъ, въ которыя трубятъ во время моленія; фигурами рыбъ, различными сосудами, наполненными творогомъ и молокомъ; разными цвѣтами, лечебными травами; зеркалами; изображеніемъ золотаго цвѣтка, называемаго *ирдыни*, который прообразуетъ вѣчность; множествомъ шелковыхъ матерій и наконецъ людей въ различныхъ положеніяхъ. Образъ человѣка означаетъ небеса. Шесть поясовъ находятся на *хурду;* изъ нихъ второй, третій, четвертый и шестой украшены исчисленными изображеніями, первый и пятый содержатъ однѣ только молитвы.

Въ назначенные часы, верховный жрецъ, ни сколько не измѣняя своего положенія, вертитъ хурду, что очень удобно, и въ тоже время перебираетъ другою рукою четки, въ которыхъ сто бѣлыхъ костяныхъ шариковъ и три желѣзныхъ. По окончаніи молитвы ставятъ ящикъ, въ которомъ хранятся духовныя книги. Ламы въ своихъ юртахъ держатъ въ рукѣ небольшой серебряный хурду, въ которомъ цилиндръ оклеенъ молитвою, состоящею изъ нѣсколькихъ только словъ, и безпрестанно оборачиваютъ его. Оборачиваніе этой молитвы служитъ вмѣсто громкаго ея произношенія, и чѣмъ кто чаще прочитываетъ въ своей жизни эту молитву, тѣмъ онъ ближе къ спасенію: такъ увѣряютъ Ламы.

Для умноженія пріятностей жизни, или можетъ быть для дорогоцѣнныхъ воспоминаній о первоначальномъ своемъ кочеваніи, Хамба часто переходитъ въ отдѣльное свое жилище. И этотъ повелитель нѣ-

скольких сотъ Ламъ, верховный жрецъ языческихъ народовъ, обитающихъ отъ Байкала до Китайской Имперіи, и отъ хребта Яблоновыхъ горъ до горъ Тункинскихъ, не стыдится своей родной юрты, обтянутой войлоками и лошадиными кожами. Подлѣ небольшаго деревяннаго домика, торжественнаго жилища Хамбы, разбиты двѣ большія юрты: одна назначенная для его слугъ, другая служитъ любимымъ его мѣстопребываніемъ. Въ ней соединено все, что только можетъ привести ему на память обычаи кочевой жизни и протекшей молодости. Она похожа на соломенный улій и обита внутри войлоками. Въ ней безпрестанно горитъ огонь; для дыма сдѣлано отверзтіе въ верху, которое прикрывается войлокомъ; двери завѣшиваются полостію. *Яндарь* занимаетъ первое мѣсто въ этой юртѣ; по лѣвую сторону помѣщено *хурду*; сундуки поставлены одинъ на другомъ; подлѣ стѣнъ лежатъ подушки, и вся юрта отличается отъ юрты кочующаго владѣльца однимъ дощатымъ поломъ. Хамба живетъ въ пяти верстахъ отъ главныхъ кумирень, владѣетъ множествомъ овецъ, лошадей и верблюдовъ, которые гордо подымали свои головы на звукъ почтоваго колокольчика; Бурятскія лошади свыклись съ ними, но Русскія боятся и, фыркая, бросаются въ сторону.

Правила Далай-Ламы основаны на добродѣтели и любви боговъ. Христіанинъ пораженъ какимъ-то соединеніемъ таинствъ Вѣтхаго Завѣта съ Вѣрою Спасителя, искаженною множествомъ самыхъ нелѣпыхъ языческихъ обрядовъ. Молитвы и пословицы Бурятъ исполнены чистою нравственностію и высокою

добродѣтелію. Сочиненія ихъ писаны на Монгольскомъ языкѣ; напечатаны, кажется, вырѣзенными на деревѣ буквами, которыя очень ровны и красивы; бумага украшена по концамъ искусными арабесками. Подобную бумагу нарочно заготовляютъ для Бурятъ на большой Иркутской фабрикѣ, потому что она непремѣнно должна имѣть на себѣ разныя буквы и священныя изображенія, безъ чего не можетъ быть употреблена на книги.

При Гусиномъ озерѣ находится одиннадцать кумирень; изъ ихъ десять построены въ равномъ другъ отъ друга разстояніи и составляютъ четвероугольникъ, въ центрѣ котораго находится главный храмъ, съ четырмя башнями по бокамъ и съ одною на самомъ зданіи, что очень украшаетъ цѣлость зданій. Пять крылецъ ведутъ въ сѣни главнаго храма, въ двадцать квадратныхъ аршинъ пространства. Первый предметъ, поражающій зрителя, есть большое *хурду*, обвѣшенное шелковыми поясами *Джань-цань*; а на верху его укрѣплены колокольчики, которые при поворотѣ хурду издаютъ пріятный звукъ. Набожный Бурятъ ревностно хлопочетъ о чести оборачивать собственною рукою *Джань-цань*.

Входъ въ святыню охраняютъ два уродливые звѣря, выдѣланные долотомъ: на правой сторонѣ бѣлый левъ, съ разверзтою пастью, на лѣвой страшный тигръ; подъ ними висятъ кожи: рысьи, волчьи, медвѣжьи и жеребячьи; еще выше кольчуги, ружья, бердыши, луки, стрѣлы, палаши, копья и другіе

воинскіе снаряды; два распушенные Китайскіе вѣера прибиты надъ дверьми; стѣны сѣней украшены тремя изображеніями идоловъ, называемыхъ *Михоранзи*, среди пламени и змѣй. У одного изъ нихъ лице зеленое, у другаго черное; одинъ держитъ обоюду острый мечь, другой играетъ на инструментѣ, сходномъ съ Русскою балалайкою. Съ правой стороны льва видѣнъ рисунокъ грубой работы. Все украшеніе сѣней изображаетъ, кажется, религіозныя наказанія, и потому, можетъ быть, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ какую нибудь связь съ Библейскимъ потопомъ.

Внутри храма, хотя всѣ предметы, представившіяся нашему зрѣнію, сдѣланы безъ всякаго искуства, вкуса и соотвѣтствія; но здѣсь царствуетъ какая-то угрюмая святость, которая вѣрно имѣетъ большое вліяніе на духъ суевѣрнаго Бурята. Одинъ храмъ безъ сѣней занимаетъ 80 футовъ въ длину и 44 въ ширину; колонны поставлены въ четыре ряда и поддерживаютъ тяжелую часть верхняго строенія; два окна слабо освѣщаютъ залу; между колоннами столько развѣшано шелковыхъ матерій, что, желая приблизиться къ главному жертвеннику или алтарю, должно идти нагнувши голову. Колонны или столбы выкрашены красною краскою; въ промежуткахъ съ верху видны рѣзныя изображенія боговъ (*нашыръталовой*), отъ которыхъ ниспадаютъ отъ каждаго по три шелковыхъ платка съ кистями; на скамьяхъ, поставленныхъ между колоннами и обитыхъ войлоками, могутъ садиться во время богослуженія одни Ламы; а народъ стоитъ на дворѣ и только по окончаніи службы желающіе подходятъ къ идоламъ для

полученія отъ жреца благословенія. Въ срединѣ храма въ самомъ узкомъ ходѣ къ алтарю всего болѣе замѣчателенъ *шухуръ* или десять разноцвѣтныхъ шелковыхъ поясовъ, свернутыхъ въ видѣ цилиндра; за нимъ на шесть футовъ ближе къ истукану привѣшены по обѣимъ сторонамъ колоннъ девять колокольчиковъ и фонарь въ деревянныхъ рамахъ *хонъгоо;* это мѣсто предназначено для *Хамбы* и старшихъ Ламъ. Верховный жрецъ сидитъ въ креслахъ по лѣвую сторону близь самаго алтаря; передъ нимъ поставленъ небольшой столъ, на которомъ находится мѣдный колокольчикъ; противъ него съ правой стороны имѣетъ мѣсто *ширетуй* или второй изъ старшихъ жрецовъ; прочіе же: *Сарфый*, *Засыкъ-шензава*, *Унзытъ*, *Даа* и *Лянсу*, располагаются на той сторонѣ, гдѣ и Хамба, а простые Ламы, которыхъ здѣсь болѣе 250, садятся по старшинству на скамьяхъ. Свита главныхъ жрецовъ и служители кумиренъ называются *Хубораки*. Яндарь, т. е. алтарь или жертвенникъ, токого же точно вида, какъ описанный въ домовой моленьнѣ *Хамбы*, только гораздо въ большемъ размѣрѣ. Инструменты, на которыхъ играютъ во время моленія, суть: трубы, мѣдные колокольчики, китайскіе янчары, бубны, мѣдныя тарелки, что-то похожее на волторны, бубенчики и кобзы или бандуры; трубы очень длинны, состоятъ изъ пяти или шести колѣнъ и украшены, какъ и колокольчики, довольно искусною рѣзьбою.

Трудно описать дѣйствіе, какое производитъ эта нестройная музыка при отголоскѣ пѣсней или, правильнѣе, криковъ нѣсколькихъ тысячь Бурятъ, собрав-

шихся во время чествованія праздниствъ *бѣлаго мѣсяца!* Хамба и Ламы читаютъ книги и по сложеніи ихъ предъ идоломъ, верховный жрецъ благословляеть стекшійся народъ. Есть еще особенная кумирня, выстроенная въ уединенномъ мѣстѣ и посвященная зеленой лошади, — и этому истукану, какъ и прочимъ, приносятъ дары и предъ нимъ также зажигаютъ свѣчи изъ благоухающихъ травъ *арцы*. Зеленая лошадь сдѣлана изъ дерева въ гигантскомъ размѣрѣ и движется на колесахъ, невольно приводя на память покореніе Трои. На лошади Русскій хомутъ, сѣдло и чапракъ изъ волосяной матеріи; грива и хвостъ сплетены изъ зеленой шерсти, къ сѣдлу утверждена какая-то деревянная сквозная фигурка, похожая на кардинальную шапочку; къ подножію придѣланы, вѣроятно, для прочности, двѣ подпорки, выкрашенныя зеленою краскою и обвитыя цвѣтами: онѣ поддерживаютъ лошадь близь хомута. По лѣвой сторонѣ стоятъ Русскія сани, называемыя роспусками, нѣсколько побольше обыкновенныхъ; на нихъ во время процессіи ставятъ мѣдный истуканъ *Иадиръ*. Эти повозки выкрашены также зеленою краскою. Въ углахъ кумирни находятся девять небольшихъ знаменъ на красныхъ древкахъ, обтянутыхъ чехлами: онѣ употребляются для приданія большей пышности религіознымъ обрядамъ.

У Бурятъ, поклонниковъ Далай-ламайской вѣры, есть еще боги низшаго разряда, подвѣдомственные старшимъ. Пенатовъ или своихъ домашнихъ боговъ они называютъ *Онгонами* и *Иргекинами*, и увѣряютъ, что *Тенгери-бурханъ* или самъ творецъ раздѣлилъ

между ними владычество надъ свѣтомъ, назначивъ каждому особенный удѣлъ. Почти у каждаго Бурята въ его юртѣ виситъ кожаный мѣшокъ, въ которомъ покоятся его пенаты. Изображенія этихъ идоловъ или вырѣзаны изъ дерева вышиною въ 5 вершковъ, или сдѣланы изъ войлока, а нѣкоторыя изъ набитыхъ бараньихъ шкуръ, съ ногами, хвостомъ и человѣческими лицами. Если Бурятъ, положась на покровительство своихъ пенатовъ, будетъ обманутъ въ надеждѣ, или неуспѣшно выполнитъ свое предпамѣреніе, тогда онъ высыпаетъ ихъ изъ мѣшка, хватаетъ несчастнаго барана, сѣчетъ безъ милосердія лозой, приговаривая иногда ругательства на русскомъ языкѣ: «чортъ, дьяволъ, каторжный» и проч. Напротивъ, если Бурятъ доволенъ своими пенатами, то вытаскиваетъ снова бѣднаго барана, мажетъ ему губы смятаной и, вложивши въ мѣшокъ, вѣшаетъ его съ величайшимъ равнодушіемъ на прежнее мѣсто.

Удостовѣрясь на дѣлѣ въ справедливости всего слышаннаго мною о вѣрѣ Бурятовъ, что мнѣ казалось сначала совершенною сказкой, я спѣшилъ возвратиться въ Селенгинскъ, чтобы какъ можно скорѣе проѣхать оставшіяся до Кяхты болѣе 100 верстъ, и поспѣть къ китайскому празднику *бѣлаго мѣсяца*.

Дорога до Усть-Кяхты не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго, кромѣ одного значительнаго Бурятскаго лекаря. Слава Гальцинъ-Сахина гремитъ вездѣ въ странахъ Забайкальскихъ; его совѣтамъ и декохтамъ приписываютъ чудесныя дѣйствія. Многіе богатые русскіе купцы были его паціентами; я зналъ

даже одну благородную даму въ Иркутскѣ, которая, со времени выхода замужъ, семь разъ имѣла преждевременныя роды, и когда самые искусные доктора не могли освободить ее отъ этой болѣзни, тогда посовѣтовали ей взять нашего Бурята. Онъ не задумался, составилъ ей какое-то лекарство, которое подѣйствовало съ такимъ успѣхомъ, что у прежней больной теперь семь здоровыхъ дѣтей. Все искуство этого доктора основывается на открытіи, въ теченіи долгаго времени, спасительныхъ дѣйствій травъ и кореньевъ. Онъ вылечиваетъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ всякаго рода воспаленія, и если вѣрить разсказамъ, то и начало чахотки. Китайцы хвалятся, что имъ издавна извѣстна тайна леченія послѣдней болѣзни, и что средства ихъ въ этомъ случаѣ безошибочны.

Въ Усть-Кяхтѣ я видѣлъ Бурятскій полкъ, которымъ предводительствовалъ уже не страшный Чингисханъ и не достопочтенный Дымбыта-Тайша, владѣлецъ нѣсколькихъ поколѣній; но ѣхавшій верхомъ на Бурятскомъ аргамакѣ Иркутскій Губернаторъ, которому могущественный Монархъ ввѣрилъ управленіе этой части Азіи. Онъ ежегодно пріѣзжаетъ на это время въ Усть-Кяхту и въ другія мѣста Забайкальскихъ странъ, для раздачи наградъ, которыя Всемилостивѣйше жалуетъ Государь Императоръ вѣрноподданнымъ своимъ Бурятамъ, а также для выслушанія ихъ жалобъ, претензій и просьбъ; для оказанія имъ справедливости; для сформированія изъ среды ихъ иррегулярныхъ козачьихъ полковъ; для составленія списковъ ново-

браннымъ, и для увольненія въ отставку выслуживших срокп. Страненъ для зрителя видъ этой Бурятской кавалеріи, выступающей изъ-подъ разноцвѣтныхъ круглыхъ палатокъ, обшитыхъ мѣхомъ; черныя косы воиновъ придаютъ имъ еще болѣе странности и какого-то исключительнаго отличія отъ всего, что мы видѣли въ этомъ родѣ. На каждомъ воинѣ накинутъ плащь или бурка, то длинная, то короткая изъ рысьяго или другаго мѣха, шерстью вверхъ. Оружіе ихъ составляютъ: лукъ, колчанъ съ стрѣлами, сабля и пика. Изъ старшихъ почти всѣ украшены золотыми медалями; нѣкоторые носятъ черное атласное платье; многіе пользуются военными чинами и имѣютъ сабли съ серебряными темляками. Этотъ Бурятско-казачій полкъ состоитъ изъ пяти сотъ всадниковъ; имѣетъ свои собственныя знамена, и несетъ службу въ здѣшнихъ мѣстахъ. Во время смотра и ученія поданы были Губернатору и намъ, бывшимъ въ его свитѣ, славныя Бурятскія лошади въ рысьихъ чапракахъ, съ Бурятскими сѣдлами, которыя, такъ какъ и уздечки, были густо усажены серебряными бляхами. Губернаторъ командовалъ самъ, и по данному имъ знаку всѣ разлетѣлись какъ пчелы; крикъ, безпорядокъ, замѣшательство, превзошли всякое ожиданіе; не было никакой возможности удержать ихъ въ порядкѣ; никто не достигъ мѣста своего назначенія. Устройство и обученіе ихъ чему нибудь требовали необыкновеннаго терпѣнія и хладнокровія, которыми отличался Губернаторъ, и онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть при окончаніи смотра, продолжавшагося довольно

долго, что Буряты, старавшіеся выполнять его приказанія по мѣрѣ своихъ силъ и понятій, казалось, находили удовольствіе въ своихъ маневрахъ. Всѣ они очень любятъ пріѣзжающаго къ нимъ начальника и торжественно празднуютъ время его пребыванія. При выѣздѣ его въ Кяхту, обыкновенно толпы всадниковъ окружаютъ его экипажъ, стрѣляютъ изъ пушекъ, разставленныхъ по возвышенностямъ, махаютъ знаменами съ громкими кликами радости. Пріятно смотрѣть на этотъ полудикій вооруженный народъ, испытывающій благодѣяніе кроткаго правительства и почитающій Государя Императора въ особѣ его намѣстниковъ.

Въ селѣ Усть-Кяхтѣ, послѣдней станціи предъ Кяхтой, проѣзжающіе обыкновенно берутъ вмѣсто саней экипажъ на колесахъ, потому что постоянно дующіе въ этой сторонѣ вѣтры сметаютъ снѣгъ съ песчаныхъ мѣстъ, и санной путь пропадаетъ. Дорога до Кяхты въ эту пору года показалась мнѣ довольно пріятна, хотя мы ѣхали не такъ скоро, какъ прежде. Множество любопытныхъ предметовъ попадалось намъ на встрѣчу: старшіе и простые Ламы отправлялись многочисленными партіями въ Кяхту, толпы бѣдныхъ и богатыхъ Бурятъ верхомъ и пѣшкомъ поспѣшали туда же; иные для торговыхъ оборотовъ, а большая часть на праздникъ *бѣлаго мѣсяца*. Земли, прилегающія къ дорогѣ, показались мнѣ обработанными; сосновые небольшіе лѣса, совершенно обнаженные холмы, и засыпанныя снѣгомъ впадины, разнообразили окрестные виды. Наконецъ мы

пріѣхали въ Кяхту, и я не-хотя очутился въ семи тысячахъ верстахъ отъ роднаго пепелища.

КЯХТА.

Кяхта есть главное мѣсто торговли Россіи съ Китаемъ, лежитъ въ обширной песчаной долинѣ на границѣ съ Китайскою Монголіею. Основана въ то время, когда эти великія Государства открыли между собою первыя торговыя сношенія. Кяхта довольно значительный городъ, какъ увидимъ ниже; состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, а именно: Троицко-Савской крѣпости, получившей названіе отъ р. Савы. Она была нѣкогда сильною крѣпостію, но теперь видны только слѣды прежнихъ укрѣпленій, и есть небольшой арсеналъ. Эта часть города соединяется съ другою, которая называется собственно Кяхтою. Въ разстояніи четырехъ верстъ отсюда находится небольшое, но порядочное мѣстечко—*нижняя плотина* или торговая слобода, гдѣ живутъ купцы и коммиссіонеры, ведущіе торгъ съ Китаемъ. Здѣсь у нихъ прекрасные дома, магазины и обширные амбары или кладовыя для складки товаровъ. Длинная, высокая, крашеная ограда съ большими воротами, увѣнчанными гербомъ Россійской Имперіи, служитъ границею со стороны Китая. По лѣвой сторонѣ воротъ, въ каменномъ домѣ, живетъ таможенный окружный надзиратель, а на правой находятся гоуптвахта и караульня. Не далѣе 300 шаговъ за этими воротами лежитъ Китайское селеніе *Маймачы*.

Кяхта съ Троицко-Савскою крѣпостію находится, какъ было замѣчено, среди песчаной долины, окруженной небольшими возвышенностями. Небольшой источникъ, который вымерзаетъ зимою и высыхаетъ лѣтомъ, не доставляетъ жителямъ необходимѣйшей стихіи — воды, которую достаютъ верстъ за 15-ть отсюда.

Три каменныя церкви, каменные купеческіе магазины и лавки, и 474 деревянныхъ дома составляютъ всѣ зданія Кяхты. Жителей считаютъ около 4500, вмѣстѣ съ гарнизономъ, состоящимъ изъ пѣхоты, небольшаго отряда артиллеріи, казаковъ и таможенной стражи. Россія содержитъ незначительныя военныя силы на границахъ Китая, потому что въ случаѣ даже непріязненныхъ дѣйствій со стороны Китайцевъ достаточно небольшаго количества войскъ для отраженія ихъ нападеній и для успѣшныхъ наступательныхъ движеній, какъ это было доказано при осадѣ Китайцами Албазинскаго острога. «Въ 1683 г. Китайцы начали приготовляться къ войнѣ. Русское правительство, узнавъ о семъ, прислало въ Албазинъ надежнаго начальника, Алексѣя Толбузина, который прибылъ туда въ Іюнѣ 1684. Черезъ годъ послѣ сего Китайцы въ числѣ 14 или 15000, при 150 пушкахъ, осадили Албазинъ, въ которомъ гарнизонъ состоялъ только изъ 450 человѣкъ, при 9-ти пушкахъ, и острогъ укрѣпленъ былъ худо. Китайскій воевода потребовалъ сдачи и, не получивъ отвѣта, началъ канонаду. Храбрый Толбузинъ принялъ намѣреніе обороняться до крайности, надѣясь получить помощь изъ Нерчинска; но надежда его осталась

тщетною. Въ первые дни осажденные лишились слишкомъ 100 человѣкъ; деревянныя укрѣпленія недѣлю стояли противъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ; наконецъ не стало ни пороху, ни свинцу; всѣ жители просили воеводу начать переговоры о сдачѣ, съ условіемъ свободнаго пропуска въ Нерчинскъ. Китайцы уговаривали сперва Русскихъ переселиться на ихъ сторону: не более 25 человѣкъ согласились на это; всѣ прочіе, гнушаясь предложеніемъ, отправились въ отчизну подъ предводительствомъ Толбузина, бывъ однако же лишены непріятелемъ всего имущества, кромѣ запаса, нужнаго для прохода до Нерчинска. Нерчинскій воевода Власовъ, видя несправедливость Китайцевъ и жалѣя о важномъ уронѣ, началъ помышлять о возвращеніи потеряннаго. Получивъ свѣдѣнія, что Китайцы сожгли Албазинъ и всѣ тамошнія Русскія селенія; но хлѣбъ въ полѣ оставили невредимымъ, онъ отправилъ туда опять Толбузина, подчинивъ ему Полковника Бейтона съ 200 человѣкъ военныхъ; къ сему отряду присоединились многіе изъ бывшихъ Албазинскихъ жителей, что все вообще составило 671 человѣка, при 5 мѣдныхъ и 5 чугунныхъ пушкахъ. Толбузинъ пришелъ на мѣсто въ слѣдствіе приказанія Власова, сперва сжалъ хлѣбъ, а потомъ заложилъ (25 Сент.) вновь Албазинъ на старомъ мѣстѣ, укрѣпивъ его землянымъ валомъ. Китайцы, узнавъ объ этомъ, начали сперва безпокоить жителей, а потомъ (7 Іюня 1686) явились подъ Албазиномъ въ числѣ 7000 человѣкъ съ 40 пушками, а въ Албазинѣ было не болѣе 736 человѣкъ. Перваго Сентября сдѣлали они приступъ, но были отбиты съ

большимъ съ ихъ стороны урономъ. Въ продолженіи сей осады цынготныя и другія болѣзни истребили Албазинскій гарнизонъ до того, что въ исходѣ Ноября оставалось онаго не болѣе 150 человѣкъ; но величайшее для Албазинцевъ несчастіе состояло въ томъ, что мужественный начальникъ ихъ Толбузинъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Мѣсто его занялъ Бейтонъ, который искуствомъ своимъ и храбростію умѣлъ уничтожить всѣ непріятельскія покушенія; наконецъ Китайцы, видя свою неудачу, перемѣнили осаду на блокаду, а въ началѣ Мая 1687 сняли и эту, отступивъ на 4 версты отъ города. Они были такъ учтивы, что предложили Бейтону прислать своихъ лекарей для пользованія больныхъ, если только объявятъ имъ число оныхъ. Храбрый Полковникъ, благодаря ихъ за это, отвѣчалъ, что не имѣетъ нужды въ лекаряхъ, ибо всѣ люди его въ самомъ лучшемъ здоровьи, а для доказательства, что у него и съѣстныхъ припасовъ много, прислалъ главному Китайскому воеводѣ пирогъ, вѣсомъ въ пудъ, который и принятъ отъ него съ благодарностію. Вскорѣ послѣ сего Русское правительство, желая прекратить несогласія съ Китайцами, назначило для сего Окольничаго Θедора Алексѣевича Головина. Пекинскій дворъ, узнавъ о семъ, послалъ къ осаждавшему Албазинъ войску приказъ возвратиться на прежнія свои мѣста, что и было исполнено 30 Августа 1687 года. Головинъ, по прибытіи на мѣсто, началъ сношенія съ Китайскимъ правительствомъ, слѣдствіемъ коихъ было то, что мѣстомъ конгресса былъ назначенъ городъ Нерчинскъ, куда прибыли и Ки-

тайскіе уполномоченные. По заключенному тутъ 27 Ав. 1689 года мирному трактату, между прочимъ Албазинъ уступленъ Китайцамъ, которые раззорили его до основанія. » *

Значительнѣйшею особою въ Кяхтѣ считается Директоръ пограничной таможни, безъ вѣдома котораго не могутъ быть заключены никакія торговыя сношенія между здѣшними купцами и Китайцами. Китайцы очень уважаютъ его. На обѣдахъ у Директора во время табельныхъ праздниковъ часто видите богатыхъ Китайскихъ купцовъ, со вкусомъ распивающихъ шампанское.

Во время пребыванія моего въ Кяхтѣ находилась здѣсь миссія, возвращающаяся изъ Пекина. Разсказы нѣкоторымъ ея членовъ о Китайскихъ обычаяхъ очень любопытны. Миссіонеры, во время пребыванія въ Китаѣ, носили Китайское платье и приплетенныя длинныя косы; точно въ такомъ видѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои портреты, написанные славнымъ художникомъ, членомъ миссіи, имѣвшимъ счастіе снимать портретъ съ Богдыхана. Правительство тщательно избрало просвѣщенныхъ и способныхъ мужей для порученія имъ столь важнаго дѣла, какимъ намъ кажется собраніе статистическихъ и географическихъ свѣдѣній о сосѣдственномъ государствѣ. Астрономъ, ботаникъ, минералогъ, топографъ, хирургъ, докторъ и филологъ, даже въ самыхъ Китайцахъ возбудили величайшее уваженіе къ своимъ познаніямъ. Докторъ В.* вылечилъ отъ тяжкой и опасной болѣзни наслѣдника престола. Въ благодарность ученому

* Энцикл. Лекс. т. 1.

иностранцу, Богдыханъ приказалъ помѣстить въ своемъ Сенатѣ таблицу съ подробнымъ описаніемъ болѣзни и чудеснаго ея излеченія. О. Кавалевскій, ПрофессоръКазанскагоУниверситета, снискалъ благорасположеніе Пекинскаго Хутухты, начальника придворнаго духовенства. Его святѣйшество, предъ которымъ тысячи Монголовъ падаютъ ницъ, принималъ ученаго Европейца въ кабинетѣ, устроенномъ по Европейски. Святой мужъ дружески разговаривалъ съ Кавалевскимъ, и въ доказательство высокой своей пріязни подарилъ ему святую книгу, писанную на Монгольскомъ языкѣ собственною рукою Хутухты. Духовенство Забайкальскихъ кумирень, узнавши объ оказанной ученому Профессору чести, старалось получить отъ него благословеніе, и самъ Хамба объявилъ, что душа Монгольскаго племени перешла въ него; назвалъ его своимъ братомъ и вручилъ ему дипломъ на это достоинство. Буряты очень удивляются, какъ можетъ иностранецъ въ такомъ совершенствѣ знать ихъ языкъ, вѣру и обычаи. Тотчасъ по пріѣздѣ его въ Кяхту, Ламы начали собираться со всѣхъ сторонъ, чтобы получить отъ него благословеніе и удостоиться прикоснуться къ священной книгѣ. Нѣкоторые изъ нихъ предложили ему даже дары, состоящіе изъ маленькой статуйки Бурхана, густо вызолоченной, и изъ небольшаго серебрянаго хурду. Почти невѣроятно, чтобы Европеецъ могъ превратиться въ такого отличнаго Монгола.... *

Орестъ Евецкій.

* Кавалевскій нѣсколько лѣтъ жилъ среди Забайкальскихъ кочующихъ народовъ.

КІЕВСКІЯ

ЗЛАТЫЯ ВРАТА.

Отъ Неводницкой пристани до дальнаго края Подолья, на пространствѣ семи верстъ, раскинулся Кіевъ. То подымется бѣлыми хатами и крѣпостными окопами на крутые уступы горы; то выстроится по нагорнымъ полянамъ широкими и красивыми улицами домовъ; то перекинется чрезъ глубокіе овраги, пойдетъ въ степи и, вспомнивши свой родимый Днѣпръ, снова тѣснится къ нему и снова сбѣгаетъ, по крутизнѣ горы, къ его широкому лону. Въ немъ слились три города: *Печерскій*, *Старый* и *Подолье;* это три живые памятника его славной и бѣдственной жизни. И всѣ они, рисуясь въ воображеніи, какъ будто на картинѣ художника, такъ живо выступаютъ съ своими торжественными храмами, и внушаютъ такое благоговѣніе, какого не сильны произвесть ни самые храмы нашей Москвы. На всѣхъ ихъ такъ еще замѣтны слѣды недавнихъ усилій человѣка, всѣ они, не взирая на прекрасное устройство, какъ будто не докончены, какъ будто

съ каждымъ годомъ мужаютъ, красуются, и снова вызываютъ былую красоту и величіе Кіева. Но среди новаго и недовершеннаго устройства, невольно замѣчаете остатки минувшей жизни; среди новыхъ зданій видите развалины зданій древнихъ; подъ кирпичными надстройками соборовъ и монастырей виденъ или неправильно, но прочно положенный гранитъ, или мраморныя колонны, уцѣлѣвшія отъ вѣковъ прошедшихъ; подлѣ новой живописи подъемлются колоссальныя изображенія святыхъ, выложенные Греческимъ мозаикомъ; рядомъ съ недостроеннымъ храмомъ или домомъ обломки колоннъ, карнизовъ и груды щебня.... Кажется, что сквозь новую картину Кіева, сквозь ея живыя цвѣты и тѣни проступаетъ другая полуисчезнувшая картина общественной жизни, какъ будто время, всесильный художникъ, рисуетъ на обвѣтшаломъ полотнѣ, живитъ и сильнѣе скрѣпляетъ его своею работою.

И неужели новорожденный вѣкъ становится на развалинахъ прошедшаго вѣка? Неужели настоящій Кіевъ стоитъ на прахѣ древняго Кіева и не слитъ съ нимъ судьбою, не оживленъ его прежнею жизнію? Къ сожалѣнію, почти всѣ храмы, всѣ укрѣпленія, воздвигнутыя нашими Князьями, или погибли, или остались полуразрушенными, или передѣланы и поновлены, и въ народѣ сохранились только древнія названія *урочищь* и память о нашихъ *первыхъ Князьяхъ:* о Владимірѣ, Ярославѣ, о прежней жизни и славѣ Кіева. Жизнь въ народѣ не умерла, но правильное развитіе жизни было надолго прервано бѣдствіями; между настоящимъ и прошедшимъ втѣсни-

лись иноплеменники и вызвали другую жизнь, другое устройство. Одна Печерская обитель, какъ краеугольный камень и вѣчный свидѣтель нашей преданности къ вѣрѣ, навсегда пребыла вѣрною Православію. Даже въ нашествіе Татаръ, во времена этого потопа, сокрушившаго полміра, даже во времена страшныхъ, неутомимыхъ гоненій отъ Уніятовъ и цѣлой Польши, она уцѣлѣла и не преставала существовать ни на одинъ день. А Кіевъ, разрушенный, обращенный въ прахъ и пепелъ, долго былъ безводною пустынею, и его жители или погибли или бѣжали, и скрывались въ лѣсахъ и городахъ. «Тоска разливалась по Русской землѣ, печаль какъ потокъ покрывала ее.... и на поляхъ не оратая голосъ былъ слышенъ; но карканье врановъ, дѣлившихъ бездушные трупы.» (1)

Благословленный до своего рожденія, какъ говоритъ преданье, святымъ Апостоломъ, Кіевъ основанъ слишкомъ за тысячу лѣтъ до нашего времени. Первымъ зерномъ его было мѣсто, гдѣ теперь красуется на крутомъ уступѣ горы соборъ Андрея Первозваннаго. Съ сѣвера и юга, оно замыкалось двумя оврагами; съ запада доходило за Десятинную церковь, и теперь еще замѣтны здѣсь остатки древнихъ валовъ. Это отдѣленіе называется теперь *Андреевскимъ*. При Ярославѣ предѣлы города раздвинулись далеко по нагорной части. Одолѣвши Святополка, онъ, по сказанію лѣтописца, заложилъ городскую стѣну и церковь св. Софіи; но новый успѣхъ Святополка, съ помощію Польскаго Короля Болеслава великаго, лишилъ его Кіева и не далъ окончить нача-

таго дѣла. Только въ 1037 году опредѣленно говорится объ окончаніи городской стѣны и Софійскаго собора. Эта стѣна примыкала двумя концами къ древнему Кіеву и обнимала широкое поле, почти отъ нынѣшнихъ развалинъ Десятинной церкви, до развалинъ *Златыхъ вратъ*. Весь городъ, съ древнимъ Андреевскимъ отдѣленіемъ, занималъ пространство болѣе четырехъ верстъ въ окружности и былъ въ длину отъ Днѣпровской стороны къ западу болѣе версты, и въ ширину около версты. Лучшими зданіями древняго Кіева, во времена Ярослава, были: Десятинная церковь, сооруженная святымъ Владиміромъ; церковь трехъ Святителей, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна; Софійскій соборъ, сооруженный Ярославомъ; монастырь св. Ирины, церковь святаго Георгія и *Златыя врата*, находившіяся на западной сторонѣ Ярославовой стѣны. Онѣ были обиты вызолоченными листами, а надъ ними возвышалась церковь Благовѣщенія съ вызолоченнымъ куполомъ. Таковъ былъ Кіевъ за 800 лѣтъ до нашего времени, въ одинъ изъ первыхъ вѣковъ исторической жизни нашего отечества.

Остальныя части нынѣшняго Кіева, *Печерская* и *Подолье*, были также населены, хотя еще не причислялись къ городу. На югъ отъ Андреевскаго отдѣленія, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже существовалъ Михайловскій монастырь. Въ Печерской части, покрытой лѣсомъ, были селенія, и взгорье служило убѣжищемъ для первыхъ нашихъ христіанъ, уединявшихся въ пещерахъ. Подолье было многолюдно и извѣстно какъ торговое мѣсто.

Время Ярославово было лучшимъ временемъ силы и красоты Кіева. Его великолѣпіе изумляло нашихъ соотечественниковъ. Посолъ Германскаго Императора Генриха II, посѣтившій Кіевъ въ 1018 году, когда еще не было ни Софійскаго храма, ни Ярославовой каменной стѣны, ни златыхъ вратъ, удивлялся великолѣпію, богатству и многолюдству Кіева. Онъ разсказывалъ, что въ городѣ 300 *церквей и восемь торговыхъ площадей*. Быть можетъ разсказъ этотъ преувеличенъ, но во всякомъ случаѣ говоритъ за своевременное великолѣпіе и населенность города. Быть можетъ не многаго было надобно, чтобъ изумить богатствомъ и красотою города посла Германскаго Императора, потому что въ самой Германіи, по сказанію иноземныхъ писателей, отъ Рейна до Балтійскаго моря, прежде IX вѣка, едва ли существовалъ хотя одинъ *собственно Германскій* городъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, (2) и въ это же время Кіевъ былъ главнымъ городомъ своей страны и успѣлъ уже перейти къ Варягамъ изъ-подъ зависимости Хазаръ, завоевавшихъ его во времена отдаленныя. И не одинъ Кіевъ былъ у насъ городомъ; кромѣ его существовали: *Новгородъ*, *Смоленскъ*, *Любечъ*, *Ростовъ*, *Муромъ*, и другіе города. Правда, всѣ они были сначала строены изъ дерева, ограждены окопами и деревянными стѣнами; но не взирая на это, *городская жизнь* уже началась въ то время, когда на пространствѣ цѣлой Германіи не было ни одного собственно Германскаго города. Въ нашихъ городахъ были посадники, которыхъ и Владиміръ избиралъ изъ людей *лучшихъ*; были торговыя пло-

щади; было средоточіе страны и племени; были постоянныя мѣста для пребыванія Князей удѣльныхъ и великихъ. А Германцы долго смотрѣли на города, какъ на темницы или убѣжища, и боялись утратить дикій, воинственный духъ посреди городской жизни. Колоніальные города Римлянъ и Норманновъ не были произведеніемъ собственно Германской жизни. Только со времени Карла Великаго и преимущественно съ Генриха, прозваннаго птицеловомъ, началось построеніе Германскихъ городовъ. И эти города устроивались болѣе на скалахъ и уступахъ горъ, которыми такъ богата Германія; ограждались камнемъ, стѣсняясь на небольшомъ пространствѣ, укрѣпленномъ и ограниченномъ самою природою, *подымались вверхъ* узкими рядами улицъ, съ домами въ нѣсколько этажей, были военными укрѣпленіями для защиты отъ набѣговъ Венгерцевъ и другихъ народовъ. Между тѣмъ какъ у насъ, вообще лишенныхъ неприступныхъ мѣстъ и камня, который бы можно было найдти, такъ сказать, подъ руками, всѣ города были деревянные, основанные нашимъ Гражданскимъ развитіемъ, не столько для защиты и военнаго дѣла, какъ для удобствъ семейной жизни; въ нихъ не было необходимости тѣсниться, въ нихъ жили даже своимъ сельскимъ хозяйствомъ, и наши города *выростали въ ширину*, и носили тотъ же характеръ растяженія, съ которымъ распространялись всѣ Славянскія племена, занимавшія почти вездѣ при небольшомъ населеніи огромныя пространства. Этотъ характеръ устроенія городовъ постоянно сохранился въ новѣйшія времена; очевиденъ въ устройствѣ

Москвы, Новгорода, Кіева и другихъ городовъ. И не знаю, перевѣсятъ ли выгоды стѣсненныхъ душныхъ улицъ, пяти-этажныхъ домовъ, выгоды нашихъ раскинутыхъ городовъ, возможности жить своей семьею не на глазахъ сотни жильцовъ, не убивая разнообразія характеровъ частной жизни, удобства широкихъ улицъ, бульваровъ, садовъ и свѣжаго воздуха? Сама природа, говоря о Россіи вообще, невольно придаетъ и всегда допускала привольное заселеніе и не лишала, принимая во вниманіе всѣ состоянія жителей, нѣкоторыхъ сельскихъ удобствъ, не отнимала возможности жить каждому своимъ домомъ, своимъ дворомъ, и часто своимъ огородомъ и садомъ, отъ чего, вѣроятно, не отказались бы жители старинныхъ Германскихъ городовъ, если бы для нихъ предстояла въ этомъ возможность.

При соображеніи этихъ обстоятельствъ, кажется не удивительнымъ богатство и приволье Кіева, изумившее Императорскаго посланника, ничего не видавшаго въ своей странѣ, кромѣ бѣдныхъ замковъ и стѣсненной Вѣны. А нашъ древній Кіевъ былъ славенъ въ то время не въ одной Европѣ: его знали и на Востокѣ; онъ привлекалъ къ себѣ всѣ искуства и богатства Цареграда, въ который и послѣ X вѣка отправлялись изъ разныхъ мѣстъ Европы, чтобы только взглянуть на его великолѣпіе. Наши зданія древняго Кіева сооружены Греческими художниками, и самыя наименованія многихъ зданій заимствованы прямо изъ Византіи. Наши Князья не жалѣли богатствъ для сооруженія церквей и монастырей. Мраморъ, мозаикъ, живопись, все, что было лучшаго

въ искуствѣ Европы того времени, все украшало наши храмы; золото и серебро блистало на церковной утвари и изображеніяхъ святыхъ, даже городскія ворота, называемыя златыми, были обиты позолоченными листами.

Но скоро миновала слава Кіева; скоро послѣ Ярослава междусобія обезсилили лучшій городъ Русской земли. Не разъ Князья, овладѣвши Кіевомъ, грабили его, снимали ризы съ святыхъ иконъ, снимали съ церквей колокола, все увозили въ свои удѣльные города и можетъ быть вмѣстѣ съ этимъ выносили изъ бѣдствующаго Кіева вооруженной рукою, лучшій вкусъ, высшее знанье общественной жизни, какъ многіе изъ нихъ выносили въ мирное время.

Пользуясь нашими внутренними раздорами и войнами, Половцы, кочевавшіе въ Новороссійскихъ степяхъ, вторгались въ наши предѣлы со всею разрушительною силою кочеваго народа, не знакомаго ни съ городами, ни съ удобствами общественной жизни, и грабили уцѣлѣвшее отъ междуусобныхъ войнъ. Князь ихъ Бонякъ дошелъ до самаго Кіева, оборвалъ позолоченные листы, прикрывавшіе златые врата, и увезъ ихъ съ собою въ степи, какъ добычу побѣды.

Но мало этихъ бѣдствій. Провидѣнію было угодно провести насъ по терновому пути для исполненія надъ нами своихъ неисповѣдимыхъ судебъ. На Русь хлынули съ востока сокрушительныя толпы Татаръ — и почти въ одну весну обратили въ прахъ и пепелъ всѣ княженія отъ Рязани почти до Нов-

города, и отъ Ярославля до самыхъ степей Половецкихъ. Рязань, Москва, Коломна, Владимiръ, Суздаль, Ростовъ, Галичь, Тверь, Козельскъ, Курскъ все пало; все было разрушено до основанiя, и послѣдними падали стѣны соборовъ и церквей, погребая подъ развалинами послѣднихъ жителей города. Ни одного города, гдѣ прошла эта нежданная гроза, не осталось цѣлымъ, ни одного жителя не оставалось въ развалинахъ: вездѣ былъ прахъ и пепелъ и трупы людей. Лѣса, болота и далекiя мѣста спасали ненадежную жизнь; только оттуда выходили люди на свои пепелища. Это было въ 1238 году. Сохранилась одна Южная Русь; уцѣлѣли: Кiевъ, Черниговъ и другiе приднѣпровскiя княженiя. Но черезъ два года послѣ опустошенiя Сѣверной Россiи, настала гибель Кiеву. Съ открытiемъ весны, передовые отряды Татаръ, подъ начальствомъ Мангу, двинулись къ лѣвому берегу Днѣпра и, остановившись близь нынѣшняго села Песочнаго, обозрѣвали мѣстность Кiева. Наши Князья одинъ за другимъ оставляли городъ; покинулъ его и Данiилъ Галицкiй, передавши защиту боярину Дмитрiю, испытанному въ храбрости. Вскорѣ явился самъ Батый со всѣмъ войскомъ, которое, по приблизительнымъ извѣстiямъ, доходило до 500,000 человѣкъ: «и окружилъ градъ, и оступилъ его всею силою Татаръ, и былъ градъ въ великой осадѣ — и не слышно было въ немъ разговаривавшихъ отъ скрыпа телегъ, крика верблюдовъ и ржанiя конскихъ стадъ: вся земля Русская наполнилась иноплеменными воинами». (2) Стѣсненные Кiевляне за-

хватили какого-то Татарина Торвула и допросили его о силѣ Батыя; но допросъ не отвратилъ бѣдствія. Татары подошли къ самымъ стѣнамъ съ Печерской стороны, покрытой большими лѣсами, и утвердили стѣнобойные снаряды подлѣ Лядскихъ воротъ. Съ этого часа, день и ночь разбивали стѣны, толпы смѣнялись новыми толпами, и стѣны рухнули.... Осажденные бросились на ихъ обвалы и тутъ-то насталъ «ломъ копій, удары мечей, и стрѣлы затмили воздухъ». (3) Дмитрій былъ раненъ; жители отступили; но вѣрно тяжела была эта удача Татарамъ: они, завладѣвши стѣною, цѣлый день и ночь не начинали новаго приступа. Кіевляне воспользовались ихъ медлительностію: снова окопались и оградились около десятинной церкви Пресвятой Богородицы. На утро другаго дня началась новая битва. Одолѣваемые со всѣхъ сторонъ, многіе изъ жителей бросились въ церковь и думали скрыться въ ея надстройкахъ; но надстройки не выдержали тяжести народа, обрушились, — вслѣдъ за ними распались церковныя стѣны, и города не стало.... Раненому Дмитрію была дарована жизнь, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ уваженіе его необычайной храбрости. Послѣ онъ служилъ проводникомъ Татаръ въ Волынь и Галицію, и спѣшилъ отвлечь ихъ отъ своей земли въ землю Венгерскую.

Такъ палъ Кіевъ и это было его конечнымъ паденіемъ. Все, чѣмъ онъ красовался, чѣмъ былъ славенъ на Западѣ и Востокѣ, все погибло: храмы разрушены, дома сожжены, люди убиты; самые гробы были раскопаны рукою Татарина, и въ нихъ

искали добычи. Все стало развалинами и обратилось почти въ такую же пустыню, изъ которой вышли наши завоеватели. Во многіе города, по удаленіи Татаръ, люди не могли войдти: такъ смертоносенъ былъ запахъ отъ труповъ, покрывавшихъ пепелъ и развалины. Такъ гибла наша древняя Русь отстаивая себя и заслоняя собой Европу; а Европа страшилась гибели и молилась. Папы отправляли пословъ, и одинъ изъ нихъ, проѣзжавши къ Батыю, чрезъ Кіевское княженіе, говоритъ, что былъ въ опасности отъ Литовцевъ, которые врывались сюда для грабежа. «Отъ Руссовъ же, прибавляетъ онъ, были мы въ безопасности, имѣя вышесказаннаго служителя; да и кромѣ того большая изъ нихъ часть была побита или уведена въ плѣнъ Татарами.» (4).

А хотя въ это же время, т. е. вскорѣ по взятіи Кіева, снова были въ немъ жители и Русская власть, но онъ не поднялся до прежней славы; и послѣ того, обезсиленный Литовцами, подавленный Поляками, доселѣ хранитъ эти развалины, какъ свидѣтелей прежней славы и вѣковыхъ бѣдствій.

Златыя врата, какъ живописная развалина, невольно приковываютъ вниманіе своимъ видомъ, прочностію и воспоминаніями.

Они находятся на западной сторонѣ Кіева, за Софійскимъ соборомъ. Ихъ составляютъ два обломка стѣнъ справа и слѣва, вышиною до 3 саженъ и толщиною до 2 аршинъ. Длина большой развалины будетъ до 36 ар., а другой, южной отъ входа, вполовину меньше. Оба обломка сдѣланы изъ цѣльныхъ кругляковъ гранита, скрѣпленнаго съ мѣлкимъ кам-

немъ, известію и битымъ кирпичемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны скважины, гдѣ проходили, кажется, желѣзныя связи; замѣтны какія-то искуственныя углубленія и гладко обдѣланныя мѣста.

Съ обѣихъ сторонъ примыкаетъ къ воротамъ городской валъ, насыпанный Фельдмаршаломъ Минихомъ во время войнъ съ Турками, и, кажется, подъ этимъ валомъ хранятся остатки Ярославовой стѣны, по крайней мѣрѣ сквозь обвалившуюся насыпь проглядываютъ известь и камни. Самыя Златыя врата покрыты были валомъ; отысканы учеными людьми, и по слову Царя, для нихъ снова открылся бѣлый свѣтъ.

На доскѣ, прибитой къ большой развалинѣ, написано залотыми буквами:

Вадимъ Пассекъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО КРЫМУ.

I.

ТАВРИДА.

Люблю тебя, моя красавица, Таврида. Какъ очаровательно раскинулась ты на лонѣ морей, какъ они лелѣютъ и ласкаютъ тебя, мою прекрасную! То сыплютъ къ твоимъ ногамъ сокровища, затаенныя въ ихъ глубинѣ, и носятъ предъ тобою станицы кораблей; то плещутъ живительною влагой на распаленную грудь и катятся живымъ серебромъ по твоимъ разметаннымъ членамъ. Люблю тебя, моя красавица Таврида!

Когда дыханіе весны разольетъ въ тебѣ новую жизнь, накинетъ на тебя покровы изъ цвѣтовъ и зелени, обовьетъ твое чело вѣнками легкихъ облаковъ, тогда не налюбуются тобою моря: неизмѣримымъ зеркаломъ раскинутся вокругъ тебя, и въ нихъ, какъ будто въ глубинѣ души, отражается твой образъ.... Но если небо повѣетъ на тебя холодомъ, сорветъ и размечетъ твои покровы, и твое дѣвственное лице

поблѣднѣетъ отъ испуга; какъ страшно тогда взметутся твои моря: со стономъ подъемлются и шлютъ на бой съ стихіями дружины черныхъ волнъ, однѣ свирѣпѣе другихъ....

Какъ не любить тебя, вдохновительницу поэтовъ! Ты не сурова, не грозна, какъ твой жестокій братъ, Кавказъ; твое чело не блѣдно, твоя высота не недоступна—но говоритъ о небѣ....

И скажите: есть ли мѣсто, съ котораго вы смотрѣли и не любовались Тавридой? Когда вы захотите летѣть туда на крыльяхъ парохода, и оставите Одессу, этотъ цвѣтокъ гражданской жизни среди пустынь, эту новую Ольвію, какъ будто не выстроенную на нашей памяти, а открытую среди глухой степи, какъ тогда привѣтно загорится первый маякъ Тавриды и невольно перенесетъ васъ отъ пустыни моря и неба въ среду людей, къ родной землѣ; а на утро, едва займется свѣтъ, уже белѣется другой маякъ, и за нимъ Георгіевскій монастырь спускается съ своими садами, келіями и переходами къ берегу моря, которое бьется о подводные камни и плещетъ на стѣны скалъ. Когда же кругомъ васъ все потонуло въ туманѣ, и слышны одни всплески волнъ и шумъ колесъ, и вдругъ, будто изъ невѣдомой страны, донесется заунывный благовѣстъ монастырскаго колокола: какъ много онъ пробудитъ грустныхъ думъ!... Но вотъ и Ялтинская гавань и южный берегъ, какимъ-то чарованіемъ обращенный изъ дикихъ скалъ и пустыннаго взморья въ цвѣтущій садъ, оживленный дачами, бесѣдками, фонтанами, и—то миловидными и затѣйливыми домиками, то велико-

лѣпными дворцами. Подъ ними равнина моря; надъ ними скалы, то гладкія и отвѣсныя, какъ стѣна, то растреснутыя и взгроможденныя одна на другой, и по ихъ ребрамъ цѣпляется кустарникъ или одиноко растетъ южная приморская сосна, и почти изъ заоблачной высоты бьютъ ключи и водопады. Хороша Таврида, если впервые увидите ее, приближаясь къ Евпаторійской гавани, окруженной рамою песковъ; или къ Керчи, обвившей своими зданіями Митридатову гору, — къ этой таинственной землѣ, усѣянной курганами и памятниками всѣхъ народовъ, владѣвшихъ ею въ продолженіи двадцати пяти вѣковъ.

Не таковы впечатлѣнія при въѣздѣ въ Тавриду сухимъ путемъ. Далеко не доѣзжая до Перекопа, открываются на лѣво отъ дороги заливы Сиваша или Гнилаго моря, съ его мутными водами; на право, за плоскою поверхностію степи, видна узкая полоса Чернаго моря, а въ самомъ Перекопѣ, этой бѣдной деревнѣ съ нѣсколькими десятками домовъ, которые называются городомъ, остановятъ ваше вниманіе остатки Татарскихъ укрѣпленій и древній ровъ отъ моря до моря, на протяженіи семи верстъ. Теперь одинъ только мостъ соединяетъ дорогу Новороссійскаго края съ дорогою Крыма. За этимъ мостомъ идутъ два пути: одинъ на лѣво къ соленымъ озерамъ, къ этому неисчерпаемому руднику, изъ котораго каждый годъ добываютъ милліоны пудовъ соли и отсюда везутъ ее въ Новороссійскій край, на Донъ, въ Подолію, въ Малороссію и во внутреннія губерніи. Прямо дорога тянется къ Симферополю, по самой грустной степи: кругомъ глинистая и из-

вестковая земля напитана солончаками; травы тощи; мѣстами бродятъ стада овецъ или толпятся подлѣ колодезей, въ которыхъ хранится вода въ глубинѣ 50 и 80 сажень; кое-гдѣ видны Татарскія деревни съ черепичными или плоскими дерновыми кровлями; порою встрѣтится скрипучая Татарская арба, или два, три Татарина верхами. Невольно тоска овладѣваетъ душою, и не вѣрится, что это Крымъ. Отсюда на право, далеко за Тарханкутъ, тянутся почти такія же пустынныя степи; на лѣво перерѣжутъ однообразный путь едва замѣтныя рѣчьки: Салгиръ и Карасу, а за ними до Керчи почти на двѣсти верстъ опять степь, взволнованная кое-гдѣ пригорками и сжатая двумя морями, да вправо тянется вдали цѣпь горъ. Но если вы направитесь прямо къ Симферополю, тогда утомленіе непродолжительно: чѣмъ глубже въ степь, тѣмъ она болѣе оживаетъ и, вмѣсто бѣдной, тощей зелени, раскидываются поля, покрытыя густыми травами и цвѣтати. Повсюду ростутъ въ изобиліи: донникъ, царскій скипетръ, шалфей, божье дерево, дикой ленъ (linum usitatissimum), ивановъ цвѣтъ, резеда, стародубки и болѣе всего вѣтреницы: голубыми ея цвѣтами затканы всѣ ковры этихъ степей. Еще ранѣе весною, повсюду цвѣтутъ дикіе тюльпаны; а къ осени, на пожелтѣвшихъ и увядающихъ равнинахъ, во многихъ мѣстахъ бѣлѣетъ и волнуется ковыль. Но это разнообразіе, даже роскошь степей, не могутъ овладѣть вниманіемъ путешественника: онъ все смотритъ вдаль, все ищетъ тамъ, какъ будто, желанной цѣли,—онъ ищетъ того, что при-

выкли соединять съ названіемъ Крыма — долинъ, скалъ и цѣпи горъ. Смотритъ.... что-то видится, какъ синяя туча.... да, это облака синѣютъ на склонѣ горизонта; но вотъ онъ пролетѣлъ еще двадцать верстъ и снова всматривается въ глубокую даль, и снова видна таже туча, но такъ неподвижна и такъ неизмѣнна, какъ цѣпь далекихъ горъ: да, это горы, это хребетъ Яйлы, и посреди ея подъемлется Чатырдагъ, какъ престолъ Тавриды, какъ развалина, уцѣлѣвшая отъ зданія первобытныхъ людей. Верстахъ въ двадцати отъ Симферополя и въ пятидесяти отъ Чатырдага уже видны его отвѣсныя скалы, и синѣютъ лѣса, и съ обѣихъ сторонъ тянутся облака по вершинѣ Яйлы. Такъ вотъ она, Таврида! вотъ что поражаетъ такъ путешественника послѣ утомительнаго пути по равнинамъ моря и степей.

За двадцать верстъ не доѣзжая до Симферополя, равнины уже взволнованы пригорками и долинами, которыя тянутся болѣе на югъ и разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ; по нимъ разбросаны сады, рощи и идутъ строй за строемъ раины или пирамидальныя тополи. Какъ радуетъ эта зелень и разнообразіе послѣ степныхъ видовъ, гдѣ часто въ продолженіи нѣсколькихъ дней не удастся замѣтить ни одного дерева, ни куста.

Отсюда всѣ долины, всѣ возвышенности, изгибаясь и перерываясь, подымаются къ югу, и за Симферополемъ далеко на востокъ и западъ оканчиваются крутыми уступами. За этой первой цѣпью идетъ вторая, и за нею хребетъ Яйлы, который почти надъ самымъ моремъ, то оборвется отвѣснымъ усту-

номъ, то выдастся огромнымъ мысомъ, и раскидывается отъ Феодосіи до Балаклавы на протяженіи полутораста верстъ. Почти по срединѣ, хребетъ Яйлы, какъ будто разорванъ, и въ этихъ широкихъ воротахъ подъемлются два здѣшнія великана, Чатырдагъ и Темирджи. Кажется, подземныя силы выдвинули изъ нѣдръ земли эти цѣпи горъ, эти огромныя массы гранита, извести, мрамора и лавы, и, дѣйствуя сильнѣе на взморьѣ, ослабѣли къ сѣверу; или, какъ будто, взволновалась земля и три ряда ея волнъ, однѣ огромнѣе другихъ, оцѣпенѣли и остались недвижимы. И конечно до этого переворота весь Крымъ былъ, если уже не дномъ моря, то ровною степью, самою грустною пустынею, утомительнѣе его сѣверныхъ степей.

Внутренности горъ такъ разнообразны, что едва переступите нѣсколько шаговъ, и открываются новые виды: здѣсь долина, богатая садами, украшенная раинами, и по ней журчитъ быстрый и холодный потокъ, перебираясь по камнямъ, или страшно мечется, если въ горахъ прошли дожди, рвется и увлекаетъ все, что встрѣтитъ на пути; тамъ видны деревни или дачи и по *взгорью* проведены каналы, въ которыхъ быстро бѣжитъ вода, уловленная человѣкомъ на возвышенныхъ мѣстахъ и проведенная чрезъ сады и табачныя плантаціи, которыми простой народъ занимается съ выгодою; тамъ обрывы скалъ или склоны горъ, поросшіе лѣсомъ, и по нимъ проложены дороги и тропинки; или сквозь ущелія видна на возвышенности деревня и за нею синѣва другихъ горъ. По теченію каждой рѣки идетъ долина

и носитъ ея названіе; такъ перерѣзываетъ долину Салгирскую рѣка Салгиръ, Бельбекскую рѣка Бельбекъ, Качинскую Кача, и почти всѣ онѣ идутъ по разнымъ направленіямъ верстъ на 10, на 20 и болѣе, подобно большимъ логамъ, или какъ Байдарская и Варнутка, почти овальны и со всѣхъ сторонъ окружены горами, покрытыми лѣсомъ.

Какъ роскошна зелень этихъ долинъ, какъ богаты фруктовые сады и виноградники! Природа не пожалѣла для Крыма своихъ даровъ: часто отъ основанія до вершины горъ онѣ покрыты растительностію разныхъ климатовъ. Въ самыхъ долинахъ и на южныхъ склонахъ найдете растительность жаркихъ климатовъ, а чѣмъ далѣе къ вершинамъ, тѣмъ болѣе встрѣчается растеній сѣверныхъ. Здѣсь найдете и простой и южный дубъ, и нашу сѣверную сосну, и южную приморскую, найдете букъ, ольху, осину, грабину или бѣлый букъ, липу, можжевельникъ, разнаго рода вербы, тисъ, гумма - трагантный кустъ, дикіе жасмины, каперсы, ландыши, розаны, шафранъ, дикую конопель, овесъ и виноградъ, разныя ягоды, особенно клубнику и землянику, и множество дикихъ фруктовыхъ деревьевъ: яблони, груши, сливы, персики, вишни; а въ садахъ всѣ утонченные роды грушъ и яблонь, абрикосы, грецкіе орѣхи, айву, миндаль, гранаты, лавры, маслины, и все это произрастаетъ безъ всякой защиты противъ зимнихъ непогодъ. Но Крымъ богатъ не одними деревьями и цвѣтами; въ немъ изобильно своими дарами и царство животныхъ; въ немъ много волковъ, зайцевъ и дикихъ козъ; а изъ

домашнихъ животныхъ, кромѣ быстрыхъ и крѣпкихъ лошадей и рогатаго скота, есть буйволы, много верблюдовъ, козъ, стада овецъ, которыя нигдѣ не водятся у насъ кромѣ Крыма и даютъ такіе прекрасные мѣха. Въ рѣкахъ есть форели; моря изобилуютъ вкусною рыбой, которою съ избыткомъ могутъ продовольствоваться окрестные жители; керченскіе сельди славятся вкусомъ; около береговъ, особенно въ Азовскомъ проливѣ, попадаются тюлени. Изъ птицъ, кромѣ множества степныхъ дрофъ и стрепетовъ, появляются весною и осенью несмѣтныя стада перелетныхъ гусей, лебедей, утокъ, куликовъ и перепелокъ.

Такія выгоды, вмѣстѣ съ торговыми удобствами, неприступностію горъ и затишьемъ страны, отдаленіемъ ея отъ степей Новороссійскихъ, отъ этой большой дороги всѣхъ переселявшихся народовъ, привлекали къ ней на житье почти всѣ племена, переходившія въ Европу, и почти всѣ онѣ оставили здѣсь слѣды своего бытія. Первыми извѣстными обитателями Крыма были Кимеріяне. За 2500 лѣтъ до нашего времени, у нихъ уже были города; имъ приписываютъ основаніе Перекопа и Перекопскій ровъ. Но ни города, ни ровъ не защитили ихъ отъ вторженія дикаго племени Скифовъ, которые вытѣснили ихъ въ горы. Почти въ это же время, то есть за долго до Р. Х., торговые виды привлекли сюда Грековъ, и на двухъ противуположныхъ сторонахъ Крыма основались два славные города: Херсонесъ и Пантикапея, нынѣшніе Севастополь и Керчь. Изъ городскихъ стѣнъ они распространили владычество на весь Крымъ и на

Тамань, или нашу Тмутаракань; сдѣлались царствами, одно Херсонскимъ, другое Босфорскимъ, и стали достоянiемъ Митридата, пока онъ не палъ передъ Римлянами. Тогда всѣ его царства сдѣлались Римскою областiю. А тамъ, какъ волны понеслись племена народовъ: Аланы, родоначальники нашихъ Осетинцевъ, стѣснили Римлянъ; Готы вытѣснили Алановъ; за ними нахлынули Гунны, Угры, Хазары, Печенѣги, Половцы, и наконецъ Татары; но во время владычества послѣднихъ, Генуэзцы успѣли на развалинахъ Греческихъ колонiй основать города и вели славную торговлю, пока не были вытѣснены Турками.

И повсюду видны слѣды жизни всѣхъ этихъ племенъ, во всѣ двадцать пять вѣковъ ихъ власти и паденiя. Въ скалахъ изсѣчены пещеры: то одинокiя, въ какомъ нибудь оборвавшемся камнѣ, то по нѣскольку десятковъ вмѣстѣ въ отвѣсномъ утесѣ горы. Эти пещеры, по ихъ устройству, относятъ ко временамъ глубокой древности, когда первобытные люди не знали почти ни какихъ удобствъ и скрывались въ этихъ убѣжищахъ отъ непогодъ, враговъ и звѣрей; иные относятъ ихъ ко времени истребленiя одного племени другимъ, уже на памяти Исторiи. На равнинахъ замѣтны могильныя насыпи, и въ нихъ находятъ скелеты, украшенные и Скифскими поручнями, и Египетскими изображенiями, и вещами Греческой работы. Подлѣ Георгiевскаго монастыря выдался далеко въ море высокiй мысъ, гдѣ еще недавно находили остатки Греческаго храма въ честь Дiаны, выстроеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ски-

фы приносили въ жертву всѣхъ несчастныхъ плов-цовъ, выброшенныхъ на ихъ берега. Въ окрестно-стяхъ Керчи видны тысячи кургановъ, и въ одномъ изъ нихъ найдены драгоцѣнныя золотыя украшенія: вѣнцы, скиптры, щиты. Въ другомъ открыта гроб-ница со стрѣльчатымъ сводомъ, сложенная изъ огромныхъ плитъ, несвязанныхъ цементомъ; велико-лѣпнѣе этой гробницы не нашли ни у одного изъ Римскихъ Императоровъ; но въ ней не было праха, вещи были похищены, и неизвѣстно кто изъ вели-кихъ земли здѣсь погребенъ. Въ другихъ курганахъ находятъ много Греческихъ вазъ, статуйки, разной величины сосуды, часто изящной работы; былъ да-же отысканъ остовъ любимой птички подлѣ остова женщины; найдены сѣти и прекрасная рабочая корзинка, сплетенная изъ дерева, а подлѣ этихъ ве-щей статуи и надгробные памятники съ надписями, изсѣченными до Рождества Христова.

У Севастопольской гавани сохранились еще ос-татки колоннъ и стѣнъ Херсонеса, гдѣ крестился нашъ Великій Владиміръ. По возвышенностямъ горъ, почти во всѣхъ выходахъ, видны то одинокія башни, то основанія церквей, то цѣлыя остовы полуразва-лившихся крѣпостей, обросшихъ травою и кустар-никомъ, совершенно покинутыхъ людьми и часто не извѣстно кѣмъ воздвигнутыхъ. А тамъ въ стѣнахъ Генуезской Кафы, полуразрушенной Турками, цвѣ-тетъ новый городъ, новая Θеодосія; на мѣстѣ древ-ней Эвпаторіи, построенной Митридатомъ, видны Христіанскіе храмы, Татарскія мечети, хижины и Еврейскія молельни: это Татарскій Гёзловъ или нашъ

Козловъ; въ Бахчисараѣ сохранились части Ханскаго дворца, съ фонтанами и со всѣми его украшеніями; надъ самой Керчью поднялась высокая гора, съ которой открываются — большая часть прежняго Босфорскаго царства, проливъ между двумя морями, и за нимъ наша древняя Тмутаракань; здѣсь, какъ думаютъ, былъ дворецъ Митридата, гдѣ онъ погибъ, потерявши свое царство. Какъ много кипѣло жизни тамъ, гдѣ для насъ сохранился одинъ ея прахъ и остались развалины слѣдовъ ея! Вглядитесь въ нихъ въ часы свѣтлой Таврической ночи, настроенные къ грусти и думѣ стройностію чистаго, глубокаго неба, ропотомъ моря или журчаньемъ горнаго ручья; вглядитесь въ нихъ, когда улягутся люди и съ ними заснетъ шумъ суеты и всѣ мелкія хлопоты на нашей грустной поденщинѣ....

Но въ мірѣ все преходитъ.... Есть осень для цвѣтка, есть время паденья для царства; народы, какъ древесные листья, опадаютъ въ свою осень и укрываютъ своими остатками землю, которая ихъ живила, а съ новой весною дерево снова убирается зеленью.... Взглядитесь же въ это древо, зеленѣющее жизнію, богатое плодами, благоухающее надеждами,— взглядитесь въ наше прекрасное отечество!

Но достанетъ ли взора, силы мысли и воображенія обнять этотъ колоссъ человѣчества, это древо, которое напоминаетъ допотопныхъ виликановъ и такъ свѣжо, такъ полно юныхъ силъ. Какъ крѣпко обвилось оно своими корнями около хребтовъ Кавказа, Урала, Алтая, раскинуло ихъ къ Карпатамъ, горамъ Сканди-

фы приносили въ жертву всѣхъ несчастныхъ пловцовъ, выброшенныхъ на ихъ берега. Въ окрестностяхъ Керчи видны тысячи кургановъ, и въ одномъ изъ нихъ найдены драгоцѣнныя золотыя украшенія: вѣнцы, скиптры, щиты. Въ другомъ открыта гробница со стрѣльчатымъ сводомъ, сложенная изъ огромныхъ плитъ, несвязанныхъ цементомъ; великолѣпнѣе этой гробницы не нашли ни у одного изъ Римскихъ Императоровъ; но въ ней не было праха, вещи были похищены, и неизвѣстно кто изъ великихъ земли здѣсь погребенъ. Въ другихъ курганахъ находятъ много Греческихъ вазъ, статуйки, разной величины сосуды, часто изящной работы; былъ даже отысканъ остовъ любимой птички подлѣ остова женщины; найдены сѣти и прекрасная рабочая корзинка, сплетенная изъ дерева, а подлѣ этихъ вещей статуи и надгробные памятники съ надписями, изсѣченными до Рождества Христова.

У Севастопольской гавани сохранились еще остатки колоннъ и стѣнъ Херсонеса, гдѣ крестился нашъ Великій Владиміръ. По возвышенностямъ горъ, почти во всѣхъ выходахъ, видны то одинокія башни, то основанія церквей, то цѣлыя остовы полуразвалившихся крѣпостей, обросшихъ травою и кустарникомъ, совершенно покинутыхъ людьми и часто не извѣстно кѣмъ воздвигнутыхъ. А тамъ въ стѣнахъ Генуезской Кафы, полуразрушенной Турками, цвѣтетъ новый городъ, новая Ѳеодосія; на мѣстѣ древней Эвпаторіи, построенной Митридатомъ, видны Христіанскіе храмы, Татарскія мечети, хижины и Еврейскія молельни: это Татарскій Гёзловъ или нашъ

Козловъ; въ Бахчисараѣ сохранились части Ханскаго дворца, съ фонтанами и со всѣми его украшеніями; надъ самой Керчью поднялась высокая гора, съ которой открываются — большая часть прежняго Босфорскаго царства, проливъ между двумя морями, и за нимъ наша древняя Тмутаракань; здѣсь, какъ думаютъ, былъ дворецъ Митридата, гдѣ онъ погибъ, потерявши свое царство. Какъ много кипѣло жизни тамъ, гдѣ для насъ сохранился одинъ ея прахъ и остались развалины слѣдовъ ея! Вглядитесь въ нихъ въ часы свѣтлой Таврической ночи, настроенные къ грусти и думѣ стройностію чистаго, глубокаго неба, ропотомъ моря или журчаньемъ горнаго ручья; вглядитесь въ нихъ, когда улягутся люди и съ ними заснетъ шумъ суеты и всѣ мелкія хлопоты на нашей грустной поденщинѣ....

Но въ мірѣ все преходитъ.... Есть осень для цвѣтка, есть время паденья для царства; народы, какъ древесные листья, опадаютъ въ свою осень и укрываютъ своими остатками землю, которая ихъ живила, а съ новой весною дерево снова убирается зеленью.... Взглядитесь же въ это древо, зеленѣющее жизнію, богатое плодами, благоухающее надеждами,— взглядитесь въ наше прекрасное отечество!

Но достанетъ ли взора, силы мысли и воображенія обнять этотъ колоссъ человѣчества, это древо, которое напоминаетъ допотопныхъ виликановъ и такъ свѣжо, такъ полно юныхъ силъ. Какъ крѣпко обвилось оно своими корнями около хребтовъ Кавказа, Урала, Алтая, раскинуло ихъ къ Карпатамъ, горамъ Сканди-

навскимъ и къ Американскимъ Андамъ. Цѣлыя моря и океаны и тысячи рѣкъ напояютъ его живительною влагой. Чѣмъ же измѣрить его жизнь, чѣмъ считать его годы? Были страшныя годины для этого древа, когда съ обширныхъ степей налетѣлъ на него ураганъ Татарскихъ набѣговъ.... Казалось, онъ смялъ его, вырвалъ съ корнемъ, уничтожилъ—и чтоже? гроза оборвала листья, опалила вѣтви, а древо укрѣпилось, разцвѣло и принесло плоды, дало: Москву, Дмитрія Донскаго, и показало свою силу и крѣпость. Казалось, смяла его буря Литвы и Польши, а оно разцвѣло, принесло плодъ и дало: Гермогена, Минина, Скопина-Шуйскаго, и показало силу души Русскаго народа. Что сломитъ его, когда всѣ усилія половины Европы, все искуство великаго генія сломить этотъ колоссъ остались ничтожными и вызвали новыя силы и средства жизни.

Какихъ нѣтъ на немъ плодовъ и какіе плоды не привьются къ нему, не сроднятся съ нимъ, не будутъ проникнуты соками его жизни.

Вотъ и теперь передъ нами одна его вѣтвь—Крымъ, вѣтвь цвѣтующая, благоухающая. Эта вѣтвь привита силою и благомъ нашей жизни. Взгляните только на Татарина—на этотъ какъ будто чуждый намъ прививокъ. Какъ спокойно сзываетъ онъ съ минарета правовѣрныхъ на молитву, когда почти подлѣ слышится звонъ колокола, призывающій въ храмъ христіанскій; какъ часто за столомъ — одинъ, поднявши передъ глазами обѣ руки, читаетъ молитву изъ Корана, а другой, крестясь, призываетъ имя Спасите-

ля. Армянинъ и Еврей ведутъ за одно съ нами торговлю, Грекъ охраняетъ наши приморскіе берега отъ чумы. Едва минуло полвѣка какъ привита эта вѣтвь къ нашему отечеству, и ея плоды видимъ на рынкахъ всей Россіи; за ними приходятъ къ намъ и Турокъ и Черкесъ и житель дальняго запада. А военныя силы? а Севостополь съ его рядами страшныхъ батарей, съ его гаванями полными кораблей и судовъ? а поэтическое чувство наслажденія и грусти, которое вдохновляетъ Крымъ,— развѣ оно не его достояніе, не богатство наше?

И все это одни начатки жизни, все это плоды и надежды одной вѣтви, одной части Россіи!

II.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ СЛЕЗЪ, И ПАМЯТНИКЪ МАРІИ.

« Мнѣ мечтается, что какой нибудь волшебникъ занесъ меня на востокъ и оставилъ посреди горъ, въ пустомъ обвороженномъ замкѣ.... Я хожу по огромнымъ заламъ, и одинъ гулъ отъ шаговъ моихъ раздается подъ высокими потолками.... Зелень древесная манитъ за ограду: вступаю, и при слабомъ мерцаніи луннаго свѣта вижу надгробные мраморы, бѣлѣющіеся подъ деревьями, между густою травою.... Все безмолвствуетъ въ обители смерти, и оглашаетъ пу-

стьню одинъ только шумъ источниковъ, текущихъ въ каменныя чаши.»

И я по долгу грустилъ и задумывался въ опустѣлыхъ садахъ и комнатахъ Ханскаго дворца. Вездѣ видны надписи и зданія напоминающія почти всѣхъ Хановъ отъ Менгли-Гирея, друга нашего Іоанна Великаго, до Шагинъ Гирея, при жизни котораго Крымъ сдѣлался Русскою областію. Въ садахъ, огражденныхъ каменными высокими стѣнами, доживаютъ свое время огромныя грушевыя и шелковичныя деревья, и журчитъ вода, переливаясь изъ фонтана въ фонтанъ. Стѣны и потолки дворцовыхъ комнатъ пестрѣютъ разноцвѣтными украшеніями, узорчатыми надписями изъ Персидскихъ поэтовъ, живымъ изображеніемъ цвѣтовъ, фруктовъ и видами восточныхъ городовъ. Въ фонтанной комнатѣ всѣ стекла раскинуты радугою и за нею, темною сѣнью, склонились вѣтви винограда и поднялись кусты розановъ. Сквозь одно стекло все кажется голубымъ: небо, земля, листья, цвѣты, зданія; сквозь другое все розовымъ или багровымъ или мутно-желтымъ, какъ будто передъ страшнымъ переворотомъ природы. И здѣсь, какъ и въ садахъ, журчатъ фонтаны; и, въ ненарушимой тишинѣ, каждая капля воды дробится звуками и раздается въ опустѣлыхъ комнатахъ таинственнымъ, едва слышнымъ гуломъ.

Но изъ всѣхъ фонтановъ случай сдѣлалъ любимымъ *фонтанъ слезъ*.

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны

И селы мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился Ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна....
Есть надпись; ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали....

Мечта поэта въ живыхъ, прекрасныхъ картинахъ представила нашъ востокъ, и теперь привлекаетъ вниманіе всѣхъ путешественниковъ къ Бахчисарайскому фонтану.

Онъ поставленъ въ главныхъ сѣняхъ дворца. Надпись сдѣлана на мраморной доскѣ, украшенія, состоящія болѣе изъ цвѣтовъ и плодовъ, и чашечки, изъ которыхъ переливается вода, высѣчены также изъ мрамора. На верху сдѣлано украшеніе, *похожее на луну* съ *крестомъ, или цвѣткомъ*, въ срединѣ. *

На верхней доскѣ написано:

«Слава въ вышнихъ Богу! Бахчисарай возрадованъ благодѣтельною заботливостію лучезарнаго хана

* На прилагаемомъ рисункѣ фонтанъ изображенъ съ возможною вѣрностію.

Крымъ-Гирея. Его великодушная рука утолила жажду своей страны и стремится разлить еще болѣе благодѣяній, если угодно Богу! Своею кротостію онъ открылъ прекрасный источникъ воды. Если есть еще подобный фонтанъ, пусть онъ предстанетъ! Много хорошаго въ городахъ Дамаскѣ и Багдадѣ; но тамъ никто не видѣлъ столь прекраснаго фонтана. Эту надпись сдѣлалъ Поэтъ *Шеги*. Подобно человѣку, томимому жаждою, жаждутъ прочитать сквозь воду, струящуюся изъ трубочки тонкой, какъ перстъ, начертанія на этомъ фонтанѣ. Но что онѣ означаютъ? Пей эту прекрасную воду, истекающую изъ чистѣйшаго источника: она даетъ здоровье. 1177.»

На другой небольшой доскѣ написано: «*Дильара*,» имя женщины, любимой Крымъ-Гиреемъ. О ней сохранилось преданіе народное; она же названа нашимъ Поэтомъ *Маріею*. Это имя могло быть и собственнымъ и любимымъ названіемъ женщины; въ буквальномъ переводѣ слово Дильара значитъ *утѣшеніе сердца*.

Изъ первой надписи видно, что фонтанъ сдѣланъ по нашему лѣтосчисленію въ 1762 году; еще живы современники Крымъ-Гирея; еще не очень давно умерла старушка, которая жила въ то время при дворцѣ и лично знала *Дильара* или Марію. Передаю, что слышалъ я отъ Сеитъ-Амета, который хорошо помнитъ послѣдняго Хана, и даже Крымъ-Гирея.

«У Крымъ-Гирея было много женъ. Старшая изъ нихъ, или *ханымъ*, шла однажды мимо оконъ Хана,

а позади ее была *Дильара*, страстно любимая Гиреемъ. Въ гнѣвѣ, онъ велѣлъ ханымъ идти позади своей любимицы: эта обида такъ поразила ее, что она вскорѣ умерла съ горя. Но кто была *Дильара*, никому не извѣстно. Слышно было, что она Грузинка, другіе говорили что Полька; но послѣднему не многіе вѣрили. Навѣрное же знали, что она не Татарка. Какой она была вѣры, тоже не извѣстно, только въ ней не было замѣтно чего нибудь не мугамеданскаго, и выходила она подъ покрываломъ.» Вотъ все, что сохранилось о ней въ преданіи народномъ. Болѣе не удалось мнѣ слышать ни отъ духовныхъ ученыхъ, ни отъ старожиловъ, ни отъ почтеннаго смотрителя дворца г. Булатова, который, при знаньи восточныхъ языковъ, не пропускалъ ничего въ продолженіи двѣнадцатилѣтней службы, чтобы познакомиться съ обычаями и преданіяти народными.

Замѣчательно, что противу Татарскаго обычая, въ надписи не сказано чья она дочь, между тѣмъ какъ имя правовѣрнаго вѣрно не было бы забытымъ. Если же она была христіанкою, то или въ младенчествѣ или въ тайнѣ хранила чувство вѣры своей. Нѣсколько крестовъ или даже фигуръ въ родѣ крестовъ ничего не доказываютъ. Нѣтъ вѣроятія, чтобы Ханъ Татарскій, поклонникъ Мугамеда, рѣшился для женщины, какъ бы ни любилъ ее, осѣнить луну знаменіемъ креста. Подобный же крестъ сдѣланъ надъ каминомъ во внутреннихъ комнатахъ дворца и даже—надъ домашнею молельною Хановъ. Если это дѣйствительно кресты, а не простыя украшенія, не розаны съ

двумя листками, то я скорѣе раздѣлю мнѣніе г. Булатова, что это хитрое дѣло Греческихъ мастеровъ, которые часто занимались работами у Татаръ, нежели подумаю, что любовь къ женщинѣ заставила Хана водворить надъ мечетью крестъ. Любители Маріи отдаютъ ей и тѣ комнаты и молельню, вмѣсто домашней церкви; но въ комнатахъ было многое передѣлано во время путешествія Государыни Екатерины II, и въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Надъ дверями молельни написано:

« Селяметъ-Гирей Ханъ, сынъ Хаджи Селимъ-Гирей Хана.»

А Селяметъ-Гирей жилъ за долго до Крымъ-Гирея и его любимицы. Самое устройство молельни доказываетъ, что она была домашнею мечетью: окна изъ нее проведены въ главныя сѣни, которыя были проходными и полны прислуги. Могъ ли допустить Ханъ, чтобъ на виду людей молилась его любимица христіанскою молитвою, когда для мугамеданскихъ женщинъ устроены въ мечетяхъ особенные хоры или палати.

Самый фонтанъ слезъ сомнительно отнести къ столь нѣжной привязанности Хана, какъ мечталъ объ этомъ Поэтъ. Подобный же фонтанъ устроенъ въ ханскомъ саду близь купальни: устройство его, размѣры, даже украшенія очень сходны, и не отъ нѣжной любви называются подобныя фонтаны фонтанами слезъ, а отъ ихъ устройства.

Нѣтъ сомнѣнія, что *Дильяра* или *Марія* нашего Поэта была любимицей Хана; но этой Маріи, созданной образованнымъ чувствомъ поэта, не должно

смѣшивать съ Дильара, и думать о любви къ ней Крымъ-Гирея съ утонченностію Европейскихъ понятій.

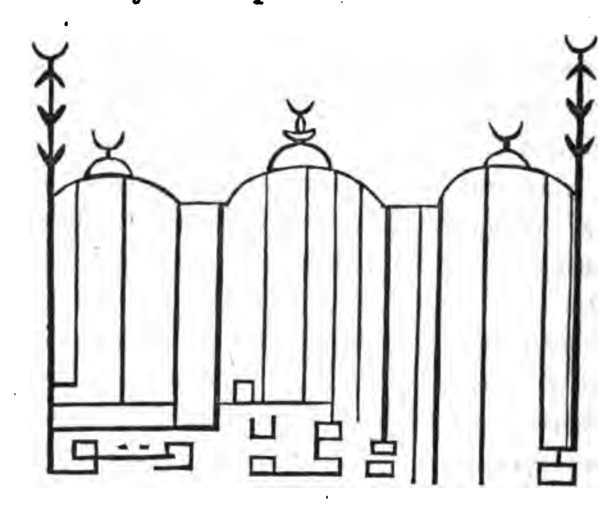
Впрочемъ, не отвергать хочу я чувствованіе истинной любви въ мугамеданинѣ и человѣкѣ образованномъ не по нашимъ понятіямъ, а говорю только о различіи формъ, въ которыхъ выражается эта любовь. Когда Дильара перешла изъ здѣшняго міра, Гирей устроилъ надъ прахомъ ея огромный памятникъ за своимъ террасньмъ садомъ и осѣнилъ его позлащенною луною. Надъ дверью гробницы есть надпись:

«Да почіетъ въ мирѣ прахъ Дильара.»

Лѣтъ за тридцать по разсказамъ старожиловъ въ каждой изъ семи сторонъ памятника было окно, а въ осьмой устроены двери. Внутренность была убрана роскошно: стѣны обиты дорогою матеріею, куполъ покрытъ свинцомъ. Теперь уже нѣтъ свинца; видны только остатки черепицы и глины, на которой онъ лежалъ и гдѣ теперь успѣла разростись трава. Двери и окна заложены, и только въ отверстіе надъ дверьми, вѣроятно сдѣланное любопытными, можно не безъ труда заглянуть въ этотъ памятникъ и видѣть его запустѣніе при свѣтѣ факела.

Поднявшись на взгорье выше памятника; и обернувшись къ дворцу, открываются его пестрыя кровли, а на противоположной горѣ между частными домами старая мечеть съ зеленою черепичною кровлею; ее называютъ: *Ешиль Джамэ* или Зеленая мечеть. Въ ней есть надпись: «*Дильара!* Да помилуетъ ее Богъ! 1178 эджиры.»

Мечеть давно опустѣла: нѣтъ ни оконъ, ни пола. Сохранились легкія деревянныя колонны и надписи изъ корана. Буквы одной изъ нихъ представляютъ мечеть съ двумя минаретами.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ:

Ля-илляхъ-иль-ал-лахъ Мугамедъ ресуль-уль-лахъ.

Нѣтъ Бога кромѣ Бога, Мугамедъ пророкъ его.

Въ тои весь разсказъ о Маріи. Давно ли пѣлъ ее нашъ Пушкинъ, а о немъ уже есть преданіе въ томъ же Бахчисараѣ. Извѣстно, что въ Крыму почти нѣтъ пѣвчихъ птицъ: рѣдко кому удается слышать разъ въ жизни пѣнье соловья; но разсказываютъ, что въ бытность Пушкина во дворцѣ хановъ, цѣлыя ночи пѣлъ соловей въ ханскомъ саду. И теперь путешественники, пріѣзжая въ Бахчисарай и слушая о Маріи, смотря на памятники, воздвигнутые для нее Гиреемъ, задумываются о Поэтѣ. И кажется въ слезахъ фонтана есть слезы о немъ....

III.

ПАМЯТНИКЪ КРЫМСКИХЪ ХАНОВЪ: ХАДЖИ-ГИРЕЯ И МЕНГЛИ-ГИРЕЯ.

Дорога изъ Бахчисарая въ Чуфутъ-Кале идетъ по каменистому ущелью. Съ обѣихъ сторонъ подымаются крутые, мѣстами отвѣсные утесы горъ и стройно взбѣгаютъ къ ихъ вершинамъ пирамидальные тополи. Въ подножіи скалъ изсѣчены пещеры; въ нихъ тѣснится на временное житье Татаринъ съ своею нищею семьею, или бродячіе цыгане, и порою путешественникъ укрывается отъ непогоды. Говорятъ, что въ старые годы, близь самаго города начинались виноградные сады; теперь уже нѣтъ ни одного: ихъ замѣнили однѣ раины и нѣсколько огромныхъ вербъ. Горный потокъ быстро перебирается по камнямъ; изъ предмѣстія Бахчисарая почти всегда слышна народная музыка; около фонтановъ и въ тѣни деревъ сидитъ Татарская молодежъ; по дорогѣ идетъ, или тихо пробирается верхомъ, Караимъ въ свой городокъ, и ребятишки ловятъ путешественника, чтобъ пропѣть ему пѣсню о живой еще красавицѣ *чепеимъ*, или тоскливое: *Бенъ буермы....*

При поворотѣ на право въ другое ущелье, гдѣ на отвѣсной скалѣ повисъ Греческій монастырь Ус-

пѣнія Божіей Матери, встрѣчаете осміугольное зданіе, съ небольшими сѣнями, покрытое черепичною кровлею. Это памятникъ двухъ первыхъ хановъ Хаджи-Герея, основателя независимости Крымскаго царства, и Менгли-Гирея, котораго нашъ Іоаннъ великій называлъ другомъ и братомъ. Этотъ памятникъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ Татарскимъ памятникамъ. Въ сѣняхъ вокругъ дверей сдѣлана надпись изъ Корана; надъ нею на особенной доскѣ другая, такого содержанія:

«Надгробный Памятникъ сей исправленъ милостями великаго хана, могущественнаго хакана, и повелителя вселенной Менгли-Гирей-Хана сына Хаджи-Гирей-Хана. 907 геджиры.»

Во внутренности зданія, на деревянномъ помостѣ замѣтны два мѣста, гдѣ погребены Гиреи—отецъ и сынъ. Оба хана принимали столь великое участіе въ нашихъ дѣлахъ, что невольно вспоминаешь событія тѣхъ временъ, и дивишься неисповѣдимости провидѣнія.

Скоро послѣ нашествія на Россію Татаръ нѣкоторые изъ ордъ поселились въ Крыму, другія заняли широкія степи отъ Дона къ Днѣпру до самой Курской Губерніи. Главная Кипчакская орда была на Волгѣ. Литовцы быстро и сильно обложили порубежныя орды и оттѣснили ихъ къ Крыму; моровая язва, свирѣпствовавшая въ Кипчакѣ (1348), загнала сюда же толпы Татаръ. Усиленная такимъ образомъ Крымская орда стала тревожить своихъ сосѣдей,

задумала о самобытности и начала выбиваться изъ подъ зависимости Кипчакскихъ Хановъ. Съ этой цѣлію она передавалась то Литвѣ, то Россіи, то Польшѣ, билась смертнымъ боемъ съ Золотой ордою и ускорила ея паденіе и независимость нашего отечества. Хаджи-Девлетъ-Гирей, воспитанный въ Литвѣ, привыкшій уважать христіанъ и смягченный вліяніемъ святаго ученія, пользуясь примѣромъ основанія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, объявилъ себя независимымъ Ханомъ Крымской орды и сильно заботился объ устроеніи новаго царства: старался найти зоюзниковъ и выбралъ Польшу.

Въ это время развиваясь самобытною жизнію, росла и мужала Россія. Она наводила ужасъ на Гирея, и говорятъ что онъ торжественно утвердилъ грамотою отдачу нашего Отечества Польшѣ, сдѣланную еще Тохтамышь-Ханомъ, и старался поддержать тѣснѣйшій союзъ съ Поляками. Но 1469 былъ годомъ смерти Хаджія. Послѣ него осталось восемь сыновей и всѣ они вступили въ споръ за наслѣдство; началось междоусобіе; Менгли-Гирей превозмогъ своихъ братьевъ — и старался найдти помощь у Генуэзцевъ въ ихъ крымскихъ колоніяхъ: Кафѣ, Судагѣ, Чембалѣ и др. Татары, недовольные связью Хана съ иноплеменниками, сдѣлали заговоръ, избрали главою его Гайдера, и предложили корону Турецкому султану Мугамеду II. Распри султана съ Генуэзцами еще скорѣе склонили его къ согласію, и Турецкій флотъ явился съ 20,000 войска, подъ стѣнами Кафы, въ которой скрылся Менгли-Гирей. Не долго держались Генуэзскіе города; плѣнные жители были

препровождены въ Стамбулъ. Между ними находился самъ Менгли-Гирей. Прошло три года его почетнаго плѣна, три года страшныхъ смутъ и междоусобій Крыма. Татары просили Султана назначить имъ Царя, кого онъ захочетъ избрать, и тѣмъ прекратить бѣдствія страны. Мугамедъ избралъ Менгли-Герея съ тѣмъ, чтобы онъ обязался покорностію Портѣ. Вотъ главныя условія двухъ Государствъ. Султанъ не имѣетъ права на жизнь крымскаго Хана или кого нибудь изъ дома Гиреевъ. На престолѣ Крыма Государи могутъ быть избираемы изъ рода Чингисъ-Хана. Въ мечетяхъ должно всенародно молиться о Ханѣ, а потомъ о Султанѣ. Ханъ имѣетъ право на пяти бунчужное знамя. На письменную просьбу Хана Султанъ не долженъ отказывать. За каждую войну, веденную Ханомъ противъ враговъ порты, Султанъ обязывался платить условленную сумму денегъ.

Въ одной Татарской лѣтописи сказано: «по опредѣленію высочайшей мудрости чрезъ нѣсколько времени прибыло къ Султану отъ Хана большихъ владѣній письмо съ извѣстіемъ, что всѣ поколѣнія Хановъ отъ междоусобій пресѣклись и области степныя раззорены, и что для возстановленія мира между мусульманами, онъ проситъ прислать Менгли-Хана. Тогда Султанъ Мугамедъ Ханъ, давъ ему барабанъ, бунчукъ, знамя и грамоту, немедленно отпустилъ его съ великими почестями.» Прибывши въ Крымъ Мингли-Гирей былъ коронованъ со всею пышностію. Но когда народъ узналъ о согласіи его на зависимость Крыма отъ Турецкаго Султана, то начался общій ро-

потъ и новый Ханъ долженъ былъ прибѣгнуть къ Турецкому войску. Но народъ отстоялъ право выбирать себѣ Хановъ изъ рода Гиреевъ. Пользуясь случаемъ и опасаясь народа, Менгли-Гирей оставилъ у себя въ Крыму Турецкія войска и старался обратить гнѣвъ народа на христіанъ, жившихъ въ Крыму. Опасаясь своихъ кровныхъ враговъ, Хановъ золотой орды, онъ съ помощію Турецкаго войска разбилъ ихъ, и дѣлалъ набѣги на Польшу и Россію. Ханъ золотой орды, Ахметъ боялся усиленія Крыма и вступилъ въ союзъ съ Поляками, чтобы дѣйствовать въ одно время противъ Гирея и противъ Россіи; но обманутый Поляками едва успѣлъ скрыться въ Кіевѣ. По проискамъ Менгли-Гирея онъ былъ заключенъ въ Ковно на всю жизнь; съ нимъ пресѣкся родъ Чингисъ-Хана въ главной ордѣ, и сама орда распалась и впала въ безсиліе.

Такимъ образомъ Россія избавилась отъ страшнаго непріятеля: Татары возстали противу Татаръ—и Крымъ ускорилъ гибель нашихъ враговъ и независимость нашего отечества.

Не страшась болѣе Кипчакской орды, Менгли-Гирей нашелъ выгоднымъ союзъ съ Россіею, и Іоаннъ великій отправлялъ къ Хану посольства и ввелъ Русскихъ въ торговыя обороты съ Генуэзцами.

Близь Ханскаго памятника, устроена мечеть бѣдная и тѣсная. Въ надписи надъ дверями сказано, что она сооружена при Менгли-Гирей-Ханѣ, и что Ханъ, повелитель вселенной, приказалъ сдѣлать эту мечеть такъ, чтобы лучше ее ни гдѣ не было. Замѣчатель-

но что она строилась почти въ одно время съ нашимъ московскимъ Успѣнскимъ соборомъ и показываетъ различіе гражданской жизни въ двухъ царствахъ. Черезъ улицу отъ памятника находится *медресе* или училище; кругомъ кладбище, осѣненное огромнымъ деревомъ грецкаго орѣха; у подошвы горъ разбросаны Татарскія хижины; надъ ними отвѣсные уступы....

Вадимъ Пассекъ.

ШВЕДСКАЯ МОГИЛА

ПОДЪ ПОЛТАВОЮ.

На полѣ Полтавской битвы есть могила: народъ зоветъ ее *Шведскою*. Незнаю почему дано ей народомъ такое названіе; здѣсь погребены одни Русскіе, убитые въ Полтавскомъ сраженіи: 52 офицера и и 1300 рядовыхъ. Правда, за паденіе ихъ дорого заплатили Шведы совершеннымъ истребленіемъ своихъ силъ, и можно сказать, что эта могила унесла могущество Карла XII.

Нельзя не удивляться геніальнымъ соображеніямъ Петра Великаго, исполненнымъ желѣзною волею Его, которыя дали возможность малою жертвою пріобрѣсти знаменитость русскому оружію и искупить первенство Россіи на Сѣверѣ. Въ послѣднее время Сѣверной войны, Русскіе, можно сказать, собирали плоды Полтавскаго сраженія. И эта могила можетъ служить памятникомъ славы величайшаго изъ Царей, памятникомъ Генію Петра Великаго.

1707 года Петръ Великій собралъ въ Жолкіевѣ совѣтъ, на которомъ было предложено рѣшить: какой образъ дѣйствій должно избрать при наступленіи Карла XII изъ Саксоніи на Русскую армію, расположившуюся въ Польшѣ около Дубно и Острога.

Шереметьевъ, представляя гибельныя послѣдствія, какія могутъ быть при отступленіи арміи, послѣ пораженія, въ краю, котораго жители не расположены къ намъ, предложилъ: уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія съ Карломъ XII въ Польшѣ, отступая къ предѣламъ Россіи, тревожить его отрядами, истреблять все за собою, и тѣмъ лишить жителей средствъ вредить намъ, а непріятеля способовъ быстро преслѣдовать насъ.

И мнѣніе Шереметьева было только наведеніемъ генію Петра Великаго къ развитію величайшаго военнаго соображенія въ оборонительной войнѣ, сообразно обширности и народности государства: объ чемъ иностранцы только начали писать спустя сто лѣтъ, а именно послѣ кампаніи 1812 года, и стали создавать теоріи того, что за цѣлый вѣкъ отчетливо приводилось въ исполненіе въ Россіи — и удивлять Европу своими теоріями.

1708 года, при наступательныхъ движеніяхъ Карла XII на Россію, Петръ I-й положилъ не вступать въ рѣшительное сраженіе съ непріятелемъ, а отступать въ глубину Россіи, — и при всякой возможности имѣть вѣрный успѣхъ нападать на него, останавливать его наступленіе; а между тѣмъ истреблять мосты, портить дороги, скрывать запасы и тѣмъ изнурять, ослаблять непріятеля, лишать его нравственныхъ силъ, и довести до того, чтобъ можно было съ полною увѣренностью на побѣду вступить въ рѣшительное сраженіе.

Соображеніе геніальное, и исполненіе было отчетливое, безошибочное. Оно все совершилось подъ ру-

ководствомъ самаго Петра, а въ главномъ даже личными его усиліями.

По его распоряженію Генералъ Гольцъ находился на пути Карла XII въ Малороссію и первый затруднилъ движеніе Шведовъ; самъ Петръ начальствовалъ арміей, при наступленіи Карла на Смоленскъ; жегъ, истреблялъ все по дорогѣ, даже вступивъ въ Россію; по его распоряженію Шведы потерпѣли пораженіе при С. Добромъ. Онъ первый увидѣлъ важность въ томъ, чтобъ не допустить соединиться съ Шведскою арміею Левенгаупта, шедшаго съ 16,000 войскъ и съ огромнымъ обозомъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ; самъ повелъ отрядъ для рѣшительнаго нападенія на Левенгаупта, и, съ меньшимъ числомъ войскъ, нанесъ ему совершенное пораженіе, подъ Лѣснымъ, такъ, что остатки Шведовъ, разстроенные и изнуренные, сдѣлали больше вреда Карлу XII, нежели пользы своимъ соединеніемъ съ нимъ; а потеря военныхъ запасовъ была невознаградима и имѣла гибельныя послѣдствія для Шведской арміи, при осадѣ Полтавы и въ самомъ сраженіи. По приказанію Петра, Генералъ Боуръ долженъ былъ идти вслѣдъ за Карломъ при движеніи его въ Украйну, а Генералъ Ифландъ шелъ въ видѣ авангарда непріятеля и занялъ Стародубъ, первый укрѣпленный городъ Малороссіи, на пути Карла, первый, возставшій противъ измѣны Мазепы, и первый, поколебавшій надежды Шведовъ. Между тѣмъ Меньшиковъ долженъ былъ взять Батуринъ, главный опорный пунктъ Мазепы; уничтожить въ источникѣ зло отъ измѣны Гетмана и обратить каза-

ковъ противъ непріятеля. Предупредивъ Шведовъ въ Украйнѣ, Меншиковъ взялъ Батуринъ и истребилъ часть магазиновъ, приготовленныхъ для Шведовъ.

По распоряженію Петра Великаго, непріятель въ Украйнѣ нуждался въ продовольствіи, въ порохѣ, не имѣлъ покоя на зимнихъ квартирахъ, и, ослабленный къ веснѣ цѣлою третью всей арміи, принужденъ былъ ограничиться осадою Полтавы, чтобъ только скрыть свою слабость для настоящихъ наступательныхъ дѣйствій, въ ожиданіи союза съ Турціей. И наконецъ, изнуренный при осадѣ Полтавы, доведенъ былъ до крайности искать спасенія своего въ Полтавской битвѣ.

Петръ Великій, имѣя полную увѣренность на побѣду, и желая спасти Полтаву, перешелъ черезъ Ворсклу съ 55 тыс. регулярныхъ войскъ, приблизился къ городу и въ ожиданіи казаковъ Скоропадскаго, и 37 тыс. Калмыковъ, расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ. Въ день Петра и Павла, 29 Іюня, рѣшено было напасть на Шведовъ.

Положеніе Карла XII было самое бѣдственное. Съ 30 тыс. войскъ, уже упадшихъ духомъ, безъ артиллеріи за недостаткомъ пороху и снарядовъ *, въ краю, гдѣ жители съ жаромъ возстали противъ него, могъ ли онъ думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ на Россію, имѣя противъ себя армію вдвое сильнѣйшую, устроенную, испытанную и предводительствуемую самимъ Петромъ.

* Въ Полтавскомъ сраженіи Карлъ XII имѣлъ всего 4 орудія; остальная артиллерія оставалась въ лагерѣ подъ Полтавой, находившемся подъ прикрытіемъ Запорожцевъ.

Ожидать нападенія Русскихъ, по соединеніи всѣхъ ихъ силъ, было явно гибельно: Карлъ XII былъ бы подавленъ превосходствомъ Русскихъ.

Отступленіе было единственнымъ средствомъ для спасенія; но отступленіе становилось невозможнымъ по соединеніи Калмыковъ и казаковъ съ Русскою арміею. Преслѣдуемый самимъ Петромъ съ 55 тыс. регулярныхъ войскъ, и окруженный со всѣхъ сторонъ 60 тыс. иррегулярной кавалеріи, онъ былъ бы безъ боя совершенно истребленъ на пути отъ Украйны до великой Польщи, гдѣ находились его резервы.

И Карлъ XII избралъ лучшее: онъ рѣшился, несмотря на все превосходство силъ Петра Великаго, дать сраженіе до соединенія его съ казаками и Калмыками, чтобъ побѣдою обезпечить свое отступленіе.

Слишкомъ ясно, что не для торжества надъ Россіею, а для спасенія своего, Карлъ XII вступилъ въ сраженіе подъ Полтавою. Побѣда, по малочисленности Шведовъ, не могла быть рѣшительною, и не давала возможности продолжить ему свои успѣхи и особенно наступательныя дѣйствія; а пораженіе, при многочисленности Русскихъ и въ краю непріязненномъ, было бы гибельно для Шведовъ.

И только это опасное средство оставалось испытать для спасенія своего Карлу XII: до такой крайности была доведена Шведская армія соображеніями Петра Великаго.

Настало 27 Іюня, и совершилось торжество генія Петра: армія Шведская была истреблена и истребленіе было искуплено 1400 Русскихъ, погребен-

шихъ подъ курганомъ, называемымъ народомъ Шведскою могилою.

Чувство благоговѣнія къ необъятности генія Отца Отечества, проникаетъ душу при взглядѣ на этотъ могильный курганъ, священный великими воспоминаніями.

Въ 4 часа утра 28-го Іюня * по повелѣнію Государя начали дѣлать 2 могилы: одну для офицеровъ, другую для унтеръ офицеровъ и рядовыхъ. Къ 6 часамъ могилы были готовы, войска были выстроены кареемъ около могилъ, и самъ Царь вышелъ на поле. Въ присутствіи его сложили тѣла въ могилы и началась погребальная панихида. Петръ Великій присоединилъ голосъ свой къ голосу клироса; но часто пѣніе его было прерываемо слезами, и тогда плакало все окружающее. И кто не умилится слезами при одномъ воспоминаніи этого событія — не слабый, не безсильный мужъ плакалъ здѣсь надъ могилой; но мужъ желѣзной воли, Геній, Преобразователь Россіи.

По окончаніи панихиды, Царь обратился съ прощальнымъ словомъ къ убіеннымъ, сдѣлалъ 3 земныхъ поклона, и первый началъ ихъ засыпать землею.

Когда насыпали курганъ, Царь своими руками водрузилъ на немъ крестъ съ надписью: «воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня.»

* 28 и 29 Іюня происходило погребеніе Шведовъ плѣнными, и надъ ними также совершили священный обрядъ плѣнные пасторы. Шведовъ погребено было болѣе 9000, а по Голикову 13,281.

И тогда же издалъ указъ о вѣчномъ поминовеніи убіенныхъ во вѣки. И каждый годъ 27 Іюня совершается изъ города крестный ходъ на могилу, и народъ тысячами стекается съ окрестныхъ мѣстъ и молитъ Господа о вѣчной памяти ихъ и виновника славы Россіи подъ Полтавой.

Теперь уже на курганѣ стоитъ другой крестъ и на немъ другая надпись: «А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога: была бы жива Россія, вѣра и благоденствіе ваше.» И кромѣ словъ Петра читаете на крестѣ: «Я, съ береговъ Дона, приходилъ поклониться могилѣ, тогда-то.» «Я, сынъ Украйны, поклонился кургану, тогда-то. «Я, съ Сѣвера, пришелъ поклониться Генію Великаго Царя.» Одна мысль, одно чувство, и чувство высокое, благоговѣйное, одушевляетъ всѣхъ приближающихся къ кургану. Самыя надписи на крестѣ показываютъ, какъ народъ чтитъ эту могилу.

Слава Великому совершителю славы отечества!

Сравнивая Петра I-го съ современными ему полководцами: Карломъ XII, Мальборугомъ и Принцемъ Евгеніемъ, которыми такъ гордится Европа, открывается вся высота въ военномъ отношеніи и превосходство надъ своими современниками преобразователя Россіи. Въ этомъ убѣждаетъ строгое изученіе военныхъ событій, и выводы свои я постараюсь передать въ слѣдующихъ книгахъ Очерковъ Россіи, гдѣ представлю со всею отчетливостію дѣла Петра Великаго.

Д. Пассекъ.

САРАЙ-ОРДА БАТЫЯ

НА ВОЛГѢ.

Если человѣчество есть одно цѣлое, одно тѣло, развившееся отъ единаго сѣмени, и всѣ части его совокуплены духовными и вещественными узами взаимныхъ необходимостей; то всѣ частныя событія въ нѣдрахъ его составляютъ или благодѣтельный процессъ общей жизни тѣла, который совершается безъ потрясеній; или нарушенное нормальное, здоровое состояніе, приливомъ и отливомъ крови, порожденное какою нибудь частною страстію. Въ первомъ случаѣ руководитъ событіемъ Провидѣніе, во второмъ человѣкъ. Слѣдовательно событіе, подобное нашествію Монголовъ, парализировавшее на долгое время все пространство древней Руси, мы не осмѣлимся назвать волею благодѣтельнаго Провидѣнія; ибо въ противномъ случаѣ должно было бы принять Фатализмъ за истинну, отвергать частную волю и существованіе зла.

Начальную причину нашествія Монголовъ должно искать въ насильственномъ распространеніи магометанства въ 7 столѣтіи на Востокѣ, гдѣ преобладало вѣрованіе Будды. Омаръ I, Бенъ-эль-Китабъ, второй Калифъ послѣ Магомета, первый назвавшій себя «Эмиръ-эль-Муменинъ»—повелитель правовѣрныхъ, съ мечемъ и огнемъ прошелъ Сирію, Халдею, Египетъ, Мессопотамію, Персію, Бактріану и даже, по нѣкоторымъ писателямъ, проникъ въ Индію, и въ продолженіи пути своего овладѣлъ 36,000 городовъ, истребилъ четыре тысячи храмовъ Христіанъ и Маговъ (Буддистовъ), основавъ вмѣсто ихъ 1400 мечетей Исламизма. Здѣсь началась борьба между двумя религіями: между Магометанской, упрощенной до однѣхъ молитвъ и отвергающей всякое изображеніе божества, и Ламизмомъ, или Буддизмомъ Могольскимъ, изтекшимъ изъ древней религіи Маговъ, (1) признававшихъ изображенія. Могущество и фанатизмъ Калифовъ преодолѣлъ; но Чингисъ-Ханъ, (род. 1164 — ум. 1227), произходящій изъ племени *Моголъ*, (2) сталъ воиномъ своего вѣрованія, освободилъ весь Востокъ, по сю сторону Гималая, отъ владычества Калифовъ Магометанскихъ, и возстановилъ первенство Ламайской религіи. Вскорѣ однакожъ въ Тамерланѣ явился новый представитель торжества Магометанства. При немъ Татарскія племена приняли Исламизмъ, или возвратились къ нему. Съ этого времени внутренніе раздоры за наслѣдіе Калифатства ослабили силы единства и Колоссъ Востока распался на части.

Чингисъ-Ханъ, совокупляя, такъ сказать, всѣхъ по-

клонниковъ Будды, и распространяя свое вѣрованіе, распространилъ и свои побѣды до береговъ Волги, границы населенія Славянскаго, или Русскаго. *Команія*, имѣвшая къ сѣверу: Русь, Мордву и Белировъ (Булгаровъ), Бастарковъ (Великую Унгарію), Парозитовъ (Боруссовъ?) и Самогитовъ (Самоѣдовъ); а къ югу: Алановъ, Черкесовъ и пр. принадлежала безъ сомнѣнія къ *хозрету* (владычеству) Торковъ, и хотѣла избѣжать отъ власти Чингисъ-Хана, надѣясь на помощь Князей Русскихъ. Но Чингисъ-Ханъ, *вступившій на конѣ въ главную мечеть Бухары, и потоптавшій Алкоранъ ногами*, въ 1223 году отрядилъ военачальниковъ Судая-Багадура и Чепновіана для побѣдъ по Каспійскому морю (3) и Волгѣ. Команы или Половцы, отъ которыхъ Чингисъ-Ханъ требовалъ покорности, какъ отъ *единоплеменниковъ*, воспротивились силамъ Монголовъ, и были разбиты, истреблены ими. Въ 1246 году, во время проѣзда Плано Карпини чрезъ Команію, были видны еще слѣды этого истребленія. Народъ бѣжалъ въ Кіевскую область, и тесть Мстислава Галицкаго, Половецкій Ханъ, взволновалъ всю Русь вѣстію о нашествіи Монголовъ. «Пріиде неслыханная рать, безбожни Моавитяне, рекоміи Татаре» говоритъ Волынская лѣтопись. (4) Галицкій Князь, въ защиту тестя, возстановилъ многихъ Князей Русскихъ; но сраженіе при Калкѣ, въ 1224 году, распахнуло только двери Монголамъ въ Русь.

Въ это время Русь была раздираема междоусобіями Ольговичей и Мономаховичей за право на наслѣдіе Великокняженія, и за отчее гнѣздо Кіевъ. Родъ Моно-

маха, въ лицѣ Андрея Боголюбскаго, основалъ новую столицу во Владимирѣ, и усиливъ себя Сѣверомъ, требовалъ отъ Кіева, какъ отъ своего удѣла, покорности; но Ольговичи боролись. Въ 1227 году Чингисъ-Ханъ умеръ, и завѣщалъ сыну Октай-Хану (5) давать миръ только побѣжденнымъ народамъ. Посреди дворца въ Каракурумѣ, (6) украшеннаго Китайскими художниками, Октай спокойно уже властвовалъ надъ народами, побѣжденными отцомъ. Для управленія Каспійскими и Приволжскими странами, и для новыхъ побѣдъ, отправилъ Бату-Хана, любимца своего, съ 300,000 войска. До 1237 года, Батый утверждалъ власть свою за Волгой; а въ этомъ году проникъ лѣсами въ южную часть Рязанской области, и потребовалъ отъ Князей десятины. Великій Князь Георгій отказалъ въ помощи Рязанскимъ владѣтелямъ, и—слабое сопротивленіе разъединенныхъ Русскихъ силъ, на первомъ шагу, поразило народъ ужасомъ, а въ Монголовъ внушило смѣлость безбоязненно вносить разрушеніе въ глубь Руси, и дарить миръ за подданство.

Въ томъ же году пала Рязань, Москва сожжена; а въ 1238 году Батый овладѣлъ Владимиромъ, Переяславлемъ, Юрьевымъ, Дмитровымъ и другими городами Великокняженія; потомъ проникъ къ Твери и Торжку, и почти изъ-подъ стѣнъ Новгорода возвратился въ Половецкую землю, *для усмиренія Половецкаго Хана Котяна*. Но въ слѣдующемъ и 1240 году подпала подъ иго его вся южная часть Россіи, съ матерію градовъ Русскихъ—Кіевомъ. Завоевавъ области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сербію, дунайскую

Болгарію, Молдавію и Валахію, Батый, *по причинѣ внезапной смерти Октая, возвратился на берега Волги*, и надменно принималъ владыкъ покоренныхъ странъ и посольства съ дарами посреди Сарай-орды, и отправлялъ ихъ далѣе, въ Китайскую Татарію, на поклоненіе и утвержденіе въ правахъ, къ наслѣднику Хана Октая, сыну его Куяку, или къ правительницѣ Моголіи ханшѣ Толи Гайханэ, матери Куякъ-Хана.

Первый изъ Русскихъ Князей, бившій челомъ великому Кагану Монголіи, въ 1246 году, былъ Ярославъ. Онъ прибылъ къ возшествію на престолъ Куякъ-Хана, (7) гдѣ его видѣлъ Плано Карпини, посолъ Папы Иннокентія IV.

«По прибытіи ко двору великаго Хана, пишетъ Плано Карпини, онъ приказалъ намъ дать палатку и угощать насъ; но мы не могли представиться ему; ибо избраніе его еще не совершилось и онъ не входилъ въ управленіе. По прошествіи пяти дней насъ представили его матери, гдѣ и были торжественныя пріемы, въ шатрѣ изъ бѣлаго бархата, въ которомъ могло помѣститься до 2000 человѣкъ. Вокругъ была деревянная ограда, украшенная различными фигурами и изображеніями. Тутъ мы увидѣли множество воеводъ и вельможъ, которые съѣхались со всѣхъ сторонъ съ своими людьми; всѣ они были верхами и расположены вокругъ. Въ первый день они явились въ бархатной бѣлой одеждѣ, во второй въ красной. И въ этотъ день самъ Куякъ прибылъ въ шатеръ. Въ третій день они были одѣты въ бархатъ фіолетоваго цвѣта; а въ четвертый

яркаго пунцоваго. У некоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ на конской сбруѣ было не менѣе 20 маркъ серебра.

Главныя лица, владѣтели удѣловъ, (Ханы, Беи, Султаны, Тайцзи (8)) совѣщались въ палаткѣ о избраніи Кагана; остальной народъ толпился вокругъ ограды, въ ожиданіи. Потомъ они начали пить кумысъ, что продолжалось до вечера; и наконецъ ввели насъ въ палатку и угощали брагой. Внѣ палатки были: Князь Ярославъ Суздальскій изъ Россіи, и многіе другіе владѣтели Китайскіе и Селенгскіе (Solangues) (9), два сына Царя Грузіи, посолъ Калифа Балдагскаго, и многіе другіе Суданы и Эмиры Сарацинскіе. По разсказамъ, всѣхъ владѣтелей, пословъ и разныхъ лицъ, пріѣхавшихъ съ дарами и покорностію, простиралось до 4000. Всѣхъ ихъ также поили; но оказывали всегда предпочтеніе намъ и Князю Ярославу.

Когда Каганъ Куякъ входилъ въ палатку, его сопровождали пѣніемъ; когда выходилъ, то склоняли передъ нимъ бунчуки (virgis speciosis, in summitate lanam coccineam habentibus). Этотъ дворъ Кагана называли Сарай-Орда (Cyra-Orda); но въ разстояніи трехъ или четырехъ часовъ ѣзды, въ прекрасной долинѣ, былъ другой шатеръ, который они называли *Золотой Ордой* (Orda aurea). (10) Здѣсь долженъ былъ Куякъ вступить на тронъ. Этотъ шатеръ былъ великолѣпенъ, основанъ на колоннахъ, покрытыхъ листами золота. Верхъ былъ парчевой, а полы изъ другихъ тканей.

Въ день Св. Варфоломея свершилась церемонія. Все собралось передъ шатромъ, и послѣ совершенія молитвъ къ полудню (11) съ колѣнопреклоненіемъ, что продолжалось долго, всѣ возвратились къ шатру, возвели Куяка на тронъ, и склонились передъ нимъ на колѣна. Мы были представлены Кагану въ томъ же шатрѣ, гдѣ совершалась церемонія возшествія на престолъ. Здѣсь приняты были и всѣ послы съ безчисленными дарами, состоящими изъ кусковъ бархата, пурпура. парчи, поясовъ тканыхъ изъ шелка и золота, богатѣйшихъ мѣховъ и пр. Въ числѣ даровъ были также: осыпанный драгоцѣнными камнями щитокъ отъ солнца, верблюды подъ парчевыми попонами, сѣдлы, кони и мулы въ уборахъ кожаныхъ и кованыхъ изъ желѣза; на холмѣ, въ отдаленіи отъ шатровъ, стояли пять сотъ возовъ наполненныхъ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. И все это составило дары Кагану и его окружающимъ.

Послѣ сего мы были въ другомъ мѣстѣ, гдѣ также былъ богатѣйшій пурпуровый шатеръ, подаренный Китайцами. Насъ угощали брагой, виномъ и вареньімъ мясомъ. Внутри, на возвышеніи, стоялъ престолъ Кагана, изъ слоновой кости, съ рѣзьбою, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. Около престола были скамьи; съ лѣвой стороны сидѣли жены, а съ правой никого не сидѣло. Вельможи Кагага сидѣли на скамьяхъ ниже, и другіе ряды младшихъ за ними.

Описанные нами три шатра были очень обширны; но жены Кагана имѣли особенные столь же кра-

сивые и просторные, сдѣланные изъ бѣлыхъ войлоковъ.

Отсюда Каганъ разъѣхался съ своей матерью, для совершенія суда надъ пойманной ея любимицей, которую уличили въ отравѣ Октая, отца Кагана, *въ то время, когда находились войска его въ Венгріи; что и было причиной возвращенія войскъ изъ сей страны*. Виновная и нѣкоторые изъ ея сообщниковъ были казнены смертію.

Въ это самое время умеръ внезапно Ярославъ Суздальскій. Онъ былъ приглашенъ къ матери Кагана, и она изъ своихъ рукъ угощала его. Едва возвратился онъ въ свое жилище, заболѣлъ и умеръ на седьмой день. Тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло, что и заставило всѣхъ вообще говорить, что онъ отравленъ, для того чтобъ легче овладѣть его землями.»

Рубрукъ или Рубруквисъ, посолъ Людовика IX въ Татарію и Китай, въ 1253 году, описываетъ слѣдующимъ образамъ прибытіе его въ Сарай-Орду Батыя, на Волгѣ:

«Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы приблизились къ Волгѣ (Etilia), было новое зданіе, устроенное Татарами при переправѣ для пословъ, которые ѣдутъ ко двору Батыя и возвращаются. Тутъ въ числѣ Татаръ, при переправѣ, есть и Русскіе. Дворъ Батыя находится на берегу, отъ этого мѣста къ востоку; а города и селы великой Булгаріи въ 5 дняхъ ѣзды къ сѣверу. Мы спустились по рѣкѣ въ суднѣ, и прибыли къ двору Батыя. Станъ Батыя походилъ на огромный

городъ, а тьма юртъ (12) была разсѣяна вокругъ на пространствѣ 3-хъ и 4-хъ *ли* *. Шатеръ двора, находящійся посрединѣ, называется Сарай-Орда; его двери обращены на югъ, и съ этой только стороны никто не смѣетъ селиться.

На другой день по прибытіи, мы были представлены ко двору, гдѣ былъ раскинутъ особенный огромный шатеръ; ибо тотъ, въ которомъ жилъ Батый, не могъ помѣстить всѣхъ собравшихся тутъ мужчинъ и женщинъ съ босыми ногами и открытой головой. Мы были введены въ шатеръ. Батый сидѣлъ на возвышеніи трехъ ступеней, на обширномъ, позолоченномъ мѣстѣ. Близь него сидѣла одна изъ его женъ. Разныя лица и женщины сидѣли вправо и влѣво за нею. При входѣ въ шатеръ была скамья (13) на которой стоялъ *кумысъ* (cosmos) и большія золотыя и серебряныя, осыпанныя драгоцѣнными камнями, чаши.

При ордѣ находятся маркитанты, и слѣдуютъ всюду при перекочеваніи.

Татары не имѣютъ постояннаго мѣстопребыванія: они кочуютъ на всемъ пространствѣ Скифіи, отъ Дуная до предѣловъ Востока. Во время лѣта поднимаются къ сѣверу, на зиму удаляются въ теплыя южныя страны. Ихъ домы (*юрты* или *гыръ*) устроены на колесахъ, и составляютъ плетень, (14) покрытый цвѣтными узорчатыми войлоками, съ отверстіемъ въ вершинѣ для дыма; нѣкоторыя до 30 фут. въ длину (въ діаметрѣ?) (15), и для перевозки ихъ употребляется болѣе десяти паръ воловъ. Входы

* *Ли* — мѣра пути, равна $271\frac{1}{14}$ саж.

завѣшены войлоками, и при остановкѣ всегда обращаются къ югу. Богатѣйшіе изъ Татаръ, или *Мугаловъ* (Moals) имѣютъ до 200 подобныхъ юртъ. Въ головахъ надъ хозяйскимъ мѣстомъ, виситъ всегда изображеніе въ родѣ куклы, сдѣланной изъ войлока, которую они называютъ *братомъ хозяйскимъ*. Надъ ложемъ хозяйки виситъ на стѣнѣ подобное же изображеніе: это ея *братъ*; тутъ же помѣщается баранья шкура, набитая шерстью, или чѣмъ нибудь другимъ, и при этомъ маленькое изображеніе, *домохранитель*. Близь дверей, съ женской стороны, изображеніе съ соскомъ коровьимъ, а съ другой стороны съ соскомъ кобылицы. Когда Татары собираются въ юртѣ на пиръ, то прежде всего они окропляютъ своимъ питьемъ изображеніе *брата хозяйскаго*; потомъ выходитъ юноша съ чашей кумыса въ рукахъ, и преклоняя колѣна, плещетъ по три раза на югъ во имя огня, на востокъ во имя воздуха, на западъ во имя воды, и на сѣверъ во имя умершихъ.

Что же касается до одежды, то всѣ ткани шелковыя, золотыя, серебряныя, и бумажныя, получаютъ они изъ Китая и Персіи, и другихъ восточныхъ странъ; а драгоцѣнные мѣха изъ Россіи, изъ (Moxel) изъ Великой Булгаріи, Паскатира или Великой Венгріи, изъ (Kersis), и другихъ подвластныхъ имъ странъ, изобилующихъ лѣсами.

Мужчины выбриваютъ макушку, и волосы висятъ отъ верха по вискамъ; они также обриваютъ виски, шею и лобъ до затылка, *оставляя на макушкѣ пучекъ*. На затылкѣ оставляютъ они волосы и плетутъ изъ нихъ косы.

Одежда женщинъ отличается отъ мужской только тѣмъ, что она длиннѣе. По выходѣ замужъ, дѣвушкѣ обрѣзываютъ спереди волосы до половины головы. Женскій головный уборъ называется *ботта*.»

Вообще описанія Рубруквиса и Плано-Карпини въ отношеніи обычаевъ, обрядовъ и одеждъ довольно смутны. Они не могли тщательно отличить одного народа отъ другаго; но сравнивая эти описанія жизни древнихъ Монголовъ съ современными, кажется, что они ни сколько не измѣнились: таже у нихъ *юрта* или *гыръ*, (15) тѣже *хиты*, (16) тоже *шаманство* или *шагмунизмъ*, тѣже идолы, тѣже обряды; разница только въ томъ, что прежняя Русь чествовала *Басму* великаго Хана Монголіи; а теперь ликъ Россійскаго Императора въ *Бурхани-Орьгё* между ликами ихъ божествъ.

А. В.

ГРАНИЦЫ ЮЖНОЙ РУСИ

ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

Гдѣ были границы южной Руси до нашествія Татаръ? гдѣ начиналась наша Русская земля и гдѣ земля Половецкая?

Въ XII вѣкѣ, въ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Полтавской и Харьковской, были у насъ города: Переяславль, Олтава, Лукомля, Каневъ, Ромны, Донецъ и др. На приложенномъ чертежѣ означены всѣ эти города, существовавшіе до прихода Татаръ. Принимая во вниманіе хлѣбапашество городскихъ жителей и окрестныя селитьбы, на что есть указанія у лѣтописцевъ, становится ясно, что граница Русская была еще южнѣе городовъ и, вѣроятно, шла живыми урочищами, преимущественно рѣками.

Обозрѣвая на мѣстѣ древнія городища и курганы въ Украйнѣ и Малороссіи, я обратилъ особенное вниманіе на городище Каганово, которое названо такъ по ошибкѣ въ наше время, и есть собственно древній

городъ *Донецъ*, гдѣ Игорь Святославичь, бѣжавшій изъ плѣна Половецкаго, нашелъ вѣрное убѣжище отъ погони.

Лѣтописецъ разсказываетъ о побѣгѣ Князя такимъ образомъ:

«Игорь послалъ конюшаго сказать Лавру, чтобъ онъ переѣхалъ на ту сторону съ поводнымъ конемъ... Половцы упились кумысомъ.... Конюшій увѣдомилъ, что Лавръ ждетъ его. Игорь, полный страха, вставъ поклонился образу Божіей Матери, надѣлъ на себя крестъ и снялъ со стѣны икону.... Стража полагая, что Князь спитъ, пировала и веселилась, а между тѣмъ Князь ушелъ изъ шатра. Это было въ Пятницу вечеромъ; и шелъ онъ одиннадцать дней до города *Донца*, оттуда въ свой Новгородъ — и обрадовались ему (1)»

Достовѣрность этого разсказа подтверждается пѣснію о походѣ Игоря. «Игорь свергнулъ горностаемъ въ тростникъ, какъ гоголь чрезъ воду пронесся... взлетѣлъ на коня.... соскочилъ, и помчался вдругъ волкомъ босымъ къ лѣсу Донца.... И летѣлъ какъ соколъ сквозь туманъ и билъ лебедей и гусей на завтракъ, обѣдъ и на ужинъ (2)»

Городъ Донецъ, куда прибѣжалъ Игорь, былъ на правомъ берегу р. Уды, верстахъ въ восьми отъ Харькова. И теперь совершенно сохранились окопы и рвы городка, который принадлежитъ уже помѣщику Щербинину. *

* И здѣсь я не могу не повторить моей признательности М. А. Щербинину за участіе и пособія въ моихъ изысканіяхъ. Въ его образованномъ семействѣ я нашелъ полное радушіе, которое не-

Въ книгѣ большаго чертежа сказано: *На лѣвой сторонѣ вверхъ по Удамъ, выше Хорошаго городища, Донецкое городище, отъ Хорошаго верстъ съ пять.* *

Теперь на мѣстѣ *Хорошаго городища*, отъ котораго уцѣлѣли съ сѣверной стороны рвы и валы, красуется надъ уступами горы дѣвичій *Хорошевъ Вознесенскій монастырь.* Народныя преданія относятъ Донецкое городище къ незапамятнымъ временамъ; разсказываютъ, что подъ водою, противъ самаго городка, отъ берега до берега р. Уды, проведена цѣпь, для прегражденія непріятелю хода водою. Въ самомъ городкѣ найденъ былъ ножъ или короткій мечь съ желѣзною рукояткою, нѣсколько кусочковъ листовой красной мѣди, небольшое глиняное украшеніе съ пронизкой; а во рвахъ множество черепковъ и костей. Принимая во вниманіе незначительность городка, который въ длину по вершинѣ своей будетъ не болѣе 80 шаговъ, кажется не возможно предположить, чтобъ онъ не былъ вблизи нашихъ Русскихъ селеній, или не поддержанъ цѣлой цѣпью другихъ укрѣпленій. И дѣйствительно, почти отъ самаго Посемья, куда часто врывались Половцы, идетъ *цѣпь городищъ*, которыя были въ XII вѣкѣ вѣроятно *дозорными*

тинно можетъ оцѣнить одинъ только путешественникъ. Не льзя не желать, чтобы на высотѣ городища былъ воздвигнутъ какой нибудь памятникъ Игорю Святославичу, который нашелъ здѣсь безопасный пріютъ, и безсмертному пѣвцу его, которымъ мы можемъ гордиться предъ цѣлой Европой.

* Древнія версты были болѣе нашихъ. Теперь Донецкой городокъ отъ Хорошева монастыря отстоитъ верстъ на 6.

укрѣпленными городками для охраненія границъ и наблюденія за движеніемъ Половцевъ. Такъ во времена набѣговъ Крымской Орды устроены были въ тѣхъ же мѣстахъ Чугуевъ, Царево-Борисовъ, и сдѣланы на большомъ протяженіи рвы и валы для преграждения пути непріятелю.

По Донцу видны городища: *Бѣлогородское*, *Нежегольское*, *Салтановское*, гдѣ теперь слобода верхній Салтовъ, ниже его *Колковское*, еще ниже: *Гумнинья* городище, за нимъ *Чугуево*, еще далѣе *Мохначево*; на усть-Уды *Баново* или *Кагайское* (Нагайское?) за Удою при устьѣ р. Можи *Зміево*, далѣе *Каменное;* вверхъ по Удѣ *Хорошее* и выше его древній *Донецъ городокъ*. Отсюда, сѣвернѣе р. Можи, впадающей въ Донецъ, до рѣки Коломака, впадающей въ Ворсклу, извѣстны два огромныя городища: одно принадлежитъ помѣщику Кукулевскому и извѣстно подъ названіемъ собственно *Городища*; другое *Хозаревское* городище *. Всѣ онѣ идутъ по нагорной сторонѣ рѣкъ и большая часть расположены по правому высокому берегу Донца; очевидно были въ связи между собою; всѣ обращены главною боевою стороною не противъ Руси, но за рѣку, въ степи и далеко озирали окрестности, особенно низменныя мѣста луговой стороны. Городище Кукулевскаго обхватываетъ двойными и тройными валами пространство версты на три. На вершинахъ валовъ ростутъ огромные дубы, и одинъ изъ нихъ, срубленный, имѣлъ

* Городища, находящіяся при вершинахъ р. Коломака, кажется, древнѣе изслѣдуемыхъ и принадлежатъ другому племени.

въ поперечникѣ болѣе сажени. Пень его еще видѣнъ. Случайно были находимы мѣдные оконечники стрѣлъ и ножи. *Хозаревское* городище обнесено также двойными и тройными валами, но такъ заросло лѣсомъ, что не было возможности осмотрѣть его и сдѣлать какія нибудь наблюденія безъ особенныхъ усилій, и потому не могу сказать о немъ ничего опредѣленнаго и рѣшительнаго Что же касается до цѣпи другихъ городищь, то всѣ онѣ, какъ правильнымъ взаимнымъ расположеніемъ, такъ и способомъ укрѣпленія, совершенно отличны отъ тѣхъ городищь, которыя находятся въ неразрывной связи съ курганами, всегда круглыя, расположены болѣе на равнинахъ и относятся къ глубокой древности. Вся цѣпь укрѣпленій идетъ по берегамъ рѣкъ, какъ по живымъ урочищамъ, и указываетъ на границы древней Руси до прихода Татаръ. Эта граница шла, кажется, отъ вершинъ Донца, внизъ по его теченію къ рѣкамъ Удѣ и Можи; отсюда къ ихъ вершинамъ и къ верховью р. Коломака, потомъ по теченію ея до Ворсклы, Ворсклою до Днѣпра. Названіе р. Мжи или Межи, кажется, указываетъ также на древнюю нашу границу: вѣроятно она была нашимъ рубежемъ съ землею Половецкою, а кочевыя становища Половцевъ были *еще глубже въ степяхъ, на нѣсколько дней ѣзды отъ Руси.*

Обращаясь къ лѣтописямъ, находимъ въ нихъ подтвержденіе нашихъ наблюденій. Сдѣлаемъ нѣсколько указаній. «Задумалъ итти проклятый Кончакъ на Русь; хотѣлъ плѣнить Русскіе города и спалить ихъ огнемъ...... и сталъ на *Хоролѣ* (3)». Слѣдовательно р. Хороль, протекающая въ Полтавской Губерніи въ

Лубянскомъ уѣздѣ, находилась въ предѣлахъ Руси; потому что Кончакъ остановился на *Хоролѣ*, уже вышедши изъ своего становища. Далѣе:

Когда Святославъ и Рюрикъ ходили на Половцевъ, Игорь желалъ участвовать въ ихъ успѣхахъ, призвалъ къ себѣ брата своего, и дѣтей Святослава, и сына своего Владиміра, и сказавъ имъ: Половцы *пошли на Русскихъ Князей*, а мы пойдемъ и ударимъ на ихъ становища. И какъ перебрался за *Мерло*, то встрѣтился съ Половцами, которыхъ числомъ 400 велъ на Русь Обавлько Струковичь. [4])

Слѣдовательно Половцы, встрѣтившись на рѣкѣ *Мерло*, (которая протекаетъ въ Харьковской Губерніи, въ Богодуховскомъ уѣздѣ), уже вышли изъ земли своей, потому что Игорь шелъ на ихъ оставленныя вежи, и встрѣтился за Мерломъ съ ихъ шайкою, *выступившею* на Русь. Далѣе:

Когда Игорь шелъ въ Половецкую землю, то простоялъ два дни на берегахъ Оскола, въ ожиданіи брата и вспомогательнаго войска. Изъ этого видно, что даже за Донцомъ или за нашей цѣпью укрѣпленныхъ городковъ, до Оскола, земля не принадлежала Половцамъ, — и оставалась, вѣроятно, не занятою, потому что и для нихъ было бы безпокойно и опасно жить въ виду нашихъ укрѣпленій.

Когда Игорева дружина была окружена Половцами, то всѣ воины сошли съ коней, и надѣялись

пѣшіе *пробиться къ Донцу, за которымъ вѣрно они считали себя безопаснѣе.*

Когда, въ 1191 году, Игорь съ братьями снова пошелъ на Половцевъ, то остановился у Оскола. «Половцы же *услышавши* объ этомъ, отодвинули свое кочевье глубже въ степи, а сами собрались въ ожиданіи непріятелей.» (5) Слѣдовательно, и въ этотъ разъ, до Половцевъ дошла вѣсть о нашемъ походѣ только въ то время, когда мы уже были на берегахъ Оскола, *а они кочевали еще далѣе.*

Изъ другихъ мѣстъ лѣтописей замѣтно, что Половцы занимали мѣста по берегамъ Дона, около устья Донца, по взморью и далѣе къ Дунаю.

Кіевское княженіе раздѣлено было отъ ихъ кочевьевъ р. Росью, гдѣ еще Великій Владимиръ строилъ города. Но вѣроятно и здѣсь между Русью и землею Половецкою находились земли не занятыя ни тѣмъ, ни другимъ народомъ, и граница южной Руси шла отсюда берегомъ Роси до Днѣпра, и Днѣпромъ до устья Ворсклы.

Дальнѣйшія изслѣдованія древнихъ укрѣпленій и собраніе мѣстныхъ народныхъ преданій, могли бы пролить новый свѣтъ на отношенія южной Руси съ кочевыми племенами.

И если насъ занимаетъ открытіе древней вещи, или римскаго вала, гдѣ нибудь, въ странѣ невѣдомой, и составляетъ продолжительный предметъ журнальныхъ толковъ, то безъ сомнѣнія открытіе, или положимъ только указаніе на *цѣлый рядъ уцѣлѣв-*

шихъ укрѣпленій нашей древней Руси противу набѣговъ кочевыхъ племенъ, не можетъ не обратить вниманія и не возбудить живаго участія и готовности къ пособію для дальнѣйшихъ изслѣдованій. *

Вадимъ Пассекъ.

* Безъ сомнѣнія, при разчисткѣ рвовъ нашихъ древнихъ городищъ, и разрытіи самихъ городищъ, найдутся Русскія монеты, выбитыя до прихода Татаръ, и нѣкоторыя изъ нашихъ древнихъ вещей. Здѣсь наши запасные музеи.

СМѢСЬ.

I. ГРАМОТА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, АѲОНСКОМУ ИВЕРСКОМУ МОНАСТЫРЮ.

Божіею милостію, мы Великій Государь Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ.

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новогородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Черемисскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ Государь, и Великій Князь Новгорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея Сѣверныя страны пове-

литель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и инымъ многимъ Государствамъ и землямъ Восточнымъ, и Западнымъ, и Сѣвернымъ отчичь и дѣдичь, и Наслѣдникъ и Государь, и Обладатель: пожаловали есмя Аѳонскія горы Иверскаго монастыря Архимандрита Діонисія съ братіею, что билъ челомъ намъ Великому Государю, Нашему Царскому Величеству онъ, Архимандритъ Діонисій, въ прошломъ де во 162 году: по Нашему Царскаго Величества указу данъ имъ въ Иверскій монастырь въ подворье и для отправленія службы Божіи Греческаго языку Никольской монастырь, что за коннымъ рядомъ. А нашей Великаго Государя жалованной грамоты имъ на тотъ Монастырь и по се время не дано. И намъ бы Великому Государю Нашему Царскому Величеству пожаловать его, Архимандрита, велѣть ему дать Нашу Великаго Государя жалованную грамоту почему имъ тѣмъ Никольскимъ монастыремъ владѣть, и по сколько человѣкъ братіи изъ ихъ Иверскаго монастыря въ Никольскій монастырь для церковной службы и монастырской потребы приезжать. И мы, Великій Государь Царь, и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ Наше Царское Величество, Иверскаго монастыря Архимандрита збратіею, или хто по немъ въ томъ монастырѣ иные Архимандриты будутъ, пожаловали, велѣли имъ тѣмъ Никольскимъ монастыремъ, что за коннымъ рядомъ, для отправленія службы Божіи владѣть и внемъ жить. А приезжать

имъ въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе въ четвертый годъ четыремъ человѣкомъ старцомъ да слушке, и какъ истого Иверскаго монастыря Архимандритъ или старцы съ сею Нашего Царскаго Величества грамотою въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе пріедутъ, и Нашего Царскаго Величества Украинскихъ городовъ бояромъ и воеводамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ того Иверскаго монастыря Архимандрита и старцовъ къ Намъ Великому Государю къ Москвѣ, такъ же и смосквы пропущать безъ задержанія, и подводы и кормъ и приставовъ давать противъ иныхъ такихъ какъ мочно поднятся, и пошлинъ и мыту, и перевозу, и мостовщины, и тамги съ нихъ не имати. А кто на нихъ и на ихъ слугахъ что возметъ или чемъ изобидитъ, и тѣмъ отъ Насъ Великаго Государя быти вопале, а взятое велимъ отдать въ двое Архимандриту и старцамъ того монастыря въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе, и изъ Нашего Россійскаго Царствія и иныхъ монастырей старцовъ и слугъ и лошадей и товаровъ чужихъ и заповѣдныхъ за свое и за своихъ людей не провозити, и тѣмъ имъ на себя Нашея Государскія опалы не наводити. Дана сія Наша Царскаго Величества жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7,107 мѣсяца Маія 19 дня.»

Въ подлинной грамотѣ Государственная печать привѣшена на золотомъ шнурѣ. Писана киноварью и золотомъ. На копіи, вмѣсто засвидѣтельствованія, при-

ложена въ заголовкѣ перваго листа, съ лѣва, монастырская черная печать, вершка въ полтора въ поперечникѣ. Въ 1767 году состоялся Высочайшій указъ, подтверждающій эту грамоту. Вотъ копія, данная по приказанію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, Московскаго Николаевскаго Греческаго монастыря Архимандриту Іоанникію съ братіею, съ состоявшагося имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго Указа, въ слѣдующей силѣ:

УКАЗЪ НАШЕМУ СѴНОДУ.

Поданнымъ Намъ, Сѵнодъ Нашъ докладомъ представляетъ: 1-е, чтобъ состоящему въ Москвѣ Николаевскому Греческому монастырю быть въ собственномъ Сѵнодальномъ вѣдомствѣ; 2-е, въ сходственность жалованной въ 7,177 году отъ Царя Алексѣя Михайловича Аѳонскія горы въ Иверскій монастырь грамоты, какъ нынѣ находящихся въ томъ Греческомъ монастырѣ изъ Греческой націи монашествующихъ оставить, такъ и впредь высылающимся на перемѣну ихъ быть на прежнемъ основаніи: то есть не опредѣлять къ нимъ изъ Великороссійскихъ монастырей монашествующихъ; и 3-е положенную по штату на тотъ монастырь денежную сумму изъ Коллегіи Экономіи въ оной монастырь отпускать въ надлежащее время всю сполна, не требуя отъ неполнаго монашествующихъ и протчихъ служителей числа остатковъ, и не чиня въ той штатной суммѣ по иностранству ихъ и незнанію Великороссійскихъ обрядовъ ни какихъ щетовъ. Мы оной Сѵнода Нашего

докладъ по прописаннымъ въ немъ резонамъ, симъ Всемилостивѣйше конфирмуемъ, повелѣвая о исполненіи по сему, куда надлежитъ, дать знать.

У подлиннаго собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Екатерина.

Оберъ Секретарь Михайло Остолоповъ.

Секретарь Аполлосъ Наумовъ.

17 Іюля. 1766 г.
Петергофъ.

Съ подлиннымъ читалъ Регистраторъ Петръ Осиповъ.

II. КРАСНОГОРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. На правомъ берегу быстрой и прозрачной Псёлы — пески и боръ, изрѣдка перемежающіеся роскошными лугами; надъ лѣвымъ берегомъ возвышаются крутыя горы, покрытыя частыми лѣсами.

На одной изъ этихъ горъ, изрытой дождевыми промоинами, Гадячь разсыпалъ чистыя и бѣлыя, съ темными соломенными кровлями, хаты своихъ граждань, и, въ тревожныя времена Гетьманщины, еще болѣе изрылъ эту гору своими рвами, и какъ наростами опоясалъ ее земляными валами, недавно стертыми во времена новой жизни новаго поколѣнія, для большаго удобства *перекупокъ*.

На одной изъ этихъ горъ, въ частыхъ и темныхъ лѣсахъ, верстахъ въ четырехъ отъ Гадяча, видна почернѣвшая отъ дождей и отъ старости обветшавшая церковь: это монастырь Красногорскій.

Но не ищи путешественникъ въ этомъ монастырѣ ни игумена, ни монаховъ; ты не найдешь ихъ.... найдешь только темныя и печальныя, осиротѣвшія иконы, томныя и печальныя стѣны.... Окрестъ тишина монастырская. Также далеко, какъ и въ прежнія времена, въ бору и по горамъ, и надъ прозрачными водами быстрой Псёлы слышится гулъ колокола; но къ вечернѣ и къ заутренѣ, вмѣсто монаховъ, собирается только изъ окольныхъ деревень и хуторовъ нѣсколько бѣдныхъ поселянъ. А церковь все еще слыветъ въ народѣ монастыремъ, и св. Николай, во имя котораго основана была обитель, считается покровителемъ ея молельщиковъ. Вотъ почему въ храмовый праздникъ церкви, въ день лѣтняго Николая (9 Мая), изъ ближнихъ и дальнихъ селъ стекаются въ него богомольцы, и вся окрестность въ это время усыпана народомъ всѣхъ возрастовъ и состояній.

Объ основаніи и существованіи этого Гадяцкаго Николаевскаго Красногорскаго, нѣкогда бывшаго монастыря, можно сказать вотъ что: извѣстно, что Всероссійскій Митрополитъ Исидоръ, послѣ Флорентинскаго Собора, склонился нѣсколько на сторону Католическаго исповѣдаванія, что онъ тщетно покушался распространить свои мнѣнія въ Россіи, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ нея. Въ это самое время образовался въ Польшѣ зародышъ Уніи, которая стоила столько крови Украйнѣ и Польшѣ, такихъ войнъ, обезсилившихъ ту и другую. Начались преслѣдованія, и нѣкоторые изъ православныхъ бѣжали въ отдаленныя отъ Польши мѣста и слѣдственно не столько подверженныя ея вліянію. Въ числѣ такихъ были,

по преданію лѣтописцевъ, и два монаха, избравшіе себѣ жительство въ Гадяцкихъ лѣсахъ, и тамъ, на правомъ берегу рѣки Псёлы, на горѣ Красной (отъ чего и названіе Красногорскаго) основали обитель, что случилось около 1482 году (см. Ист. Россійской Іерархіи). Отшельники болѣе и болѣе присоединялись, и современемъ число братіи значительно умножилось. Іеромонахъ Пименъ, съ благословенія Кіевскаго Митрополита Іоны (въ началѣ XVI вѣка), устроилъ церковь во имя св. Іоанна Предтечи; начальникъ монастыря Іеромонахъ Тортикъ, въ 1556 году, на иждивеніи Шляхетства и гражданъ Гадяцкихъ, построилъ большую деревянную церковь во имя св. Николая. Гетманъ Выговскій, осаждавшій Гадячь, раззорилъ было монастырь, но Гетманъ Самойловичъ, въ 1687 году, опять его возстановилъ, устроилъ и оградилъ землянымъ валомъ, котораго остатки и донынѣ замѣтны.

Въ 1692 году Гадяцкій Полковникъ Михайло Бироховичъ построилъ также во имя Николая новую церковь. При Гетманѣ Даніилѣ Апостолѣ, поверхъ вала, монастырь былъ обнесенъ еще палисадомъ.

Касательно монастырскаго устройства должно замѣтить, что настоятели его, съ 1482 по 1632, именовались просто начальниками; въ 1632 году, Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила учредилъ въ немъ настоятельство Игумена, которое продолжалось до самаго времени уничтоженія монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

По разсказамъ сторожиловъ, существованіе монастыря прекратилось не безъ пролитія крови. Когда

при сочиненіи штатовъ о духовныхъ имѣніяхъ, Гадяцкій монастырь положено было уничтожить, имущество его и казну отобрать, и дѣло дошло до исполненія этого; то окрестные жители собрались, кто съ чѣмъ могъ, и соединенными силами препятствовали мѣстному начальству исполнить законное предписаніе, пока не прислано было достаточное число солдатъ для вразумленія своевольныхъ защитниковъ своего мнимаго права.

Амвр. Метл.

III. О РЫБОЛОВСТВѢ ПО БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ, ВЪ ОДЕССКОМЪ КАРАНТИННОМЪ ОКРУГѢ. Рыбная ловля есть одна изъ отраслей промышленности приморскихъ жителей Херсонской губерніи; сверхъ того изъ другихъ мѣстъ приходятъ сюда для того же занятія многіе промышленники. Производится она *партіями* и преимущественно посредствомъ неводовъ и сѣтей. Ловятся здѣсь слѣдующія рыбы: камбала, скумбрія, бычки, осетры, иногда луфаря и паламида, — изрѣдка бѣлуга и весьма рѣдко карпы и севрюга; въ 1838 г. въ Кинбурнѣ ловились въ большомъ количествѣ сельди. Сбытъ производится преимущественно въ ближайшихъ городахъ, какъ свѣжею рыбою, такъ и соленою. Вотъ свѣдѣнія о рыболовствѣ въ Одесскомъ Карантинномъ округѣ, произведенномъ по берегамъ моря, подъ надзоромъ пограничной стражи, въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ.

	От Овидіополя до Одессы.	От Одессы до Очакова.	При Очаковѣ.	При Кимбурнѣ и поберегамъ моря.	Итого.
1836 г.					
Число партій	29	10	9	47	95
Число въ нихъ рабочихъ	228	108	102	530	968
Прибыль	въ 8 пар. 940 р.	въ 3 пар. 1,220	6,540	43,300	52,000
Убытокъ	въ 21 п. 7308	въ 7 пар. 1,333	—	—	8,641
1837 г.					
Число партій	23	13	9	44	89
Число въ нихъ рабочихъ	202	114	70	361	1,447
Прибыль	въ 9 п.—4,700	свѣдѣнія не отобрано *	4,760	11,199	20,659 } отъ 21 же партіи свѣдѣнія нѣтъ.
Убытокъ	6 п.—2,290 Отъ остальныхъ же 8 пар. свѣдѣнія не отобрано *		—	—	2,290
1838 г.					
Число партій	22	9	6	36	73
Число въ нихъ рабочихъ	152	91	45	339	627
Прибыль	3 п.—750	4 п. 413	1,550	1,291	4,004
Убытокъ	19 п.—5,500	5 п. 2,000	—	1,330	8,830

* Свѣдѣнія сіи не отобраны, по случаю бывшаго въ 1837 г. оцѣпленія Одессы, куда содержатели артелей, для спроса объ этомъ, вызываемы не были.

Изъ этого видно, что рыболовство отъ Овидіополя до Очакова было болѣе убыточно; при Очаковѣ же и Кинбурнѣ принесло значительныя выгоды. Причиною убытковъ преимущественно бываетъ недостатокъ опытности и умѣнья пользоваться временемъ, что въ этомъ промыслѣ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій.

А. У—цъ.

Генв. 1839.
Одесса.

IV. О РЫБОЛОВСТВѢ НА ДУНАѢ И ПО БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ ДО ДНѢСТРОВСКАГО ЛИМАНА. Между многими отраслями народнаго богатства въ Бессарабіи, рыбная ловля въ Дунаѣ и въ заливахъ, имъ образуемыхъ при впаденіи въ Черное море, также по берегамъ сего послѣдняго, составляетъ немаловажную вѣтвь промышленности и доставляетъ казнѣ доходъ, въ настоящее время хотя незначителнный, но обѣщающій впередъ большія выгоды.

Ловли эти находятся въ Измаильскомъ Градоначальствѣ, на образуемыхъ рукавами Дуная островахъ: *Лети*, *Четаль*, *Георгіевскомъ*, и въ Аккерманскомъ уѣздѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ ловятся: осетры, севрюга, бѣлуга, стерляди, сомы, коробы, сельди, судаки и щуки, и многія другія, но только не въ большомъ количествѣ. Количество же всей вообще рыбы, ежегодно здѣсь ловимой, простирается, — съ добываемыми изъ нея икрою и клеемъ, до 65 т. пудовъ, на сумму, примѣрно, отъ 300,000 до 350,000

рублей, не включая въ этотъ счетъ рыбы, оставленной промышленниками для собственнаго употребленія. Сбытъ производится, кромѣ продажи въ самой Бессарабіи и сосѣднихъ мѣстахъ, въ Польшу, Австрію и Молдавію, откуда пріѣзжаютъ для закупокъ тамошніе промышленники. Ловъ производится неводами, вершами, т. е. сѣтями, дѣлаемыми изъ лозы и толстой пряжи, на подобіе мѣшка, и другими дозволенными снарядами, содержаніе которыхъ съ лодками стоитъ въ годъ да 40,000 руб. * — Промысломъ этимъ занимается до 2000 человѣкъ, большею частію изъ жителей прибрежныхъ мѣстъ.

Казна, отдавая здѣшнія ловли на откупъ, получаетъ теперь дохода 15,730 р. въ годъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что при каждомъ изъ слѣдующихъ откуповъ сумма эта будетъ возрастать болѣе и болѣе. Это основывается на томъ, что рыбныя ловли на островахъ: *Лети*, *Четалъ* и *Георгіевскомъ*, поступили въ завѣдываніе Бессарабской Казенной Палаты только съ 1835 г.

А У — цъ.

Одесса 1839.

V. ВЕНГЕРСКАЯ ЛЕГЕНДА О ЦАРѢ АКВИЛѢ. **

Былъ Король Гунгарскій, именемъ Аквила. Былъ онъ богатъ и золотомъ и серебромъ и драгоцѣнны-

* Предусмотрительное Правительство наше запрещаетъ ловъ рыбы крюками при устьяхъ рѣкъ, дабы не пугать рыбы, которая періодически идетъ отъ моря къ верховью рѣкъ.

** Помѣщая этотъ переводъ въ Очеркахъ Россіи, издатель желаетъ познакомить нѣкоторыхъ читателей съ завоеваніями Аттилы, какъ о нихъ говоритъ легенда.

ми камнями, былъ богатъ и подданными, и стадами, и птицами и лѣсными звѣрями; могъ наслаждаться всѣми радостями міра; и возгордился, вознесся сердцемъ, такъ что вздумалъ всѣ царства земли, всѣхъ народовъ побѣдить и покорить своей власти. И далъ онъ приказъ, чтобы всѣ народы, ему подвластные, приготовлялись и вооружались къ сильной войнѣ, и, вооружась, собрались бы къ нему. Когда же собрались они и покрыли собой безмѣрныя поля, Аквила выбралъ изъ нихъ дружину самыхъ храбрыхъ и отважныхъ; а чтобы кто, по любви ли къ богатствамъ и родинѣ, или по горю жены и дѣтей, не отвлекъ его отъ замышленнаго дѣла, то онъ не открылся никому, и самъ, совѣтуясь только съ своей собственной отвагой и силой, повелъ свое войско противъ Литвы.

И покорилъ не медля Литву, и всю страну опустошилъ.

Покоривъ Литву, пошелъ въ Скутію, туда гдѣ покоится св. Брандамъ, и Скутію повергъ подъ стопы власти своей.

Оттуда вторгнулся въ Дакію, жестоко сразился съ Даками, бѣжавшихъ умертвилъ, остальныхъ покорилъ.

И собравши въ Дакіи корабли, Аквила пошелъ моремъ къ устью Рейна, и Рейномъ на веслахъ въ Тевтонію, и пришедши къ славному городу Колоніи, сталъ станомъ.

Тогда вышли противъ него одиннадцать тысячь дѣвъ. Тѣ дѣвы, посѣтивъ градъ святыхъ Апосто-

ловъ Петра и Павла, возвращались изъ Вероны. Стражи Аквилы ихъ увидали, устрашились, и поспѣшно извѣстили Царя; потому что съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ Аллеманію, еще не встрѣчали врага. И Царь и дружина, въ испугѣ, поспѣшно вышли противъ дѣвъ Христовыхъ, и стали ихъ поражать. Когда онѣ почти всѣ были убиты, самъ Царь подошелъ къ Христіанской дѣвѣ Урсулѣ, и, увидя, что она дѣва, а не мужъ, такъ говорилъ ей:

— О, если бы твоя благородная дѣвственность прислала посла къ нашему царскому величію, еслибъ увѣдомила насъ о твоемъ счастливомъ приходѣ, никогда бы твоя дружина не погибла отъ ярости нашихъ воиновъ. Но поелику убійство совершено по невѣдѣнію, не печалься о подругахъ своихъ, утѣшься, соединись со мною бракомъ, и будешь царицею всѣхъ царствъ.

— Злой песъ, отвѣчала благословенная Урсула, жестокій и дерзкій! Я невѣста Царя Царей, и гнушаюсь тобою какъ дьяволомъ, нечестивый драконъ, пожирающій Христіанъ!

Обиженный предъ лицемъ всей дружины, Аквила вознегодовалъ, и приказалъ умертвить Урсулу и остальныхъ дѣвъ. Одна только, именемъ Кордула, сохранила жизнь между трупами. Въ полночь нисшелъ въ сіяньи Іисусъ Христосъ и вознесъ въ царство небесное душу святой Урсулы и души святыхъ дѣвъ. Святая Кордула видѣла это, и стала горько плакать, разлученная съ подругами. На разсвѣтѣ она встала изъ-за труповъ. Одинъ изъ поганыхъ увидалъ ее и мечемъ отсѣкъ голову.

Изъ Колоніи двинулъ Аквила свой станъ въ Австрію, сразился тамъ съ Царемъ Тевтонскимъ, и, поразивъ его, вошелъ въ *Апулію*. Тутъ онъ сразился съ Нормандами и Францигенами, и побѣдивши, покорилъ ихъ своей власти.

Потомъ, перешедъ горы, вошелъ въ Ломбардію, землю ровную, застроенную многими городами, украшенную стѣнами и очень высокими башнями; и землю опустошилъ, и стѣны разбилъ, и башни разрушилъ. За такое нечестіе онъ названъ бичемъ Божіимъ.

Желая обойдти весь свѣтъ и покоритъ себѣ Имперію Римскую, онъ двинулъ свое войско на Римъ и, вооруженный духомъ ярости, самъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ.

На первомъ ночлегѣ, когда спалъ въ опочивальнѣ, къ нему явился въ сновидѣніи Ангелъ Святой.—Повелѣваетъ тебѣ Господь Богъ Іисусъ Христосъ не входить съ твоимъ звѣрствомъ въ святой городъ Римъ, гдѣ почиваютъ тѣла моихъ Апостоловъ; но возратись назадъ и накажи измѣнниковъ, которые, восклицая: да не будетъ надъ нами никогда царя, но сами собой управлять будемъ! умертвили Казимира, моего избраннаго царя Славянъ и Кроаціи, служившаго мнѣ во всю жизнь вѣрно всѣмъ сердцемъ и душой. Твоему потомству послѣ тебя позволю съ покорностью посѣтить Римъ и владѣть вѣчною короной. —

Сказавши эти слова, Ангелъ исчезъ.

И когда наступило утро, царь повелъ свое войско въ городъ, именемъ Венецію; оттуда пошелъ къ бе-

регу моря, и построилъ тамъ новый городъ, назвавши его Аквилеей, по имени Аквилы, царя Гунгаровъ, въ честь свою и память потомства.

Потомъ пошелъ съ войскомъ чрезъ Альпы Каринтійскія, и пришелъ къ границамъ Крваціи и Славоніи, между рѣками Савой и Дравой. Туда сошлись Князья Крваціи и Славоніи, и устроили войско, «и возсія солнце на щиты златые и мѣдяные, обсіяли горы отъ нихъ.» Сильный бой длился восемь дней, и предалъ Богъ князей въ руки царя Аквилы за царя ихъ Казимира, котораго они измѣнники убили: одни изъ Славовъ и Хрватовъ убиты, иные бѣжали, иные въ плѣнъ отведены.

Когда-же послѣ побѣды царь перешелъ рѣку, именемъ *Драву*, то увидѣлъ землю ровную и плодоносную. Уже прошло двадцать пять лѣтъ со времени его исхода изъ его отечества Восточной Унгаріи. Онъ чувствовалъ себя усталымъ отъ войнъ и побѣдъ, и сталъ думать, что долженъ дѣлать: воротиться ли въ отчизну, или поселиться въ этой завоеванной землѣ. Много дней провелъ онъ въ думахъ и скорби, и наконецъ ему пришла благая мысль, что если возметъ онъ для своихъ воиновъ женъ Славскихъ и Хрватскихъ, то можетъ владѣть землею въ мирѣ и покоѣ. И разсказалъ онъ свою мысль воинамъ, и всѣмъ она понравилась. Аквила обошелъ страну, и зерадовался ей, какъ нѣкогда народъ Израильскій землѣ Обѣтованной. Тогда послалъ онъ пословъ къ Князю Славовъ, и получилъ отъ него дочь племени ихъ, и женился на ней; его воины также нашли себѣ женъ въ этомъ племени.

Перешедши Дунай, онъ нашелъ страну ровную, степную, зеленѣющую буйными травами, изобильную пастухами, стадами, конями и дикими жеребцами; ибо тамъ обитали только пастухи и земледѣльцы. Самъ же царь Славоніи и Крваціи жилъ у моря въ городѣ Сиплеѳъ, гдѣ св. Павелъ пять лѣтъ былъ епископомъ, пока не обратилъ весь городъ къ вѣрѣ и не далъ эпископа. Тогда-же онъ отошелъ въ Римъ.

Потомъ Аквила пошелъ далѣе за рѣку Хизу, и тамъ нашелъ страну ровную и обширную, которая ему понравилась. Тогда онъ созвалъ войско, въ честь и славу его назвалъ эту землю Унгаріей, роздалъ обширныя помѣстья князьямъ и баронамъ, и съ общаго согласія завѣщалъ, что если жена родитъ ему многихъ сыновей, первородный будетъ владѣть всѣми.

И потомъ родила ему жена сына, именемъ *Колуммана*. Онъ нашелъ себѣ жену въ Крваціи.

И состарѣвшись, Аквила, славный побѣдитель свѣта, созвалъ всѣхъ князей и вельможъ земли своей, и передалъ царство въ руки сыну *Колуммана*, и умеръ *.

VI. ОСТЯЦКІЙ ПРАЗДНИКЪ ЯЛЯНЯ. Въ пяти верстахъ отъ Обдорска, Остяки праздновали въ честь ихъ бога Яляня. Обрядъ начался въ осьмомъ часу вечера и продолжался до двухъ ночи. Сначала дѣти, сзывая къ богомолью, подбѣгали къ юртамъ и какъ испуганныя кричали дикими голосами. Понемногу,

* Переведено изъ Хроники Богемской.

собирались Остяки въ особенную юрту, назначенную для богослуженія. Каждый, войдя, вертѣлся три раза передъ кумиромъ и потомъ садился на правой сторонѣ отъ входа на полу или нарахъ, разговаривалъ и занимался чѣмъ хотѣлъ. На лѣвой сторонѣ, за завѣсою сидѣли Остячки; онѣ также вертѣлись, при входѣ, предъ кумиромъ. Когда всѣ собрались, шаманъ загремѣлъ саблями и копьями, лежавшими предъ кумиромъ на шестахъ, нарочно устроенныхъ. Каждому далъ онъ саблю или копье; самъ взялъ по саблѣ въ обѣ руки и обернулся къ кумиру спиною. Женщины были закрыты занавѣскою. Взявши сабли и копья, Остяки выстроились вдоль юрты рядами, и всѣ вдругъ обернулись по три раза. Шаманъ зазвенѣлъ своими саблями и въ слѣдъ за нимъ всѣ закричали и начали качаться изъ стороны въ сторону. Крикъ то прерывался, то раздавался часто, и при каждомъ повтореніи *гай*, всѣ перекачивались на право и на лѣво, сперва осаживая сабли и копья къ низу, потомъ подымая ихъ къ верху. Чѣмъ болѣе они кричали и качались, тѣмъ сильнѣе становилось ихъ изступленіе и лица ихъ дѣлались все страшнѣй и страшнѣй, такъ что безъ ужаса я не могъ смотрѣть на нихъ.

Нагайкавшись, вдругъ всѣ замолчали, перестали качаться, обернулись, отдали сабли и копья шаману, который сложилъ ихъ на прежнее мѣсто, и сѣли на полу и нарахъ. Тогда поднялась занавѣсъ, скрывавшая Остячекъ; заиграли на *домрѣ*, инструментѣ въ родѣ гуслей или цимбалъ, и началась пляска, то

дикая, то смѣшная, то слишкомъ неблагопристойная. Между тѣмъ входили шуты въ разныхъ смѣшныхъ нарядахъ и говорили, или представляли, что приходило на умъ. Послѣ того шаманъ снова роздалъ сабли и копья; получа ихъ, Остяки снова обернулись, загайкали, перевернулись еще, ударили три раза концами сабель и копій въ землю, отдали ихъ шаману и разошлись по своимъ юртамъ.

Шавровъ.

VII. ТАТАРСКІЯ ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ МѢРЫ И ВѢСЫ ВЪ КРЫМУ.

Мѣры:

Занъ — участокъ земли 600 саж. въ длину и 12 въ ширину. Площадь его заключаетъ 3 десятины.

Билюкъ или Кайтымъ — третья часть *зана*, такъ что каждый *занъ* дѣлится на три *билюка* или *клина*. Той же мѣры *ярымъ* и *тохта*.

Бостанъ—участокъ 100 саж. въ длину и столько же въ ширину. Площадь его заключаетъ четыре десятины, четыреста саженъ. На участкахъ этого названія разводятъ *бакши* или собственно *баштаны*, т. е. огороды, на которыхъ сѣютъ болѣе арбузы и дыни.

Пай — участокъ неопредѣленной мѣры. У насъ слово это употребляется въ томъ же значеніи. *Паекъ*, вѣроятно происходитъ отъ этого же корня.

Арканъ — мѣра въ длину.

Кисекъ — заключаетъ $32\frac{2}{9}$ квадратныхъ сажени.

Вѣсы:

Бакла — четверть или 9 пудовъ, обыкновенно употребляется когда дѣло идетъ о хлѣбѣ. *Бакла* хлѣбнаго зерна засѣвается въ Крыму на $1\frac{1}{2}$ десятинахъ земли.

Демерлея — $\frac{1}{8}$ баклы или 45 фунтовъ.

VIII. МАЛОРОССІЙСКІЯ ПОВѢРЬЯ. *Заговоръ противъ укушенія змѣи*: «Заклинаю васъ, гадюки *, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и всѣми небесными силами; заклинаю васъ три Царици: *Куфію*, *Невію* и *Полію*, чтобъ не вредили младеньцу Петру **: волосомъ чернявому!»

Послѣ заклинанія читаютъ молитвы: *Пресвятая Троица*—пять разъ, *Отче нашъ*— семь разъ. Если змѣя очень ядовитая, то заговоръ повторяютъ три раза.

Заговоръ отъ глаза:

«Помогаешь бо вода явленая, очищаешь ты вода явленая и луга, и берега, и середину! Очищай ты вода явленая моего нарожденаго отъ прозора подумана, и погадана, и встрѣчена, и водянаго и вѣтрянаго,

* Гадюка — змѣя.

** Или старцу, или паробку, называя его по имени, прибавляя, смотря по цвѣту волосъ: билявому, рудому и пр.

и жиноцька, и мужицька, и парубоцька, и дивоцька. Подити вы уроки на сороки, на луга, на очерета, на болота, за моря!»

При этомъ заговорѣ даютъ пить святую, или заговоренную воду. Нѣкоторые только вспрыскиваютъ водою.

Средство отъ грызи:

Грызью называется въ Малороссіи ломъ въ рукахъ или ногахъ. Его вылечиваютъ такимъ образомъ: призываютъ мальчика или дѣвочку, но чтобъ они были *первенцы* или *послѣрожденныя* у отца и матери, у которыхъ уже не можетъ быть дѣтей. Даютъ такому ребенку слегка три раза кусать колѣно или локоть больной руки или ноги. Послѣ каждаго укуса ребенокъ долженъ плюнуть. Отъ этого, по видимому страннаго средства, по увѣренію людей просвѣщенныхъ, болѣзнь проходила въ самомъ скоромъ времени. Но противъ какого лома употребляется это средство или противъ всякаго, объ этомъ я не могъ дознаться навѣрное.

Точно также унимаютъ боль въ животѣ младенца, кусая слегка три раза пупочикъ и, послѣ *каждаго* укуса, сплевывая по *три раза*.

Оба эти средства пользуются въ Малороссіи повсемѣстнымъ употребленіемъ и довѣренностію.

В. Пассекъ.

IX. ХАРЬКОВСКАЯ ТРОИЦКАЯ ЯРМОРКА. Овцеводство въ Губерніяхъ Харьковской, Полтавской, Таврической, въ Новороссійскомъ краю и Бессарабіи составляетъ если не первую, то одну изъ самыхъ важ-

ныхъ отраслей хозяйства. Правда, что для разведенія тонкорунныхъ овецъ, въ каждой Губерніи есть свои неудобства: избытокъ солончаковъ, недостатокъ прѣсной воды, частыя засухи, эпидемическія болѣзни; но выгоды отъ этой отрасли хозяйства такъ значительны и опыты разведенія овецъ такъ удачны, что заводы быстро распространяются съ каждымъ годомъ. Доставляя зимнюю одежду, овцеводство даетъ обувь, значительные запасы продовольствія, шерсть для мужскаго и женскаго платья, и составляетъ важный предметъ заграничной торговли.

На югѣ Россіи назначены два главныя мѣста для торга шерстью: *Харьковъ* преимущественно для внутреннихъ губерній, и *Одесса* для заграничной торговли.

Вотъ *итоги* торговли шерстью и скотомъ на Харьковской Троицкой ярмаркѣ:

1834.			
пуды и штуки.		*цѣна за пудъ.*	*выруч: сумма.*
Шерсти..	39,018	»	1,429,303
Лошадей..	4,365	»	91,665
1835.			
Шерсти...	60,038	»	2,319,612
Лошадей..	не извѣстно	»	14,000
1836.			
Шерсти	77,748	»	3,009,966
Лошадей..	600	»	56,680
Рогатаго ск.	450	»	18,700
1838.			
Шерсти..	88,000	отъ 22 до 50 р.	3,000,000
Лошадей..	492	»	до 42,000
Рогатаго ск.	212	»	до 6,200
Овецъ....	378	»	27,000

Каждый годъ вся привезенная шерсть продавалась почти безъ остатка: небольшая часть шла на другія ярмарки, немногіе помѣщики увозили обратно.

Съ каждымъ годомъ торговля шерстью увеличивается, а торговля лошадьми упадаетъ. Овцеводство поддерживается выгодами разведенія тонкорунныхъ стадъ и вѣрностію сбыта; конскіе заводы значительно пали послѣ страшныхъ засухъ и неурожая въ 1833 году, и послѣ постановленія брать для конныхъ полковъ *степныхъ* лошадей. Значительное число лошадей, приведенныхъ на ярмонку въ 1834 году, объясняется, кажется, тѣми же обстоятельствами, и по всей вѣроятности, заводчики большею частію перейдутъ къ овцеводству. Но должно замѣтить, что врядъ ли удастся владѣльцамъ въ Губерніяхъ Харьковской, Воронежской, Курской и даже Полтавской выдержать соперничество съ Новороссійскимъ краемъ. Въ Харьковской Губерніи есть уѣзды, въ которыхъ десятина земли отдается въ наемъ подъ посѣвъ отъ 5 до 25 рублей, въ то время, какъ въ Новороссійскомъ краю десятина земли въ *продажѣ* стоитъ вообще отъ 7, до 25 рублей, даже при самомъ Днѣпрѣ продается десятина земли отъ 20 до 35 р. Притомъ же, здѣсь, особенно ближе къ морямъ, овцы, въ продолженіи года, ходятъ на подножномъ корму два лишнихъ мѣсяца, противу овецъ въ Харьковской, Воронежской и Полтавской Губерніяхъ.

Болѣе *полутора милліона* тонкорунныхъ овецъ находится въ Новороссійскомъ краю, Бессарабіи и въ Губерніи Таврической. Въ остальныхъ же Губерніяхъ, т: е: въ Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской и Полтавской считается не болѣе милліона.

Отпущено шерсти черезъ Одесскій портъ:

Въ 1836 г.	107,076 пуд.	на 6,163,775 р.
Въ 1837 г.	99,630 пуд.	на 5,359,870 р.
Въ 1838 г.	107,189 пуд.	на 6,597,266 р.

Изъ этого видно, что въ 1838 году на Одесскій рынокъ было привезено шерсти почти 20,000 пудами болѣе, нежели въ Харьковъ. Въ послѣдній поступило, въ числѣ всего количества шерсти (88,000 пуд), изъ Новорос. края: слишкомъ 20,000 пудовъ; изъ уѣздовъ Харьковской Губерніи, преимущественно изъ Изюмскаго: болѣе 45,000; остальные, слишкомъ двадцать тысячь пудовъ, изъ Губерній: Полтавской, Воронежской и Курской.

В. Пассекъ.

X. СИБИРСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ. Въ Тобольской Губерніи замѣчаютъ, что лѣто дѣлится на три части: жаркое и постоянное продолжается съ перваго Іюня по Іюль; дождливое съ Іюля по 15 Августа; свѣтлое и съ утренниками по 15 Сентября. Съ 8 Сентября начинается *бабье лѣто*. Первые жестокіе морозы бываютъ въ половинѣ Ноября и называются *Введенскими*, по имени праздника (21 Ноября), за ними слѣдуютъ *Екатериненскіе* (24 Нояб), *Рождественскіе*, *Крещенскіе*, *Афонасьевскіе* (18 Марта), и послѣдніе *Срѣтенскіе*. По этому ходу годовыхъ временъ есть поговорки: *Покровъ не лѣто Срѣтеніе не зима*. Бываетъ иногда, что къ 1 Апрѣлю земля обнажается отъ снѣговъ, а въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца идутъ снѣга и бываютъ морозы. Это время называется *отзимками*. Если око-

ло солнца или мѣсяца бываютъ ложные солнцы и мѣсяцы, то говорится: *солнце*, или *мѣсяцъ*, въ *рукавицахъ* Послѣ этого явленія ждутъ морозовъ или непогоды. Названія праздниковъ имѣютъ свои особенныя добавленія:

Евдокея плющиха, 1-го Марта. Замѣчаютъ, что если солнце грѣетъ такъ сильно, что подъ порогомъ избы растаитъ снѣгъ, и въ этой лужѣ можетъ купаться курица, то въ сей годъ не будетъ огурцовъ.

Василій капитель, 7 Марта. Въ это время обыкновенно капаетъ съ кровель.

Арина Урвиберега, 16 Апрѣля. Около этого времени показываются забереги.

Георгій съ водой, (23 Апрѣля), *Никола съ травой* (9 Мая). Въ этотъ день обыкновенно выгоняютъ въ поле скотъ. Около Георгіева дня вскрывается Иртышъ.

Еремея запрягальышка, 1 Мая; выѣзжаютъ въ поле съ сохою.

Арина разсадница, 5 Мая; сѣютъ капусту для разсады.

Лукерья комарница, 13 Мая; если въ этотъ день покажутся комары, то ягоды родятся въ большомъ изобиліи.

Сидора, 20 Мая; если сѣверный вѣтеръ свѣваетъ съ повѣтей сѣно, то будетъ неурожай на сѣно.

Акулина задери хвосты, 13 Іюня; это странное названіе дано по виду, съ которымъ коровы, не находя покоя отъ оводовъ, бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто.

Аграфена купальница, 23 Іюня; въ этотъ день боятся купаться.

Ивана гуляіцаго, 24 Іюня; обыкновенный народный праздникъ.

Никола обыденный, 27 Іюня; въ самомъ Тобольскѣ приводятъ въ этотъ день *лошадей* къ церкви Рождества Богородицы, служатъ молебенъ о сохраненіи ихъ и кропятъ водою.

Авдотья сѣногнойка, 4 Августа; въ это время идутъ мѣлкіе дожди.

Димитріевъ день перевоза не ждетъ, — 26 Октября.

Димитрій съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ.

Замѣчаютъ, что если на рябинѣ листья завянутъ и останутся на зиму, то будутъ сильные морозы. Если молоко скиснется безъ особенной причины, то ждутъ грозы. Если молоко, во время доенія, сильно пѣнится, то навѣрное будетъ дождь.

XI. МАЛОРОССІЙСКІЯ РАЗМЫВКИ, ИЛИ ПОВѢРЬЯ ПРИ РОЖДЕНІИ МЛАДЕНЦА. При рожденіи младенца нареченная кума беретъ изъ печи уголь, идетъ съ нимъ на перекрестокъ и бросаетъ уголь черезъ себя, для предохраненія новорожденнаго отъ недобраго глаза. Потомъ беретъ отъ матери дитя, а кумъ хлѣбъ и вино (водку) въ гостинцы священнику, отъ котораго оба отправляются въ церковь. Послѣ крещенія несутъ младенца обратно въ домъ матери. Здѣсь у дверей встрѣча-

етъ ихъ бабка и рядомъ съ нею кто нибудь изъ мущинъ, чтобъ всѣхъ было *четверо*. Перецѣловавшись одинъ съ другимъ, кумъ и кума, отдавая дитя, приговариваютъ: «вы *дали намъ рожденнаго, а мы вамъ отдаемъ молитвеннаго и крещенагоѵ*. Послѣ сего бабка кладетъ дитя на черной тулупъ, *чтобъ у него водился скотъ*. Съ тулупа передаютъ его матери, и садятся за столъ. Первые куски съ своей тарелки кума перекладываетъ на тарелку матери. Бабка, вмѣсто Русской каши, подноситъ взваръ изъ грушъ, и ей кладутъ на подносъ, или на тарелку деньги; а кто не можетъ ничего дать, тотъ кланяется и говоритъ: «*я завтра, бабушка, приду къ вамъ петрушку полоть*.» Послѣ бабушкинаго взвара, кума подноситъ водку за здоровье родильницы и всѣ, кто можетъ, кладутъ ей деньги. По окончаніи угощенія всѣ остатки со стола и деньги высыпаютъ въ колѣна матери.

На другой день рано утромъ приносятъ ведро воды, и никто не починаетъ, кромѣ бабки, которая наливаетъ ее въ кувшинъ, насыпаетъ туда овса, ржи и проса; на полъ ставитъ топоръ остріемъ вверхъ, на него кладетъ вѣнокъ изъ травъ, приступаетъ на него ногою и выдергиваетъ топоръ, которымъ послѣ того надсѣкаетъ вѣнокъ три раза въ трехъ мѣстахъ, и подаетъ родильницѣ сквозь него умываться. Спустивши воду съ локтя каждой руки въ горсть, родильница выпиваетъ ее. Этой же водою омываютъ ей крестообразно грудь для прибавленія молока или *покормки*, и даютъ отереться полотенцемъ. Послѣ того родильница подаетъ бабкѣ руки, чтобъ она ихъ

умыла — и одѣвшись, садится за столъ съ ребенкомъ на рукахъ, и вмѣстѣ съ отцемъ новорожденнаго; по-подчивавъ бабку водкой, даютъ ей хлѣбъ-соль, и деньги, на которыя она покупаетъ водки и угощаетъ отъ себя. Это называется *размывки*. Здѣсь вѣрятъ, что приготовленною такимъ образомъ водой родильница и бабка очищаются отъ всего нечистаго; а вѣнокъ прячутъ какъ предохранительное средство *отъ урока*, и какъ помощь въ болѣзняхъ младенца и самой матери. Молитву берутъ обыкновенно по настоянію священника.

Кромѣ этихъ средствъ, для предохраненія ребенка отъ *глаза*, мать третъ себя рукою подъ мышкой и тою же рукою отираетъ лице младенца. Иногда, замѣтивши недобрый взглядъ на младенца, или услышавъ недоброе противъ него слово, мать, выпроводивъ гостя, садится на порогъ и смотритъ пристально на потолокъ, а потомъ на свои ногти. Во всемъ, даже въ этихъ повѣрьяхъ, видно нѣжное попеченіе матери о младенцѣ и сердечная забота о сбереженіи его.

Не буду говорить теперь о дѣйствіи недобраго глаза, что можетъ быть, не шутя, испытывали нѣкоторые изъ читателей; но со временемъ, передамъ многіе случаи, извѣстные въ разныхъ мѣстахъ Россіи, на югѣ и на сѣверѣ, случаи страданія младенца отъ *недобраго глаза*, отъ этого злаго духа зависти и недоброжелательства, который временемъ смущаетъ даже взрослаго, сильнаго человѣка. Я бы могъ указать на образованныя, извѣстныя семейства,

которыя убѣждались въ этой истиннѣ тяжелымъ опытомъ, и часто, истощивши всѣ средства, предлагаемыя наукою, были обрадованы неожиданнымъ исцѣленіемъ младенца чрезъ дѣйствіе вѣры простаго человѣка, облеченной въ бѣдную, грубую форму.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. ПОРТФЕЛЬ ЛОМОНОСОВА.

На стр. 47. Послѣдніе строки 4-го параграфа напечатаны такъ какъ въ оригиналѣ; но въ нихъ нѣтъ смысла вѣроятно по опискѣ, и кажется должно читать: «за тѣмъ, что опасается отдать на разсмотрѣніе иноземецъ природнымъ, ученикъ учителямъ, начавшій многотрудившимся.»

2. КАРТИНЫ СТЕПЕЙ.

1. Геделштрома, отрывки о Сибири. Книга богатая фактами и наблюденіями.
2. Тамъ же.
3. Тамъ же.
4. Тамъ же.
5. Тамъ же.
6. Кромѣ значительныхъ рѣкъ, протекающихъ чрезъ южныя или новороссійскія степи, замѣчательны: *Самара*, *Сура*, два *Ингула*: большой и малый, *Конскія воды*, *Молочныя воды*, *Берда*, *Калміусъ*, *Міусъ*, *Волчьи воды*, *Сугоклея*, *Грамоклея*, *Синюха*, *Тилигулъ*, *Кадома*, *Быкъ*, *Торъ*, и др. Въ крымскихъ степяхъ: Салгиръ, Карасу, Зуя и др. Вообще мѣстъ безводныхъ не много, и то болѣе по близости къ морямъ, между лиманами большихъ рѣкъ.

7. Каменный уголь добывается по берегамъ Донца, и въ степяхъ около Азовскаго моря. Алебастръ находятъ въ изобиліи въ сѣверовосточной части Екатеринославской Губерніи. Хлѣба отпущено за границу изъ одного Одесскаго порта въ 1838 г. ржи 44,341 четв., пшеницы 991,061 четв., гороху 8873 чет., овса 7197 чет., ячменю 63,708 чет., кукурузы 53,419 чет., сѣмени льнянаго 141,481 чет., конопляннаго 3836 чет. — Итого болѣе 10,000,000 пудовъ, на сумму слишкомъ 25,000,000 рубл. — Шерсти въ томъ же году отпущено изъ Одесскаго порта слишкомъ 107,189 пудовъ, на сумму болѣе 6,597,000 р. О выгодахъ разведенія овецъ въ Новороссійскомъ краю сравнительно съ Малороссіей см. въ смѣси статью о Харьковской Троицкой ярмаркѣ.
8. Бердянскъ на сѣверномъ берегу Азовскаго моря, близь устья р. Берды. Здѣсь прежде были рыболовныя заведенія, но выгоды торговаго мѣстоположенія навели на мысль открыть здѣсь портъ, чтобъ удобнѣе и ближе было сбывать окрестнымъ жителямъ свои запасы хлѣба. Въ три года существованія своего, Бердянскъ обстроился хорошими каменными зданіями.

Кизякъ употребляется въ безлѣсныхъ мѣстахъ вмѣсто дровъ, приготовляется изъ навоза и рѣжется на кирпичи.

3. ЗЛАТЫЯ ВРАТА.

1. Пѣснь ополченію Игоря Святославича, переводъ А. Вельтмана; 1833. Москва.
2. Robertson, L'histoire de Charl V Introduction.
3. Софійскій Временникъ — 247—249.
4. Собраніе путешествій къ Татарамъ ст. 9.

4. ТАВРИДА.

Описывая Крымъ, Авторъ желалъ передать впечатлѣнія, какія онъ испыталъ здѣсь подъ вліяніемъ природы, развалинъ прошедшаго и жизни настоящаго, соблюдая строгую истинну въ статистическихъ фактахъ и замѣчая отличительныя черты этой страны. Во второмъ отрывкѣ, помѣщены выписки изъ путешествія Муравьева по Тавридѣ, и Татарской рукописи подъ названіемъ: «Начало владычества Крымскихъ хановъ и проч. *Алія.* 1007 г. Геджиры.» За доставленіе рукописи Издатель обязанъ Г. Курляндцову, драгоману въ Яссахъ.

За переводъ надписей надъ памятниками Авторъ статьи приноситъ благодарность Чиновнику служащему при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ Генералъ-Губернаторѣ, Г-ну Борзенку.

5. ШВЕДСКАЯ МОГИЛА.

Эта статья служитъ только общимъ приготовительнымъ очеркомъ къ слѣдующимъ статьямъ, въ которыхъ Петръ Великій будетъ представленъ, *какъ полководецъ*, сравнительно съ первѣйшими полководцами его времени во всей Европѣ.

6. САРАЙ-ОРДА БАТЫЯ НА ВОЛГѢ.

1. Вообще это поклоненіе составляетъ секту Зароастра—отдѣльное поклоненіе *Агни*. Основой ему служитъ мнѣніе, что начало всего есть огонь, между тѣмъ какъ противное понятіе, извѣстное въ Сиріи подъ названіемъ. Менде-Яхія (Секта Іоаннитовъ, Pretre Jean Монголіи) полагаетъ началомъ всего воду. Отсюда символъ перваго солнце, символъ втораго луна.
2. Moal. муаль пѣснь. соотвѣтс: Готскому mael. Отсюда *Мулла*—духовный пѣвецъ, и *Моголъ*—племя или кости духовныхъ, подобно Браминамъ Индіи, Друидамъ Британіи, Халдеямъ Вавилона и пр. Буддизмъ составлялъ власть духовенства, направленіе монастическое, напротивъ Магометанизмъ — власть силы.
3. Въ Бакинской провинціи были древнѣйшія святыя мѣста Маговъ. Названія уѣздовъ *Магалъ*, безъ сомнѣнія есть еще слѣдъ монастырскихъ округовъ.
4. Карамз. Т. 3. Прим. 294.
5. По Китайскому и Монгольскому названію Угэдэ, Угэдай. — Зап. о Монг. Іакинѳа.
6. По Рубруквису. По Кит. Монг. лѣтоп. Хара-Хоринъ.
7. По Плано-Карпини Gogcham Cuyné — Каханъ Кюинэ.
8. Китай. назв. Гунъ, Бэйлэ, Цинь-ванъ; Тайцзи знач: принцъ княжескаго дома.
9. Область Селенга.
10. Мы увѣрены, что близкое значеніе къ этому имѣли *золотыя врата*, существовавшіе въ Константинополѣ, въ Кіевѣ и во Владимирѣ.
11. Агни управляетъ полуднемъ.
12. Юрта и Орда значатъ *шатеръ* и имѣютъ одно значеніе.

13. Юрты по сіе время состоятъ изъ рѣшетчатыхъ складныхъ стѣнокъ, скрѣпленныхъ вмѣсто шпеньковъ сырымъ ремнемъ; съуживая можно повышать ихъ, расширяя понижать. Остовъ облекаютъ войлоками, и обтягиваютъ шерстяными тесьмами. Дымнос отверстіе въ серединѣ намета накрываютъ особливымъ войлокомъ.

14. На рисункахъ Рубруквиса нѣкоторыя юрты изображены четвероугольными.

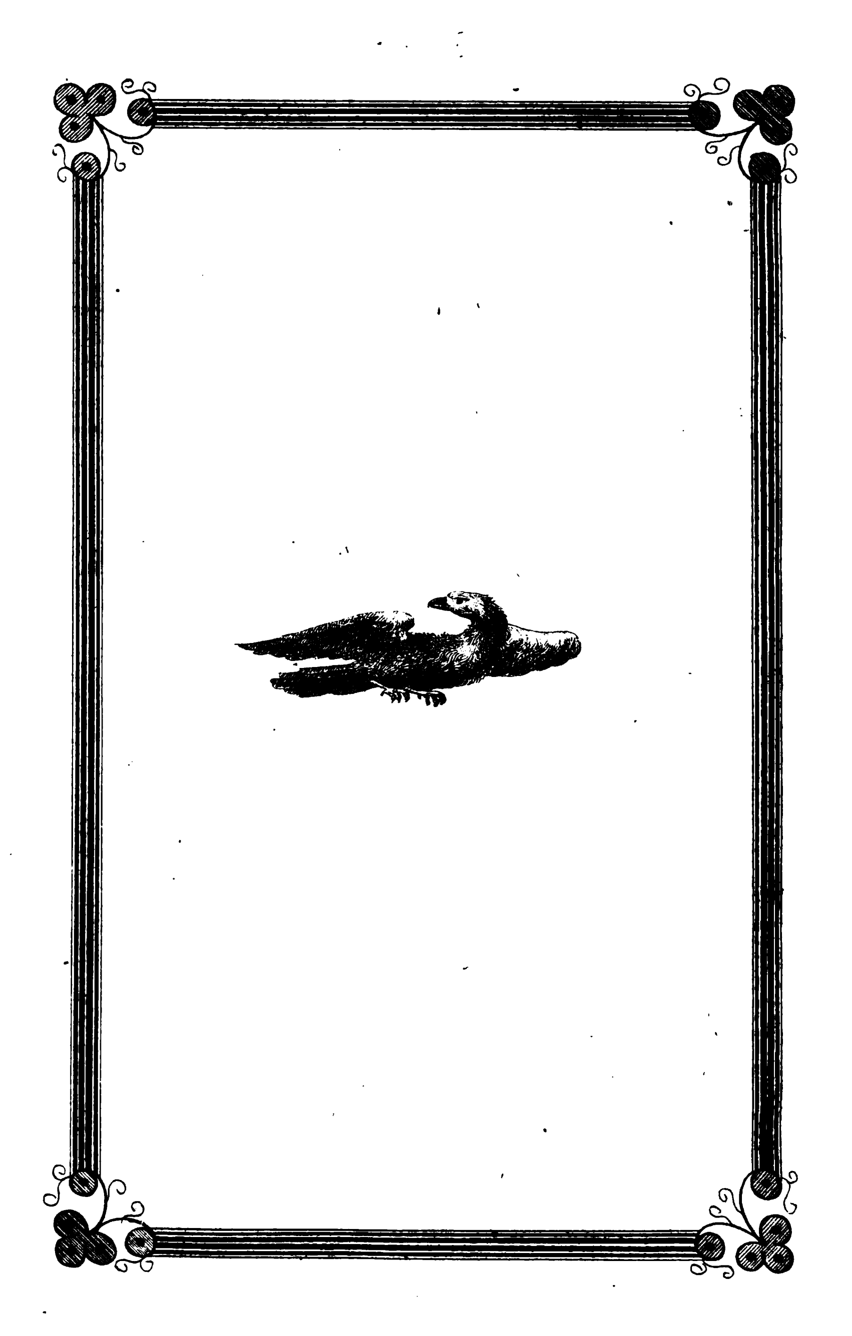
15 У нынѣш. волжскихъ калмыковъ Куря (Курень), ставка главнаго Хурума, слово близко къ Cour — дворъ, дворецъ; ставка владѣльцевъ Улуса называется также Орьге, тоже что Орда. Рубруквисъ называетъ ставку Батыя: Curia-Orda, а Плано-Карпини Syra-Orda — Сарай-Орда.

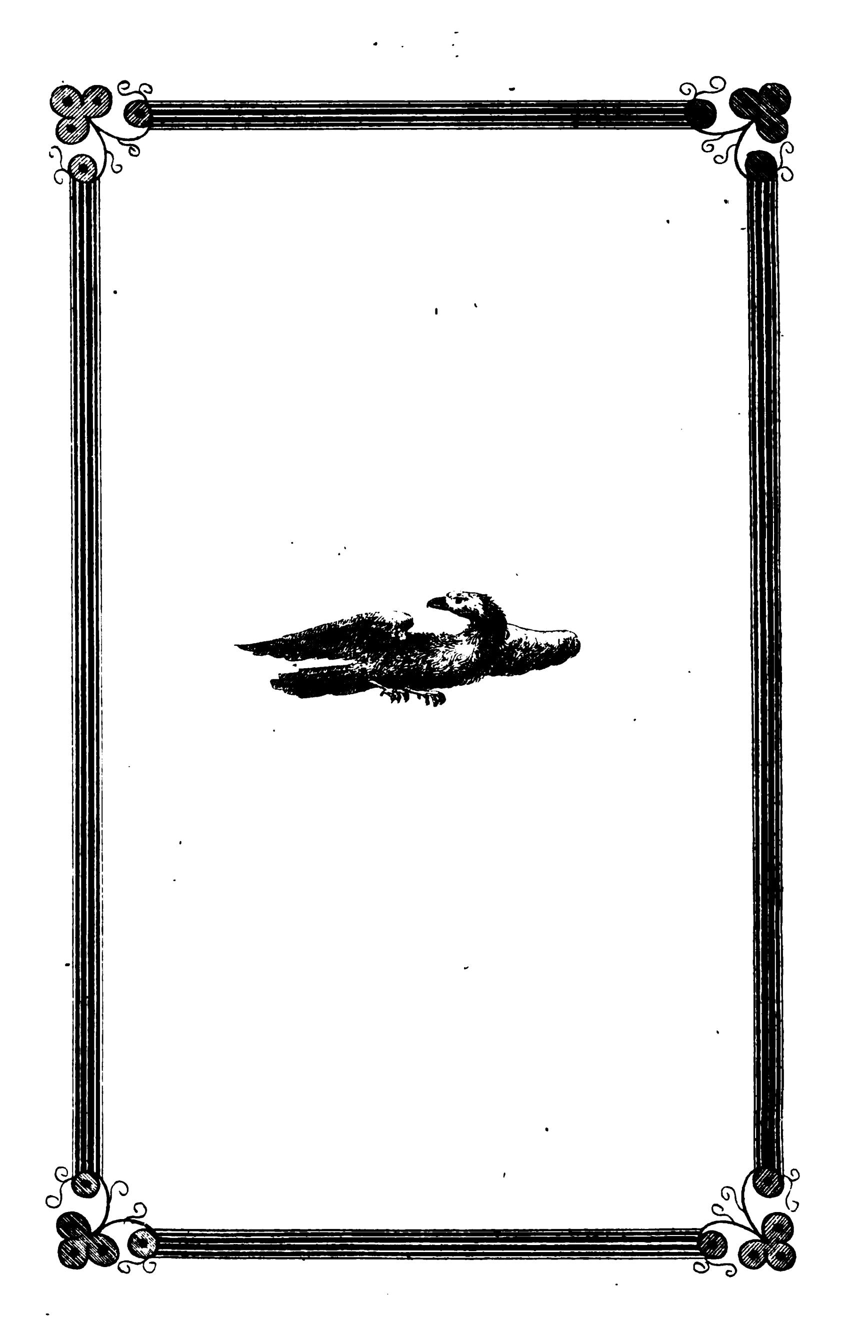
16. Скитъ — монастырь.

7. ГРАНИЦЫ ЮЖНОЙ РУСИ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

1. Кіевск. Лѣтопись. См. И. Г. Р. Т. 2. примѣч. 73.
2. Пѣснь ополченію Игоря Святославича.
3. И. Г. Р. Томъ 2. примѣч. 68.
4. Тамъ же.
5. Тамъ же. Примѣч. 74. Занимавшись болѣе семи лѣтъ обозрѣніемъ и изслѣдованіемъ городищь и кургановъ, издатель на мѣстѣ обозрѣлъ большую часть укрѣпленій по рѣкамъ Донцу, Удѣ, Можи и при вершинахъ Коломака. Краткій отчетъ изслѣдованій доставленъ въ Императорское общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кромѣ того имъ же составлены карты расположенія насыпей, и привезены для Музея Императорскаго Московскаго Университета три статуи или *каменныя бабы* изъ степей Украйны. Онѣ обращаютъ вниманіе своею величиной и цѣлостію, въ какой сохранились до нашего времени.

СОДЕРЖАНІЕ.

6p

Пол
№